

Федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«КЕМЕРОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Натпит Айдысмаа Андреевна

**МОДЕЛИРОВАНИЕ ФРАГМЕНТА МЕНТАЛЬНОГО ЛЕКСИКОНА
ТУВИНСКО-РУССКИХ БИЛИНГВОВ, ПРОЖИВАЮЩИХ НА
ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ ТЫВА (ОПЫТ
ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ НА МАТЕРИАЛЕ
УПОТРЕБИТЕЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ)**

5.9.8. Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика
(филологические науки)

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
Колмогорова Анастасия Владимировна,
доктор филологических наук, профессор

Кемерово – 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СИСТЕМНОГО ИЗУЧЕНИЯ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПАРАМЕТРОВ УПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ СЛОВ ТУВИНСКОГО ЯЗЫКА	11
1.1. Республика Тыва с точки зрения социолингвистики	11
1.1.1. Языковая ситуация: к определению понятия.....	11
1.1.2. Языковая ситуация в Республике Тыва.....	17
1.2. Психолингвистические исследования языкового сознания тюркско- русских билингвов	26
1.2.1. Психолингвистический анализ языкового сознания: история становления и основные понятия.....	26
1.2.2. Методы психолингвистики	28
1.2.3. Психолингвистические исследования русско-тюркского билингвизма.....	31
1.3. Изучение ментального лексикона билингвов: методика оценки психолингвистических параметров слов.....	38
1.3.1. Понятие ментального лексикона.....	38
1.3.2. Специфика ментального лексикона у билингвов	44
1.3.3. Методика изучения психолингвистических параметров слова как основа моделирования ментального лексикона билингвов	49
ВЫВОДЫ ПО 1 ГЛАВЕ	55
ГЛАВА 2. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПАРАМЕТРОВ УПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ СЛОВ ТУВИНСКОГО ЯЗЫКА И ИХ ВИЗУАЛЬНЫХ КОРРЕЛЯТОВ.....	57
2.1. Дизайн экспериментальной работы	57
2.2. Психолингвистические параметры слов тувинского языка из ядра употребительной лексики	66
2.2.1. Психолингвистический параметр «Субъективная частотность» для тувинских слов	66
2.2.2. Психолингвистический параметр «Представимость» для тувинских слов	76
2.2.3. Психолингвистический параметр «Возраст усвоения» для тувинских слов	83

2.2.4. Психолингвистический параметр «Сходство образа с рисунком» для тувинских слов	89
2.2.5. Психолингвистический параметр «Субъективная сложность рисунка» для визуальных коррелятов тувинских слов	96
2.2.6. Психолингвистический параметр «Знакомство с концептом (с действием/объектом)» для визуальных коррелятов тувинских слов	104
2.2.7. Психолингвистический параметр «Устойчивость номинации» для тувинских слов	109
2.3. Психолингвистические параметры русских слов, употребляемых в речи тувинцев-билингвов на тувинском языке.....	114
2.3.1. Психолингвистический параметр «Субъективная частотность» для слов русского языка	118
2.3.2. Психолингвистический параметр «Представимость» для слов русского языка.....	119
2.3.3. Психолингвистический параметр «Возраст усвоения» для слов на русском языке.....	120
2.3.4. Психолингвистический параметр «Сходство образа с рисунком» для слов русского языка	121
2.3.5. Психолингвистический параметр «Субъективная сложность рисунка» для визуальных коррелятов слов русского языка.....	121
2.3.6. Психолингвистический параметр «Знакомство с концептом» для слов русского языка	123
2.3.7. Психолингвистический параметр «Устойчивость номинации (Н)» для слов русского языка	123
2.4. Корреляции психолингвистических параметров слов из выборки	128
2.5. Модель фрагмента ментального лексикона тувинско-русского билингва (на основе изученной выборки).....	137
ВЫВОДЫ ПО 2 ГЛАВЕ	140
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	143
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	147

ВВЕДЕНИЕ

Диссертация посвящена экспериментальному изучению психолингвистических параметров слов тувинского языка по данным языкового сознания тувинско-русских билингвов и моделированию фрагмента ментального лексикона тувинцев-билингвов, включающего данные слова.

Актуальность данного исследования обусловлена всё большим распространением феномена билингвизма, в частности – русско-национального билингвизма. Национальные языки, их сохранение и специфика взаимодействия с русским языком – один из векторов современных социо- и психолингвистических исследований. Особенно важным знание специфики организации ментального лексикона билингвов становится в контексте быстро меняющихся реалий повседневной жизни и культурных практик коренных народов – психолингвистическая реальность билингвального языкового сознания предоставляет нам косвенные свидетельства глубины и качества таких изменений. Кроме того, результаты экспериментальных работ в данной сфере призваны восполнить пробел, существующий в практике речевой терапии билингвальных пациентов с диагнозом «афазия»: после наступления заболевания зачастую тюркско-русские билингвы эффективнее восстанавливают родной язык, нежели неродной (русский), но на данный момент отсутствуют, например для тувинского языка, базы данных слов, нормированных по их психолингвистическим параметрам, которые могли бы стать источником лексического материала для восстановительных упражнений, необходимых в процессе реабилитации больных афазией.

Новизна исследования заключается в том, что впервые экспериментально выявлен список слов тувинского языка из ядра употребительной лексики, а также ряд слов русского языка, использующихся в речи на тувинском тувинско-русскими билингвами в ситуации повседневной коммуникации; впервые выявлены и систематизированы данные о значениях 7 психолингвистических параметров 102 тувинских и 40 русских слов в языковом сознании тувинско-русских билингвов; построена модель ментального

лексикона тувинца тувинско-русского билингва молодого поколения (средний возраст 22,6 года); уточнено место тувинских слов различных тематических групп (культурно-значимые слова; повседневная лексика; лексика, номинирующая предметы быта; зоонимы), а также русских слов, встречающихся в речи билингвов на тувинском языке, в модели ментального лексикона (ядро, околоядерная зона, ближняя и дальняя периферия) билингвов.

Объектом исследования в данной работе выступают тувинские и частично – русские слова из ядра употребительной лексики, встречающейся в речи тувинско-русских билингвов.

Предметом исследования являются психолингвистические параметры тувинских слов и их визуальных коррелятов (рисунков): субъективная частотность, возраст усвоения, представимость, устойчивость номинации, знакомство с концептом, сходство образа с рисунком, субъективная сложность рисунка, устойчивость номинации (Н).

Гипотеза исследования: значения психолингвистических параметров тувинских слов и частично – русских слов в условиях билингвизма будут предопределять место данных слов в ментальном лексиконе тувинцев, отражая специфику языковой ситуации в Республике Тыва и современные реалии быта и культуры тувинского этнокультурного сообщества.

Теоретическая значимость: существенно дополнено понятие «ментальный лексикон билингвов»; описана языковая ситуация в Республике Тыва на текущий момент; произведена интерпретация результатов экспериментов со 145 тувинско-русскими билингвами по выявлению значений 7 психолингвистических параметров 102 тувинских слов и 40 русских слов, используемых тувинско-русскими билингвами в речи на тувинском языке и их визуальных коррелятов; построена модель фрагмента ментального лексикона тувинско-русского билингва, включающая в себя слова тувинского и русского языков из ядра употребительной лексики.

Практическая ценность полученных результатов связана с тем, что в будущем они станут материалом для создания базы данных значений

психолингвистических параметров (ПП) тувинских слов и их визуальных коррелятов (рисунков). Подобная база данных будет важным источником материала для разработки восстановительных упражнений, адаптированных к специфике ментального лексикона тувинско-русских билингвов с афазией, и будет применена в клинической практике. Хотя при разных видах афазий пациенты испытывают разные трудности при обработке вербальных и соответствующих им визуальных стимулов, установлено (например, [Cuetos, 2002; Nickels, 2001]), что ПП слов глобально влияют на когнитивную обработку слов пациентами с афазиями: например, если слово имеет высокие значения субъективной частотности, то увеличивается процент успешности выполнения пациентом теста на номинацию, хотя верхние и нижние границы такой успешности будут варьировать в зависимости от типа афазии и конкретных зон локализации дефекта. Таким образом, полученные в исследовании результаты могут быть использованы для разработки тестов для оценки речевой деятельности и упражнений для речевой терапии для пациентов с различными видами афазий.

Цель исследования: воссоздать фрагмент модели ментального лексикона тувинско-русского билингва молодого поколения (средний возраст 22,6 года), изучив психолингвистические параметры тувинских слов и группы русских слов, употребительных в устной речи тувинцев-билингвов на тувинском языке.

Достижение цели работы обеспечивается решением следующих **задач:**

- обобщить подходы к пониманию сущности таких понятий, как «языковая ситуация», «ментальный лексикон», «ментальный лексикон билингвов», «психолингвистические параметры слов» и «афазия»;
- провести интервью с тувинско-русскими билингвами для выявления списка употребительной лексики тувинского языка, которая предположительно находится в ядре ментального лексикона тувинско-русских билингвов;
- провести опрос 145 неврологически здоровых тувинско-русских

билинггов для выявления психолингвистических параметров тувинских слов из ядра употребительной лексики;

– на материале, полученном в результате интервьюирования и опроса носителей языка без речевых патологий, описать субъективные психолингвистические параметры тувинских слов;

– спроектировать базу данных, которая бы систематизировала значения психолингвистических параметров для 142 слов-стимулов;

– описать модель структуры ментального лексикона тувинско-русских билинггов по данным проведённого эксперимента.

Материалом исследования послужили: 1) 2 часа аудиозаписей структурированных интервью с 10 неврологически здоровыми тувинско-русскими билингвами (т.е. давшими отрицательный ответ на вопрос «Состоите ли Вы на учёте у невролога?»), чьи гендерные и возрастные характеристики схожи с характеристиками целевых групп второй части опроса; 2) результаты опроса, состоящего из 3 блоков, проведённого со 145 неврологически здоровыми носителями тувинского языка, тувинско-русскими билингвами; данные ассоциативного эксперимента с 50 тувинско-русскими билингвами; база данных «Библиотека стимулов: глагол и существительные», созданная исследовательским коллективом Ю.С. Акининой для слов русского языка.

В работе использовались следующие **методы**: метод структурированного интервью, метод анкетирования, описательный метод, элементы качественно-количественного и статистического анализа данных, метод психолингвистического моделирования.

Теоретико-методологической базой для исследования послужили работы учёных, посвящённые трактовке понятия языковой ситуации (Ч. Фергюсон, В.А. Аврорин, В.А. Виноградов, Л.Б. Никольский, А.Д. Швейцер, А.И. Коваль, Н.Б. Мечковская, Н.Б. Вахтин, Е.В. Головкин, А. Мартине, Ю.Д. Дешериев, Т.Н. Журавель, М.А. Горячева, В.А. Чернышев, И.В. Щеглова), описанию специфики языковой ситуации в Республике Тыва (В.А. Аврорин, Н.Б. Вахтин, Д.А. Катунин, Ш.Ч. Сат, Д.А. Монгуш,

Б.И. Татаринцев, Ч.С. Цыбенова, В.С. Кан, М.В. Бавуу-Сюрюн, Н.Ч. Серээдар, Т.Г. Боргоякова); проблеме структуры ментального лексикона (А.А. Леонтьев, Н.Ю. Новицкий, А.А. Залевская, Н.О. Золотова, В.А. Белов, Е.С. Кубрякова, М. Гарман), в том числе – у билингов (Н.Ю. Новицкий, К.Ф. Ханазаров, Л.В. Щерба, Е.М. Верещагин, Е.А. Калиновская и А.С. Кобышева, М. Паради, А. Павленко); психолингвистическим параметрам слов различных языков как относительно новой реальности в изучении языкового сознания (Ю.С. Акинина, А. Григорьев, О.В. Драгой, А.В. Колмогорова, И. Ощепков, Д. Царапина, J.V. Carroll и M.N. White, J.D. Zevin и M.S. Seidenberg, I. Begg и A. Paivio, G.H. Paetzold и L. Specia, P. Bonin, A. Méot).

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Когнитивный статус тувинских слов в ментальном лексиконе тувинцев-билингвов из нашей когорты испытуемых зависит от ряда факторов, предопределяемых как спецификой функционирования структур билингвального языкового сознания, так и языковой ситуацией в Туве, изменениями быта и уклада жизни носителей языка.

2. Значения всех ПП обнаруживают тесную корреляцию с ПП «Знакомство с концептом» и «Возраст усвоения слова»: чем раньше усвоено слово и/ или чем чаще носитель языка взаимодействует в своей повседневной жизни с объектом, который данное слово называет, тем выше будут значения остальных ПП.

3. Значения ПП тувинских слов обнаруживают устойчивую зависимость от частеречного статуса слова: значения шести ПП из семи у глаголов выше, чем у существительных, а значения ПП «устойчивость номинации» – наоборот, ниже.

4. Значения всех ПП обнаруживают зависимость от сферы деятельности, к которой относится номинируемый объект или явление: самые низкие значения имеет группа культурно-значимых слов, а самые высокие – повседневная и бытовая лексика; значения ПП для зоонимов занимают промежуточное положение. Данные тенденции отражают

изменения, происходящие в культурных и бытовых практиках жизни современных тувинцев.

5. Когнитивный статус тувинского слова в ментальном лексиконе тувинцев-билинггов испытывает влияние процессов конкуренции со стороны русского языка: если для тувинского слова есть активно использующийся эквивалент на русском языке, у такого тувинского слова значения ПП будут ощутимо ниже, чем у других слов из той же тематической группы.

6. Моделируемый фрагмент ментального лексикона тувинско-русского билингва структурно состоит из ядра, околоядерной зоны, ближней и дальней периферии. В ядре находятся слова с высокими значениями всех ПП, кроме ПП «Возраст усвоения» и «Устойчивость номинации», значения которых, наоборот, должны быть низкими. Это рано усвоенные в семейном общении тувинские существительные, номинирующие реалии, объекты повседневной жизни и быта, частотные ритуальные практики, животных домашнего подворья; тувинские глаголы мыслительной деятельности и интенциональных эмоциональных состояний, а также существительные русского языка, преимущественно не имеющие эквивалентов в тувинском (напр., *флешка*). В околоядерную зону входят тувинские номинации диких животных, деревьев; русские слова, называющие предметы повседневной жизни. Ближняя периферия сформирована из тувинских номинаций натурфактов и русских слов, обозначающих объекты повседневной городской жизни. Дальнюю периферию представленной модели составляют поздно усваиваемые тувинские существительные, обозначающие культурно-значимые объекты, сложные ритуалы и их участников (напр. *хам* – ‘шаман’), а также существительные и глаголы восходящие к традиционному укладу жизни (напр. *сүрүг мал* – ‘отара’).

7. Средние значения всех семи ПП 40 русских существительных, которые тувинско-русские билингвы используют в своей речи на тувинском (*флешка, стол, компьютер* и т.д.), значительно выше средних значений тувинских существительных-стимулов, что подтверждает факт активного

проникновения слов русского языка в ядро и околоядерную зону ментального лексикона тувинско-русских билингвов.

Апробация работы. Материалы диссертации обсуждались на следующих конференциях: Международная научная конференция «Славянские языки в условиях современных вызовов» (ТГУ, Томск, 19–20 октября 2020 г.), Международная научно-практическая конференция молодых учёных «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения» (ТГУ, Томск, 15–17 апреля 2021 г.), Международная научная конференция «Славянские языки в условиях современных вызовов» (ТГУ, Томск, 18–19 октября 2021 г.), II Международный форум языков и культур (СФУ, Красноярск, 27–30 мая 2021 г.), XIV Международная научно-практическая конференция молодых исследователей «Язык, дискурс, (интер)культура в коммуникативном пространстве человека» (СФУ, Красноярск, 21–22 апреля 2022 г.), V Международная научная конференция «Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири» (ХГУ им. Н.Ф. Катанова, Абакан, 19–20 мая 2022 г.), X Межвузовская конференция молодых исследователей «История – Язык – Литература – Культура коренных народов: история и современность» (ИРЯ РУДН, Москва, 24 мая 2022 г.), круглый стол «Язык и знание: на пути получения знания о языке, человеке и мире» (Центр СКоДис при МГЛУ совместно с Институтом языкознания РАН и Российской ассоциацией лингвистов-когнитологов, 8–10 ноября 2023 г.).

По материалам диссертации А.А. Натпит опубликовано 4 работы в изданиях, включенных в реестр ВАК Минобрнауки России, и 1 в издании, индексируемом в международной базе данных Scopus Q1.

Структура диссертационной работы: данная диссертационная работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы, включающего 188 наименований на русском и иностранных языках. Общий объём текста составляет 170 страниц.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СИСТЕМНОГО ИЗУЧЕНИЯ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПАРАМЕТРОВ УПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ СЛОВ ТУВИНСКОГО ЯЗЫКА

1.1. Республика Тыва с точки зрения социалингвистики

1.1.1. Языковая ситуация: к определению понятия

Термин «языковая ситуация» впервые начал освещаться в работах зарубежных учёных в 1930-х годах.

Первыми работами, посвящёнными данной тематике, являются труды американских учёных-антропологов, занимавшихся в эти годы изучением языков Азии и Африки [Фергюсон, 1971, 1976]. Следует отметить, что в тот момент понятие языковой ситуации (ЯС), хотя уже и функционировало, ещё не было определено. С развитием социалингвистической науки в 1960-х годах такая необходимость появилась.

Одним из первых, кто дал определение ЯС, был зарубежный учёный Ч. Фергюсон [Фергюсон, 1971]. По его мнению, «ЯС – это общая конфигурация использования языка в данное время и в данном месте» [Там же, с. 157]. При описании характеристики ЯС учёный в первую очередь опирался на языковой критерий, и только потом – на понятие языкового коллектива [Журавель, 2015, с. 13].

К отечественным лингвистам, изучавшим термин ЯС в своих работах, относятся В.А. Аврорин («Проблемы изучения функциональной стороны языка (к вопросу о предмете социалингвистики)» [Аврорин, 1975]), В.А. Виноградов, А.И. Коваль, В.Я. Порхомовский («Социалингвистическая типология: Западная Африка» [Виноградов и др., 1984], Л.Б. Никольский («Синхронная социалингвистика», [Никольский, 1976]), А.Д. Швейцер («Современная социалингвистика: Теория, методы, проблемы» [Швейцер, 1976]). Совместная работа А.Д. Швейцера и Л.Б. Никольского «Введение в социалингвистику» [Швейцер и др., 1978] представляет собой один из наиболее важных трудов по отечественной социалингвистике.

Согласно В.А. Аврорину, определение ЯС должно включать не только количество языков и их разновидности, но также функциональный состав языков и их сферы применения в жизни общества. Автор понимает под ЯС «выполнение функций всех наличных форм существования языка во всех средах и сферах общественной деятельности при определённых социальных условиях жизни данного народа» [Аврорин, 1975, с. 120].

Среди первых работ по социолингвистике можно назвать работы Л.Б. Никольского. Функциональная сторона языка раскрывается в его дефиниции ЯС, однако приоритетным он считает критерий территориального ограничения ЯС [Иванова, 2021]. Под языковой ситуацией он понимает «совокупность языков, диалектов и функциональных стилей, взаимодействующих внутри административно-территориальной организации и этнической общности» [Никольский, 1976, с. 79].

Своими работами по социолингвистике также известен А.Д. Швейцер. Исследователь впервые обозначает ЯС как модель, которая ограничивается временными рамками. Он даёт следующее определение: «Языковая ситуация представляет собой модель социально-функционального распределения и иерархии социально-коммуникативных систем и подсистем, сосуществующих и взаимодействующих в данной политико-управленческой организации и культурной сфере в данный момент времени» [Швейцер, 1977, с. 133–134].

В.А. Виноградов полагает, что ЯС «представляет собой совокупность языков и диалектов в их пространственных, генетических и некоторых других характеристиках, с учётом их функционального статуса» [Виноградов и др., 1984]. При этом учёный подчёркивает необходимость включения фактора функционального статуса языка при определении понятия ЯС.

В современных учебниках и словарях по социолингвистике нет единого определения термина ЯС. Н.Б. Мечковская отмечает: «ЯС – это совокупность языковых образований, т.е. языков и вариантов языков (диалектов, жаргонов, функциональных стилей и других форм существования языка), обслуживающих некоторый социум (этнос и полиэтническую общность) в

границах определённого региона, политико-территориального объединения или государства» [Мечковская, 2000, с. 100].

В «Словаре социолингвистических терминов» под редакцией В.Ю. Михальченко даётся следующее определение: «ЯС – совокупность форм существования одного языка или совокупность языков в их территориально-социальном взаимоотношении и функциональном взаимодействии в границах определённых географических регионов или административно-политических образований» [Словарь... , 2006, с. 266]. Авторы данного определения не учитывают фактор времени существования ЯС, который, как показывают исследования, играет немаловажную роль.

Согласно Н.Б. Вахтину и Е.В. Головки, «ЯС всегда привязана к определённой территории и может быть определена как совокупность форм существования одного языка или совокупность нескольких языков в их социальном и функциональном взаимодействии в пределах определённых территорий: регионов или административно-политических образований» [Вахтин, 2004, с. 47]. Таким образом, по мнению исследователей, территориальная ограниченность играет более важную роль при характеристике ЯС, чем фактор времени. На наш взгляд, влияние обоих факторов сопоставимо.

Т.Н. Журавель выделяет 3 типа подходов к определению ЯС: количественный, синхронический и функциональный подход. В первом случае – не учитываются временной фактор и сферы функционирования языков. Во втором и третьем – только время или только функциональные характеристики, соответственно [Журавель, 2015, с. 17].

В нашей работе мы опираемся на определение И.В. Щегловой, предлагающей рассматривать ЯС сквозь призму анализа коммуникативного поведения билингвов как «фактическое состояние функционального взаимодействия национальных языков в полиэтническом регионе, изменяющееся под воздействием общества и языковой политики» [Щеглова, 2019, с. 37].

Наряду с попытками уточнить определение термина ЯС, также были предприняты попытки классифицировать её типы.

Что касается классификаций собственно ЯС, то одной из самых известных считается классификация А.Д. Швейцера и Л.Б. Никольского [Швейцер, Никольский, 1978]. Авторы предлагают рассматривать ЯС по типу входящих в ЯС языков: экзогlossная, эндогlossная ЯС. При эндогlossной ЯС языки, обслуживающие население, являются частью одной языковой семьи. При экзогlossной – разных. В свою очередь, экзогlossные и эндогlossные ЯС делятся на сбалансированные и несбалансированные [Там же].

Другая классификация, которую мы рассмотрим, принадлежит В.А. Виноградову, где он разграничивает типы ЯС по двум признакам: количественным и качественным. Рассмотрим его классификацию ЯС «по количественным признакам:

- 1) монокомпонентные, бикомпонентные и поликомпонентные ЯС (по общему числу языков в составе ЯС);
- 2) демографическая мощность языков (по числу говорящих на каждом из языков в отношении к общему числу населения исследуемого ареала);
- 3) коммуникативная мощность языков (по числу коммуникативных сфер, обслуживаемых каждым языком, в отношении к общему числу таких сфер);
- 4) однополюсные и многополюсные ЯС (по числу функционально доминирующих языков)» [Виноградов и др., 2013, цит. по: Щеглова, 2019, с. 33].

В результате сравнения демографической мощности и коммуникативной мощности автор выделяет еще два признака ЯС: равновесные и неравновесные. Далее неравновесные ЯС подразделяются на однополюсные (с одним доминирующим языком, многополюсные (с несколькими доминирующими языками).

Таким образом, автор анализирует количество языков, потом показывает демографическую мощность (далее ДМ) данных языков, далее число коммуникативных сфер, которые обслуживает язык (языки), что будет

указывать на коммуникативную мощь языка (КМ) (языков). Далее, исходя из коммуникативной и демографической мощностей, выявляется «функционально доминирующий язык», который и обслуживает данное общество.

Далее рассмотрим классификацию ЯС по качественным признакам, которая была предложена также В.А. Виноградовым. Автор учитывает в ней как лингвистические, так и экстралингвистические факторы: родственность входящих в ЯС языков, юридический статус языков, количество входящих в ЯС языков, характер доминирующего в ЯС языка. Так выглядит его классификация ЯС по качественным признакам: 1) одноязычная или многоязычная ЯС; 2) родственные (гомогенные, гомоморфные) или неродственные (гетероморфные, гетерогенные) языки, входящие в ЯС; 3) гармоничная или дисгармоничная ЯС; 4) эндогlossная ЯС (доминирует местный язык), экзогlossная ЯС (доминирует иностранный язык) [Виноградов и др., 2013, цит. по: Щеглова, 2019, с. 34].

В основе данной классификации лежат важные признаки, например, действительно важен юридический статус языков, софункционирующих в рамках одного языкового сообщества.

Н.Б. Вахтин и Е.В. Головки выделяют три ряда признаков для описания языковых ситуаций: количественные, качественные и оценочные. Авторы отмечают, что на основе данных признаков можно строить типологии ЯС. По количественным признакам авторы различают одно- и многокомпонентные ЯС., т.е. определяются коммуникативная (КМ) и демографическая мощности (ДМ). Данные мощности часто не совпадают, поэтому по данному признаку далее выделяют равновесные (ДМ и КМ совпадают) и неравновесные (ДМ и КМ не совпадают) ЯС [Вахтин, 2004, с. 47]. В неравновесных ЯС различают однополюсные и многополюсные по признаку доминирующих и недоминирующих языков [Там же].

По качественным признакам авторы выделяют те же группы, что и у В.А. Виноградова. Оценочные признаки формируются как самим языковым коллективом, так и внешними экспертами. Оценивается престиж, языковая

приверженность, коммуникативная пригодность языка [Вахтин, Головки, 2004, с. 47].

Две рассмотренные типологии в целом имеют точки соприкосновения, поскольку Н.Б. Вахтин и Е.В. Головки опирались на работу В.А. Виноградова при разработке своей классификации. К раскрытым В.А. Виноградовым количественным и качественным признакам в своей классификации они добавили третий: оценочный признак. В целом в двух классификациях имеется общее видение проблемы.

С развитием прикладной лингвистики в XXI веке появляются и другие, новые подходы к изучению языковой ситуации. Например, Х.З. Багириков рассматривает ЯС с точки зрения лингвокультурологической позиции. Учёный полагает, что концепт культуры следует учитывать при описании ЯС, поскольку каждый язык имеет свой способ концептуализации действительности [Багириков, 2005]. Речь идёт о языковой картине мира, которая предопределяет содержание высказывания языковой личности.

Лингвокогнитивный подход к определению понятия ЯС предлагает Ц.Ц. Огдонова. В работах Ц.Ц. Огдоновой рассматриваются концепты «этноязыковая ситуация», «коммуникативная ситуация» и т.д. Автор оперирует такими понятиями, как «макроконцепт» и «фрейм». Само понятие ЯС выделяется как макроконцепт или концепт-фрейм, внутри которого есть микроконцепты или концепты-понятия. Концепт-фреймом выступает ЯС, концепт-понятиями – этноязыковая ситуация, лингвокультурная ситуация, этнокультурная ситуация и др. Например, этноязыковая ситуация будет рассматриваться не только с точки зрения вышеперечисленных признаков в социолингвистической парадигме (количественные, качественные), но и с точки зрения национально-демографических признаков. Лингвокультурологическая парадигма изучения ЯС представляет с собой единство понятий «человек-язык-ареал культуры» [Огдонова, 2009, с. 169]. Автор утверждает, что «предметы исследования данных парадигм находятся в отношениях функциональной дополнительности друг с другом, определяя

объём макроконцепта “языковая ситуация” и индивидуальный облик региональной языковой ситуации» [Огдонова, 2009, с. 170].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что ЯС изучается в различных парадигмах. В данной работе мы будем опираться на классификацию ЯС В.А. Виноградова, поскольку нас интересует ЯС в социолингвистической парадигме, где важными оказываются количественные и качественные признаки.

Описание языковых ситуаций с их классификацией является одной из актуальных задач социолингвистики, которая имеет большое практическое значение, позволяя раскрыть основы и сущность языковой политики государства, оценить перспективы того или иного курса по отношению к языку, спрогнозировать тенденции языкового развития страны.

В следующем параграфе рассмотрим языковую ситуацию в Республике Тыва.

1.1.2. Языковая ситуация в Республике Тыва

Изучением языковой ситуации в республике впервые начали заниматься советские учёные в конце 60-70-ых годов XX века, спустя десятилетия после вхождения республики в состав СССР. Руководителем первых исследований на предмет владения русским языком местного населения стал В.А. Аврорин. Целью данных опросов было изучение соотношения сфер функционирования тувинского и русского языков. По результатам полевых исследований, автор опроверг существовавшее тогда мнение о том, что национальные языки становятся слабее в связи с активными процессами вхождения в состав СССР и изучением русского языка как государственного. В.А. Аврорин предлагал проводить социолингвистические исследования народов Сибири, так как предполагал, что это предупредит будущие языковые конфликты [Журавель, 2016, с. 36]. Однако, как отмечает Т.Н. Журавель, политика СССР тех времён не поддерживала сохранение и развитие местных языков [Там же]. Следует отметить также вклад В.В. Радлова и Н.Ф. Катанова, которые первыми

посетили Туву в XVIII в. и собрали богатый языковой материал, который позже лёг в основу одного из важных трудов по истории тувинского языка. Основные результаты исследования Н.Ф. Катанов выпустил в книге «Опыт исследования урянхайского языка» [Катанов, 1893]: тогда тувинский язык назывался еще урянхайским. Стоит также отметить работу М.И. Исаева, который сделал краткий исторический обзор становления тувинской письменности [Исаев, 1979, с. 110].

Активное изучение языков малочисленных народов РФ началось в конце 1990-х гг. и в начале 2000-х гг., когда республики начали принимать свои первые Конституции. Одной из первых следует упомянуть работу автора Н.Б. Вахтина «Языки народов севера в XX веке: очерки языкового сдвига», в котором описываются ЯС у всех малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока. В XX веке начинается «активное изучение тувинско-русских языковых контактов и типов двуязычия в Туве, функционирования тувинского и русского языков в различных сферах общества. Данные проблемы освещались в работах таких учёных-тувиноведов, как Ш.Ч. Сат, Д.А. Монгуш, Б.И. Татаринцев и др.» [Натпит, 2021а, с. 69]. С развитием социолингвистики в конце XX века проводятся первые социолингвистические опросы среди населения Тувы. К наиболее известным трудам, получившим широкий резонанс в научных кругах, относятся работы М.В. Бавуу-Сюрюн, Ч.С. Цыбеновой, В.С. Кан, Т.Г. Боргояковой, Н.Ч. Серээдар [Натпит, 2022, с. 146]. Проблема сужения функционирования тувинского языка становится на сегодня одной из самых актуальных в работах М.В. Бавуу-Сюрюн, Т.Г. Боргояковой, Ч.С. Цыбеновой. Экспериментальные работы по выявлению состояния тувинского языка проводятся в настоящее время такими учёными как Т.Н. Журавель, О.В. Фельде, А.В. Колмогорова, Н.Ч. Серээдар.

Как уже ранее было отмечено, Тува вошла в состав СССР в 1944 году в качестве автономной советской социалистической республики в составе РСФСР. В результате проведённых советскими учёными первых исследований по ЯС в республике было выявлено, «что тувинский язык оставался

доминирующим в системе национальных школ и в коммуникативном пространстве республики в целом» [Натпит, 2022]. «В начале 1990-х, в связи с получением Тувы статуса республики в составе РФ, тувинский язык становится государственным языком республики и называется «тыва язык», в то время как русский язык получил статус общефедерального государственного языка» [Катунин, 2010, с. 19].

С 2001 все положения о языке в конституции были сокращены до одной статьи. Тувинский язык, наряду с русским языком, получает статус государственного языка. Более подробно проблему статуса и сфер употребления тувинского языка рассматривает в своих работах Т.Г. Боргоякова. С точки зрения витальности языка исследователь относит тувинский к группе языков третьей ступени, «степень витальности которых определяется как достаточно высокая (В3), а перспективы функционального развития ограничиваются сферами образования, духовной культуры и массовой коммуникации» [Боргоякова, 2002а, с. 67].

Развитие и сохранение тувинского языка в республике в условиях двуязычия становится на сегодня достаточно сложной и малоизученной задачей. Согласно основному закону республики «тувинский язык распространяется на сферу официального делопроизводства, сферу образования, на работу СМИ и на коммерческую деятельность» [Натпит, 2021а, с. 109]. Таким образом, «органы власти обязаны обеспечивать равноправное функционирование тувинского и русского языков как государственных во всех сферах жизни тувинцев» [Боргоякова, Биткеева, 2020, с. 53]. Однако в связи с принятием программы развития русского языка в 2013–2017 гг. (Постановление от 18 октября 2013 года № 608 «Об утверждении государственной программы Республики Тыва “Развитие русского языка на 2014–2020 годы”») тувинский язык практически перестал обслуживать такие сферы как: делопроизводство, образование, а также СМИ и культура [Натпит, 2021а]. В действительности были выдвинуты требования по ведению документооборота, ведению занятий в образовательных учреждениях, а также в СМИ на русском языке. Такое

положение дел привело к тому, что тувинцы-носители языка постепенно отодвинули родной язык на второй план. В течение периода реализации госпрограммы вся документация в госучреждениях велась только на русском языке [Натпит, 2021а, с. 110], в связи с чем начался процесс сужения сфер функционирования тувинского языка. «И только спустя несколько лет, когда остро встал вопрос о развитии и сохранении тувинского языка, учёными и гражданами была принята подобная программа для тувинского языка на 2017–2021 гг.» [Натпит, 2021а, с. 110]. Однако использование тувинского языка оставалось лишь формальным. Так и сохранилась практика ведения официальных документов только на русском языке. Область СМИ также обслуживалась на русском языке. «По результатам многих социолингвистических опросов, проводимых учёными в 2010–2017 гг., очевидным становится тенденция к ограничению функционирования тувинского языка в определённых сферах» [Натпит, 2021а, с. 110]. Изучение языковой ситуации в республике становится актуальной темой исследований для учёных России в целом и Тувы в частности.

Одной из первых диссертационных работ, посвящённых языковой ситуации в Туве, стала диссертация Ч.С. Цыбеновой в 2013 г. В указанной работе предложен историко-биографический обзор развития тувинского языка, впервые проводится анализ современного состояния тувинского языка с точки зрения психолингвистического подхода. Рассмотрев историю развития языка, исследователь приходит к заключению, что тувинский и русский языки, несмотря на равноправное положение обоих по Конституции Республики Тыва, ограничены в своей коммуникативной функции. На основе анализа результатов опроса автор приходит к выводу, что тувинский язык функционирует лишь в нескольких сферах коммуникации. Так, «в сферах общественно-производственной деятельности и удовлетворения информационных и эстетических потребностей преимущественно используется русский язык, а в сферах семейно-бытового и межличностного общения – тувинский» [Цыбенова, 2013b, с. 15].

Важным на сегодняшний день в данной области является и масштабный опрос, проведённый в рамках ассоциативного эксперимента Тувинского Института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований (сейчас – ТИГПИ) под руководством Н.Ч. Серээдар в 2016 г. Результаты эксперимента подтверждают динамику сужения сфер использования тувинского языка как средства коммуникации [Серээдар, 2018, с. 12]. Тувинский язык всё ещё остается средством повседневного общения, но при этом, как отмечает Н.Ч. Серээдар [Там же], респонденты в возрасте 31–40 лет плохо передают язык следующему поколению. По итогам опроса было установлено, что информанты 14–18 лет своим родным языком считают русский язык, хотя язык родителей – тувинский. В ходе эксперимента также с целью выявления социальной роли тувинского языка учёными был поставлен вопрос «Почему тувинский язык не работает во всех сферах жизни как государственный?», на который 30% респондентов от 18 до 30 лет ответили, что «статус тувинского языка как государственного на территории Тувы носит декларативный характер», 42% респондентов в возрасте 31–40 лет подчеркнули, что «уровень функционирования языка низкий» [Там же]. Однако 15% поколения от 56 лет и выше отметили, что «уровень функционирования языка с каждым годом растёт», при этом 30% респондентов 41–55 лет считают, что «разговорный язык употребляется широко, а литературный – нет» [Там же].

В связи с этим можно подтвердить, что функционирование тувинского языка на современном этапе ограничивается только сферой межличностного общения, а сферы делопроизводства, образования, СМИ и интернета обслуживает русский язык [Натпит, 2021а, с. 111].

На неэффективность мер по поддержке развитию и сохранению тувинского языка в области образования и науки обращает внимание М.В. Бавуу-Сюрюн. Исследовательница поднимает острые вопросы нехватки учебно-методического материала на тувинском языке для детей и школьников, отсутствия системы повышения квалификации и подготовки кадров

специалистов по тувинскому языку, сокращения тиража выпускаемых журналов и газет, телепередач на тувинском языке. Исследователь отмечает, что в условиях глобализации и с появлением сети Интернет создаётся угроза вымирания тувинского языка, так как уже сегодня недееспособность местного правительства приводит к ограничению сфер функционирования тувинского языка, который на данный момент обслуживает лишь семейно-бытовое общение [Бавуу-Сюрюн, 2010, с. 70]. Следует отметить, что такое резкое и необходимое высказывание всколыхнуло тувинскую общественность, что привело к активизации внимания со стороны научного сообщества, а также правительства. Работы автора также посвящены изучению взаимовлияния русского и тувинского языка с начального этапа становления языковой ситуации в Республике Тыва до современного состояния [Бавуу-Сюрюн, 2010; 2013; 2020].

А.Л. Арефьев, У.М. Бахтикиреева, В.П. Синячкин подробно рассматривают проблему двуязычия в школьном образовании. Представлены статистические данные о доле учеников, обучавшихся на тувинском языке с 1997/1998 по 2018/2019 учебные годы. Процент школьников, обучавшихся на тувинском языке за данный период, снизился с 53,5 до 0. К 11 классу количество изучающих тувинский язык уменьшается. Например, если в Кызыле в первом классе тувинский язык изучали 1419 школьников, то в 11 классе изучают только 101. Авторы утверждают, что «факт перехода с 2018 г. на русскоязычное образование, недостаточное количество учителей тувинского языка и литературы приведут к снижению трансгенерационной функции тувинского языка» [Арефьев, 2021, с. 266].

В утверждённой правительством Тувы госпрограмме «Развитие государственных языков Республики Тыва на 2021–2024 годы» отмечается «сбалансированное функционирование» обоих государственных языков Республики Тыва [Постановление от 8 декабря 2020 № 610 «Об утверждении государственной программы Республики Тыва “Развитие государственных языков Республики Тыва на 2021–2024 годы”»]. «Одной из задач программы

является популяризация и расширение сферы использования тувинского языка. На сегодня можно отметить результаты работы языковой политики: сокращается издание переводных книг с тувинского на русский язык; увеличивается выпуск книг различных жанров на тувинском языке (например, заголовок с новостного портала tuvaonline.ru «“Маленький принц” Экзюпери на тувинском языке пополнил одну из удивительных коллекций мира»); оказывается грантовая поддержка проектам, направленным на проведение научных исследований в области сохранения и развития тувинского языка; ведётся ежедневная трансляция новостных эфиров на тувинском языке; происходит возвращение исконно тувинских названий некоторым поселениям (например, Арыг Бажинский – на Арыг-Бажы) и т.д.» [Натпит, 2021а, с. 111].

Помимо этого, в рамках данной программы в 2019 г. ввели экспериментально-пилотный кружок по изучению тувинского языка в дошкольном образовательном учреждении «Ручеёк» на территории Каа-Хемского кожууна. Кружок проходил три раза в неделю у дошколят с 2 до 6 лет. Детям читали рассказы и сказки на тувинском языке, по рисункам ребята описывали на тувинском разных животных, называли государственные учреждения, учили песни и стихи на тувинском, тувинские слова про семью, школу. По мнению мам, у которых мы брали интервью, детям нравилось учить тувинский язык, петь песни и описывать животных на тувинском языке. Приведём мнение одной из мам: «Мой ребенок в два года перестал говорить на тувинском, полностью перешёл на русский, хотя первый усвоенный язык был тувинский. Но с переходом из домашнего обучения, где семья говорила дома на тувинском, в государственный садик, он забыл свой родной язык, даже несмотря на то, что мы, родители, разговаривали с дочкой на тувинском дома. После первого года в садике она перестала понимать нас. Но вот на втором году начались кружки на тувинском. И эти занятия вызвали у ребенка интерес изучать тувинский язык и говорить на нём. Мы тоже были приятно удивлены эффективностью этих кружков. Ребенок сам старается начать разговор на тувинском языке». На следующий год данная мера поддержки была расширена, и подобные кружки

были введены во всех дошкольных образовательных учреждениях г. Кызыла и Каа-Хемского района.

Одним из примеров государственной поддержки сохранения тувинского языка является поддержка Министерством образования и науки РФ грантового проекта по созданию электронного корпуса тувинского языка (далее – ЭКТЯ). Проект был предложен сотрудниками Научно-образовательного центра «Тюркология» при Тувинском государственном университете. Работа выполняется в рамках проекта Тувинского государственного университета, поддержанного грантом по проектной части Государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации № 1.4539.2017/8.9 (проект № 34.3876.2017/ПЧ) по теме «Системные изменения в языковой картине тувинцев России и зарубежья: традиции и современность» (руководитель – Б.Ч. Ооржак). Цель проекта – зафиксировать грамматические и лексические изменения и проанализировать их.

Анализируя соотношение тувинского и русского языков, Т.Г. Боргоякова также отмечала, что «именно сохраняющаяся интенсивность применения языка в социально-актуальных сферах общения, выходящих за пределы семьи, особенно важна для сохранения миноритарного языка» [Боргоякова, 2013, с. 37]. По мнению Т.Г. Боргояковой, «необходимо, чтобы повышение качества владения русским языком в республике проходило без языкового сдвига с переходом родного языка в категорию второго языка или языков под угрозой исчезновения» [Боргоякова, 2013, с. 38].

Исследователи определяют билингвизм в республике как совмещённый, поскольку наблюдается «интерференция родного языка в речи тувинцев на русском языке, обусловленная доминированием речевого механизма родного языка» [Байкалова, 2018, с. 84]

Несмотря на критическое отношение некоторых учёных-тувиноведов к состоянию тувинского языка на современном этапе, в целом исследователи отмечают в Тыве более высокий уровень владения родным языком, чем в других регионах, где есть миноритарные языки. Так, по результатам

исследования М.А. Горячевой, тувинский язык всё ещё сохраняет более высокие показатели по уровню коммуникативной и демографической мощности по сравнению с другими тюркскими языками, уступая лишь татарскому языку. Исследователь характеризует ЯС в Республике Тыва как «двухкомпонентную неравновесную однополюсную с доминирующим русским языком, гетерогенную» [Горячева, 2003, с. 81]. Автор отмечает высокий уровень КМ и ДМ и объясняет это следующими факторами: «высокая этнодемографическая мощность тувинского языка; сравнительно позднее присоединение Тувы к территории России (1944 г.); слабость в настоящее время экономических связей с остальной территорией страны; отсутствие транзитных путей через республику, и т.д.» [Там же]. Таким образом, ЯС Республики Тыва относится к бикомпонентной и может рассматриваться как приближающаяся к неравновесной двухполюсной с русским и титульным языком. По дополнительным признакам, предложенным в её работе, можно сделать вывод, что «русский язык: ДМ>ЭМ (Этническая мощность) более чем в два раза; тувинский язык: ДМ=ЭМ, ДМ тувинского языка за пределами региона = 0%, монолингвов с тувинским языком = 40,57%, билингвов с тувинским языком = 58,5%» [Горячева, 2003, с. 81].

Проанализировав научную литературу по языковой ситуации в Республике Тыва, можно утверждать, что на сегодня исследования природы взаимоотношений двух языков, характеризующихся языковой интерференцией и интеркаляцией как смешением языковых и культурных кодов в речи билингва, всё возрастают в количестве и в значении. Кроме того, следует отметить, что данные отношения характеризуются внутриязыковыми и межъязыковыми (интерферентное воздействие материнских тюркских языков) источниками влияний на русскую речь билингва [Саитбатталов, Саяхова, 2016].

По словам исследователей [Боргоякова, Биткеева, 2020, с. 51], «сохранность высоких позиций тувинского языка с точки зрения его демографической мощности и правового статуса происходит на фоне негативных процессов языкового сдвига, особенно заметного у молодого

поколения городских тувинцев в последние два десятилетия, а также не всегда продуманной языковой политики в сфере образования». Нельзя не согласиться с данным утверждением, принимая во внимание неудачные попытки введения госпрограмм.

Говоря о тувинском языке в целом и о его состоянии на сегодняшний день, Ч.К. Ламажаа пишет, что «в сфере языка у тувинцев некоторое время существовал ограниченный тувинско-монгольский билингвизм, который затем сменился тувинско-русским, а сегодня имеет тенденцию к постепенной смене на русско-тувинский» [Ламажаа, 2021, с. 178].

Таким образом, считаем обоснованным заключить, что ЯС в Республике Тыва является двухкомпонентной, неравновесной с доминирующим русским языком, а тувинско-русский билингвизм в Республике Тыва характеризуется как естественный, субординативный и совмещённый [Натпит, 2022, с. 147].

1.2. Психолингвистические исследования языкового сознания тюркско-русских билингвов

1.2.1. Психолингвистический анализ языкового сознания: история становления и основные понятия

Психолингвистика является смежной наукой, возникшей на стыке двух дисциплин: психологии и лингвистики. Первые случаи употребления этого термина можно найти в немецкой психологической литературе последней четверти XIX в. Однако в активный научный обиход термин вошёл в 50-е годы XX в. [Красных, 2001, с. 9]. В конце 1960-х гг. Н. Хомским была предложена трансформационно-генеративная модель для системного описания синтаксической структуры языка. Со временем трансформационная модель была адаптирована и для психолингвистики, однако не сумела продемонстрировать убедительных результатов в решении задач описания процессов обработки и понимания речи.

В XX в. учёные-лингвисты всё чаще стали говорить о том, что лингвистический аппарат сам по себе недостаточен для описания мира человека». Так, отмечается, что «описать картину мира следует, выйдя за рамки сосюрховской парадигмы. При этом важно использование двух подходов: синхронного и диахронного, к изучению языка, учёт типологических особенностей языка. Все эти вопросы успешно решаются сегодня в рамках психолингвистической парадигмы» [Пищальникова, 2005, с. 114].

Первые психолингвистические исследования в отечественной науке и обсуждение их итогов научным сообществом начинаются в 1966 г. Первый семинар был организован А.А. Леонтьевым и проведён в Институте языкознания в Москве и в Ленинградском государственном университете [Леонтьев и др., 2016, с. 11].

В 1986 г. в рамках работы группы психолингвистики и теории коммуникации отечественная психолингвистика выросла в самостоятельную научную дисциплину, работающую на стыке лингвистики, общей, этнической и социальной психологии, культурологии, социологии. Было сформировано новое представление о языке, как о деятельностной структуре, выходя, таким образом, за рамки уже изживших себя научных парадигм [История российской психолингвистики, 2021]. Одними из основополагающих в области проблематики организации языкового сознания и ментального лексикона являются работы Т.В. Ахутиной-Рябовой [Ахутина, 2014], А.А. Залевской [Залевская, 1990, 2005], А.А. Леонтьева [Леонтьев, 2003, 2016], Е.Ф. Тарасова [Тарасов, 1996], Н.В. Уфимцевой [Уфимцева, 1986].

Сегодня отечественная психолингвистика уже имеет ряд масштабных проектов, свои научные направления, в рамках которых уже многое сделано.

Одним из направлений работы отечественных психолингвистов стало создание ассоциативных словарей. Материал для них собирается с помощью массовых опросов по схеме «слово-стимул – слова-реакции». В ходе исследований по всей стране был собран и обработан экспериментальный материал по разным языкам и культурам, который далее стал базой для

создания таких ассоциативных словарей, как «Русский ассоциативный словарь» (РАС) и «Славянский ассоциативный словарь» (САС), созданный на базе четырёх славянских языков [Российская психолингвистика, 2021]. На сегодня сбор экспериментальных данных в качестве материала для Русского регионального ассоциативного словаря (далее – РРАС) продолжается. РРАС будет включать в себя данные трёх баз данных разных регионов: ЕВРАС (Европейская часть РФ), УРРАС (Урал) и СИБАС (Сибирь и Дальний Восток) [Там же].

Для психолингвистики «наиболее существенную роль играет проблема значения как проблема психологии сознания <...> Процесс овладения значением (сознанием) и процесс усвоения языка – это два разных процесса, хотя феноменологически (в наблюдении) – это единый процесс» [Российская психолингвистика..., 2021, с. 25].

На данный момент благодаря социолингвистике имеется методология исследования внешних факторов, влияющих на функционирование языков. Однако, как отмечает Ч.С. Цыбенова, исследование данных факторов представляет определённые трудности [Цыбенова, 2013а], которые позволяют успешно преодолеть использование психолингвистического подхода, поскольку «он обладает колоссальным аппаратом, методологией и экспериментальными возможностями для исследования практически любого явления, связанного с человеком, с той оговоркой, что результаты исследования опишут не само это явление, а его репрезентацию в языке» [Федосюткина, 2006, с. 114].

Таким образом, психолингвистика, в частности отечественная, быстро развивается как отдельная наука со своим предметом исследования, активно формируя при этом собственные методы сбора и анализа данных. Методы психолингвистики рассмотрим в следующем параграфе.

1.2.2. Методы психолингвистики

Основными методами, используемыми для анализа субъективных психолингвистических аспектов языкового значения, являются, с одной стороны, методы сбора данных (наблюдение, интервью и эксперимент), а с другой – методы их качественной и количественной обработки [Вахтин, Головкин, 2004, с. 89].

Метод интервью был заимствован лингвистами из социологии. Н.Б. Вахтин и Е.В. Головкин считают интервью «наиболее гибкой методикой, так как это живой разговор, который позволяет поднимать не запланированные ранее темы» [Вахтин, Головкин, 2004, с. 92]. Метод интервью наиболее распространён и подразделяется на три вида: структурированное, неструктурированное и полуструктурированное интервью:

– под структурированным интервью понимается интервью, «в котором предлагается и стандартный набор вопросов, задаваемых респонденту, и стандартный набор ответов на эти вопросы;

– под полуструктурированным интервью понимается ситуация, когда исследователь может сам формулировать вопросы в процессе интервью при необходимости;

– под неструктурированным интервью понимается ситуация, когда вопросы заранее не планируются, но имеется план и темы для обсуждения» [Новиков, 1970, с. 41].

Метод вопросника или опросника представляет собой заранее подготовленные вопросы в письменном или устном виде. Данный метод позволяет получить событийную информацию, а также сведения о мнениях, оценках, предпочтениях опрашиваемых. Опрос может проводиться как в устной, так и в письменной форме, в том числе и электронной. Зачастую заполнение опросников проводится с целью получения ответов или реакций на определённую тему от группы людей или от конкретного человека.

Следующий метод, который мы рассмотрим, это свободный ассоциативный эксперимент. Данный вид эксперимента является чрезвычайно востребованным в психолингвистике как основополагающий метод, лежащий у

самых её истоков и позволяющий судить об отражении языка в сознании его носителя по характеру выявляемых ассоциативных реакций на словесные стимулы [Гридина, Коновалова, 2021, с. 39]. Процедура получения таких реакций была разработана американскими психологами Аароном Розановым и Хелен Кент [Kent, Rosanoff, 1910]) в виде теста свободных ассоциаций: испытуемым предлагался список из 100 общеупотребительных слов, на которые в течение 7-10 минут они должны были привести первые приходящие им в голову ассоциации. Главным условием здесь является временное ограничение (от 2 до 6 секунд на слово), которое исключает возможность рефлексии, обдумывания заданных словесных стимулов и позволяет судить о наиболее частотных реакциях на них. Дж. Миллер, внесший большой вклад в становление психолингвистики как экспериментальной науки, предложил классификацию свободных ассоциаций по семантическим параметрам: сходство, подчинение, обобщение, контраст, соподчинение, часть-целое, дополнение и др. [Miller, 1951]. Новый поворот в использовании процедуры ассоциативного эксперимента связан с разработкой теории ассоциативного поля Дж. Деза по принципу ядра и периферии [Deese, 1965]. Результаты количественной обработки полученных реакций, описывающих ассоциативное поле слова и позволяющих выделить его ядерные и периферийные зоны, демонстрируют модель представления данных в статьях ассоциативных словарей – в частности, в РАС [Гридина, 2021]. Основными результатами таких экспериментов являются ассоциативные словари или базы данных.

Ассоциативные словари – это тип лексикографических изданий, в которых отражены данные свободных ассоциативных экспериментов [Гольдин, Сдобнова, 2008]. Первым опытом создания ассоциативных словарей в отечественной лингвистике является «Словарь ассоциативных норм русского языка» под редакцией А.А. Леонтьева. Ассоциативные словари составляются на основе массовых опросов в ходе ассоциативного эксперимента и отличаются от других видов словарей тем, что в них содержится «живая» картина языка,

ментальный лексикон народа, говорящего на данном языке в определённый период бытования лингвокультурного сообщества.

Метод проведения ассоциативных экспериментов на основе массовых опросов является главным методом в масштабных проектах в России и за рубежом. Например, при составлении «Русского регионального ассоциативного словаря» (РРАС) данный метод использовался как один из приоритетных. Сбор данных проводится с 2008 года по настоящее время, поэтому анализ собранного материала позволяет охарактеризовать не только различные особенности доминант языкового сознания носителей языка, но и тенденции их изменений.

Таким образом, в нашей работе мы будем использовать все рассмотренные в данном параграфе методы психолингвистики: опрос, интервью, ассоциативный эксперимент. В следующем параграфе мы сфокусируемся на наиболее значимых работах по полевым исследованиям языкового сознания русско-тюркских билингвов.

1.2.3. Психолингвистические исследования русско-тюркского билингвизма

Отдельным направлением изучения особенностей регионального языкового сознания являются исследования, проводимые в различных национальных республиках РФ, в частности – в Южной Сибири. К ним можно причислить работы, основанные на массовых свободных ассоциативных экспериментах (САЭ), масштабных опросах.

Языковое сознание билингва Южной Сибири впервые было исследовано при помощи метода ассоциативного эксперимента Т.А. Голиковой в 2003 году на выборке алтайцев-билингвов. Эксперимент проводился в «одном регионе Горного Алтая с целью создания алтайско-русского ассоциативного словаря. Состав испытуемых представлен русскими и алтайцами-билингвами (диалектная группа алтай-кижи), причём вторая группа принимала участие в ассоциативном эксперименте на двух языках: на русском и на родном. Список стимулов был получен методом опроса жителей региона и включал 105 слов,

обозначающих жизненно важные для респондентов понятия. Респондентами выступали представители различных социальных и возрастных групп: от 15 до 60 лет. По результатам АЭ были опубликованы прямые ассоциации и сводные ассоциативные статьи» [Российская психолингвистика... , 2021, с. 362].

Следующим мы рассмотрим ассоциативный словарь якутского языка, который был создан в 2012 году. Сбор экспериментального материала проводился «в период с 2005 по 2010 год методом свободного ассоциативного эксперимента. В качестве стимулов были отобраны 140 слов из Славянского ассоциативного словаря (САС). Респондентами выступили 2000 носителей языка, в частности – студенты СВФУ» [Заморщикова, 2012]. Благодаря тому, что список слов-стимулов был позаимствован из САС, данные эксперимента могут быть использованы при сопоставительном анализе языкового сознания якутов и носителей разных славянских языков.

Были и другие эксперименты, посвящённые сопоставительному анализу образов языкового сознания якутов и русских, выявлению их этнокультурной специфики. Одним из них является «подкорпус вербальных ассоциаций носителей якутского языка. Экспериментальный материал также был получен в ходе свободного ассоциативного эксперимента, в рамках которого были опрошены 350 человек» [Российская психолингвистика... , 2021].

В то время как алтайский и якутский языки становились объектом внимания российских учёных-психолингвистов ещё в начале 2000-х гг. (проводились массовые опросы, ассоциативные эксперименты, создавались ассоциативные словари), на материале других тюркских языков из национальных республик этот процесс только начинался.

Изучению условий развития двуязычия и особенностей современной языковой ситуации в Бурятии, а также перспективам и сферам функционирования бурятского языка в условиях этноязыкового контактирования посвящены работы Г.А. Дырхеевой [Дырхеева, 1999; 2020; 2021]. В рамках темы нашего исследования особенно актуальной является недавно вышедшая в свет монография «Бурятский язык в условиях двуязычия:

особенности трансформации языкового сознания (по результатам ассоциативного эксперимента)». Работа представляет собой комплексное исследование языкового сознания бурятов и особенностей его трансформации в условиях бурятско-русского двуязычия, ментально маркированных базовых понятий бурятской культуры и иерархии этнокультурных ценностей этноса, отражённых в языковом сознании. Целью работы стало выявление этнокультурных и ментальных особенностей картины мира носителей бурятского языка посредством моделирования языкового сознания с помощью анализа ассоциативных реакций информантов на русском и бурятском языках [Дырхеева, 2020, с. 5]. Ещё один важный труд в данной предметной сфере – работа бурятских учёных «Бурятско-русский билингвизм: психолингвистический аспект» [Дашинимаева и др., 2010]. Необходимость в исследовании билингвизма учёные объясняют следующим образом: «...для того, чтобы описать внешнюю сторону русско-бурятского дискурса, исследователь должен, прежде всего, понять и обнаружить внутренние закономерности порождения и восприятия речи билингва и тем самым выявить взаимосвязь внешних и внутренних факторов, формирующих в регионе двуязычие» [Бурятско-русский билингвизм, 2010, с. 9–10]. «В работе была сделана попытка определить уровень владения обоими языками бурятами-билингвами не только на собственно лингвистическом уровне, но и на национально-культурном, энциклопедическом» [Там же]. Примечательно то, что авторы интерпретировали результаты исследований с точки зрения нейролингвистики, нейрофизиологии и когнитивной психологии и в результате выявили «предстоящее наступление необратимости процесса функционального регресса бурятского языка...» [Бурятско-русский билингвизм, 2010, с. 10–12].

Хакасский язык с 2000-х гг. изучается учёными в области психолингвистики в рамках научной школы под руководством ведущего сибирского исследователя Т.Г. Боргояковой. В работе К.А. Покояковой «Этнокультурный и гендерный аспекты репрезентации бинарной оппозиции мужчина/женщина в языковом сознании носителей хакасского, русского и

английского языков» описаны результаты свободного ассоциативного эксперимента, проводившегося в письменной форме с 2009 по 2013 годы [Покоякова, 2017]. «В эксперименте приняли участие 1030 человек (526 женщин и 504 мужчины), распределённые по трём группам: 1) 330 хакасских респондентов (165 женщин и 165 мужчин); 2) 350 русских респондентов (180 женщин и 170 мужчин); 3) 350 американских респондентов (181 женщина и 169 мужчин). Для представителей каждой из трёх групп респондентов хакасский, русский и английский язык соответственно был родным. Возраст участников варьировался от 16 до 35 лет. Работа сфокусирована на анализе данных динамики репрезентации образов мужчины и женщины в ЯС носителей трех языков на примере ассоциативных полей (далее АП), сформированных в разные периоды [Покоякова, 2017, с. 13].

Что касается тувинского языка, то на сегодняшний день языковое сознание тувинцев как билингвов недостаточно изучено. Рассмотрим немногочисленные работы, посвящённые этой теме.

Психолингвистические параметры русских слов в языковом сознании тувинцев-билингвов анализирует А.В. Колмогорова [Колмогорова, 2021]. «Рассматриваются ПП “возраст усвоения” и “представимость” для 131 русского слова и их визуальные корреляты на основе экспериментального исследования. Исследование было выполнено в рамках сотрудничества лаборатории прикладной лингвистики и когнитивных исследований Сибирского федерального университета и отделения восстановления высших психических функций Федерального Сибирского научно-клинического центра Федерального медико-биологического агентства» [Колмогорова, 2021, с. 198]. Информантами для экспериментального исследования выступили 60 тувинцев в возрасте от 18 до 48 лет, 51 женщина, 9 мужчин. В работе также дана краткая характеристика языковой ситуации в Республике Тыва. По данным эксперимента, 70% опрошенных общаются на тувинском языке дома, однако выбирают русский язык – как язык социализации на работе/учёбе [Колмогорова, 2021]. Таким образом, автор подтверждает, что в республике Тыва несбалансированная ЯС.

Основные результаты работы касаются сопоставления значений ПП «возраст усвоения» и «представимость» для одних и тех же слов русского языка у тувинцев-билинггов и русских-монолингвов. Таким образом, в данной работе фокус внимания перемещён на слова русского языка и их ПП в языковом сознании тувинцев-билинггов.

Одной из первых психолингвистических работ, выполненных на материале тувинского языка, является работа Ч.С. Цыбеновой. В рамках своего исследования автор впервые проводит ассоциативный эксперимент (АЭ), включавший в качестве слов-стимулов 51 слово четырёх частей речи: имена существительные, имена прилагательные, имена числительные и глаголы. Все они имеют культурную значимость для тувинцев. «По результатам АЭ было обработано по 100 анкет (всего 200) на тувинском и русском языках. Возрастная категория респондентов не учитывалась при сборе и обработке данных. В итоге было получено 3664 разных реакций, из них на русском – 2154, на тувинском – 1510. Данный эксперимент был направлен на получение информации о языковой картине мира, о языковом сознании тувинцев, об уровне владения ими русским и тувинским языками» [Цыбенова, 2013а, с. 182].

Ещё одной из современных работ, посвящённых тувинскому языку, является работа Т.Н. Журавель «Этноязыковая ситуация в Усинской долине Красноярского края». Исследовательницей был проведен САЭ с усинскими тувинцами, проживающими на территории Красноярского края. «В опросах и анкетировании приняли участие 412 человек в возрасте от 2 до 82 лет. Респондентами в ассоциативном эксперименте стали 64 усинских тувинца в возрасте от 14 до 64 лет. В результате САЭ было получено 200 реакций, из них 112 на тувинском языке» [Журавель, 2016, с. 9].

Кроме того, на данный момент молодые тувинские исследователи А.П. Лопсан [Лопсан, 2018] и Э.Э. Тундума [Тундума, 2019] изучают лексикографическую и психолингвистическую репрезентацию образов матери, отца, родины в языковом сознании тувинцев, русских и американцев.

В настоящее время также ведётся сбор данных по тюркско-русским билингвам в рамках научных исследований лаборатории лингвистической антропологии Томского государственного университета во главе с профессором З.И. Резановой. В рамках научного проекта, поддержанного грантом Правительства РФ, «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур» идёт работа по структурированию базы данных психолингвистических стимулов, представленных различными частями речи. Особенностью проекта является то, что информантами являются тюркско-русские билингвы, проживающие на территории Сибири [Резанова, 2020].

Проект разрабатывается на основе «теории воплощённого познания, гипотезы лингвистической относительности и теории ментального лексикона билингва». Основные языки, которые охватывает проект, это языки Сибири из тюркской семьи: шорский, хакасский, алтайский, тувинский.

В рамках проекта создаётся также корпус устной речи тувинско-русских билингвов (RuTuViC) с целью фиксации отклонения от речевого стандарта (далее – ОРС), обусловленного влиянием родных тюркских языков на речевую деятельность русскоговорящих билингвов.

Результаты исследования позволили не только выявить межъязыковые интерферентные процессы, но и зафиксировать уровневый статус ОРС и его подтипы [Резанова, 2021, с. 77]. В качестве типовых ОРС на лексическом уровне авторы выделяют диалектизмы, просторечные слова, другие словоупотребления, находящиеся за пределами литературной нормы, а также заимствования из тюркских языков, не вошедшие в словари русского литературного языка, или включаемые с пометами «тюрк.», «рег.» [Там же].

Одним из важнейших результатов работы психолингвистов является создание различных баз данных, которые в настоящее время являются эффективным инструментом систематизации сведений об объекте [Резанова, 2020, с. 49]. Накопление и систематизация информации об единицах всех уровней языковой системы являются главной целью составления подобных баз

данных [Резанова, 2020, с. 49]. На сегодняшний день необходимость создания подобных БД подтверждается тем, что множество проектов поддерживается в рамках правительственных грантов.

Одной из первых БД по психолингвистическим параметрам слова является «Библиотека стимулов: глагол и существительные» Ю.С. Акининой. Проект реализован при поддержке РГНФ в 2016 году [Солоухина и др., 2016]. Сотрудники и волонтеры лаборатории разработали базу вербальных и визуальных стимулов, которые могут быть использованы для проведения экспериментов и внедрения в клиническую практику афазиологов – зная психолингвистические параметры слов, специалисты могут ранжировать по степени сложности вербальные и невербальные стимулы в ходе организации речевой терапии, в том числе тестов на называние. Для получения данных о психолингвистических параметрах русских слов опрос проводился среди 100 неврологически здоровых русских монолингвов. Затем проект был дополнен актуальными данными, полученными на основе опроса русско-татарских билингвов, оценивших ПП более 1000 слов татарского языка.

Глубинная интерпретация результатов свободного ассоциативного эксперимента может стать одним из наиболее эффективных способов выявления и экспликации структуры и состава тех или иных участков ментального лексикона индивидуального или коллективного носителя языка. Подобная интерпретация может осуществляться в рамках описания психолингвистического значения слова [Саломатина, 2017].

Таким образом, системное описание психолингвистических характеристик (параметров и свойств) слов в языковом сознании тюркско-русских билингвов – одна из актуальных задач современных экспериментальных исследований. Особенную важность этот исследовательский аспект приобретает в контексте практической работы по восстановлению речи у билингвов: структура и функционирование ментального лексикона (МЛ) у монолингвов и билингвов имеют разные характеристики.

1.3. Изучение ментального лексикона билингвов: методика оценки психолингвистических параметров слов

1.3.1. Понятие ментального лексикона

Анализируя психологическую природу слова, Л.С. Выготский отмечал, что: «... слово имеет двойственную синтетическую природу: с одной стороны, слово – явление речевое, с другой, слово всегда относится к области мышления» [Выготский, 1934, с. 9]. Из сказанного следует сделать вывод о том, что слово всегда относится к целому классу предметов, т. е. к целой группе, а не к одному какому-нибудь отдельному предмету. Таким образом, слово – это скрытое обобщение с психологической точки зрения.

Учёный в данном рассуждении заложил основу понятия, которое сегодня известно как «ментальный лексикон». Однако, хотя термин «ментальный лексикон» прочно вошел в современный психолингвистический обиход, единое определение этого понятия фактически отсутствует. С развитием психолингвистики как науки всё острее становится вопрос о природе ментального лексикона, который может быть как собственно прототипом системы лексики одного языка, так и сложным устройством человеческого мозга, его интеллекта, его речевого механизма [Курилович, 2020].

На текущем этапе изучения особенностей ментального лексикона особую актуальность имеет обобщение материала, накопленного в рамках исследований таких наук, как лингвистика, логика, философия, психология, теория искусственного интеллекта и т.п., в сочетании с анализом опыта экспериментальных исследований.

Ментальный лексикон (далее – МЛ) является одним из главных объектов изучения в психолингвистике. В 60–70-е годы XX века ученые рассматривали ментальный лексикон как некое хранилище, из которого слова выбираются в зависимости либо от вероятностных ассоциаций, либо от синтаксической позиции (например, в работах Н. Хомского). Научные эксперименты по исследованию процессов порождения и восприятия речи, с одной стороны, и ассоциаций, с другой, позволили говорить о «существовании определённой

связи между особенностями развёрнутых высказываний и характеристиками ассоциативных структур» [Багана, 2012, с. 17]. Учёные начинают понимать глубинную семантическую структуру представления ситуации в сознании говорящего и то, что ассоциативная структура «стимул-реакция» соответствует ей.

Впервые МЛ упоминается в научных работах по психолингвистике уже в середине 70-х гг. XX в. Тем не менее, в современной науке до сих пор нет единого определения этого термина. Под «ментальным лексиконом» сегодня понимается, как минимум:

- 1) хранилище слов в памяти человека – «the store of words in a person's mind» [Кэрролл, 1994, с. 102];
- 2) словарь, укоренённый в психике [Эйчисон, 1987];
- 3) термин, конструкция, используемая в лингвистике и психолингвистике для обозначения лексических представлений носителей языка [Залевская, 2005];
- 4) сложная система, отражающая в языковой способности знания о словах и эквивалентных им единицах [Багироков, 2005].

Поскольку формирование информационной базы человека, т. е. овладение опытом предыдущих поколений и формирование личности как члена конкретного общества, происходит через слово, то лексику можно трактовать и как доступ к этой информационной базе. Однако все определения указывают на одно общее свойство МЛ в отличие от обычной лексики — это не общий набор слов, а словарный список с их активацией, хранением, обработкой и извлечением в конкретной ситуации [Багироков, 2005].

Ментальный лексикон имеет связь не только с семантикой, но и обязательно – с речевой прагматикой и экстралингвистическими факторами. Это тот практический механизм речевой деятельности, который обеспечивает для говорящего связь когнитивных (мыслительных) структур с лексемами конкретного языка.

Проанализировав ряд определений ментального лексикона, мы можем утверждать, что он:

1) является составной частью языковой способности индивида;

2) напрямую связан с понятийной и категориальной системами. Это своеобразная зона пересечения языка и мышления, т.к. в ментальном лексиконе происходит пересечение лексики определённого национального языка и определённой части когнитивной системы, пространства памяти человека.

А.А. Залевская в своих работах подчёркивает динамическую составляющую ментального лексикона. Ментальный лексикон, по её определению, обладает «теми же свойствами, какие специфичны для речевой организации в целом, т.е. он должен пониматься не как пассивное хранилище сведений о языке, а как динамическая функциональная система, самоорганизующаяся вследствие постоянного взаимодействия между процессом переработки и упорядочения речевого опыта и его продуктами, поскольку новое в речевом опыте, не вписывающееся в рамки системы, ведёт к её перестройке, а каждое очередное состояние системы служит основанием для сравнения при последующей переработке речевого опыта» [Залевская, 2005, с. 154].

Как отмечает Е.С. Кубрякова, помимо собственно лингвистических знаний, ментальный лексикон репрезентирует «стоящие за языковыми единицами структуры представления экстралингвистического (энциклопедического) знания» [Кубрякова, 2011, с. 328], представляющие собой вербально выраженную внеязыковую информацию о свойствах и реалиях окружающего мира. То есть ментальный лексикон – это «копилка» ментальных моделей (термин Дж. Эйчисон), которые подсознательно накапливаются и выстраиваются в систему, чтобы люди могли успешно ориентироваться в жизни и среди предметов. Эти модели включают в себя как естественные наблюдения человека, так и социальные шаблоны и установки, получаемые индивидом по различным коммуникативным каналам, включая различные воспоминания, фантазии. То есть в ментальном лексиконе содержатся все знания, которые человек приобретает в результате опыта как социального

взаимодействия с окружающим миром и как продукта собственных ощущений, наблюдений.

Таким образом, главная особенность ментального лексикона – его индивидуализированность и недоступность прямому наблюдению. Этот факт выдвигает на первый план задачу описания ментального лексикона в виде некоторой лексикографической модели, сохраняющей свой состав и структуру [Агибалов, 1995].

Ещё один автор – В.А. Белов – понимает ментальный лексикон как динамическую, когнитивно организованную семантическую сеть лексических единиц. Он исследует коннекционистские модели ментального лексикона, в частности – тезаурусные модели, объединяющие все единицы лексикона [Белов, 2020]. Тезаурусные модели всё чаще становятся предметом научных исследований.

Процедура поиска слова в ментальном лексиконе включается в структуру речевой деятельности в условиях любой коммуникативной ситуации. При этом, как отмечает А.А. Леонтьев, «поиск слова в ментальном лексиконе идёт по двум направлениям:

- 1) поиск слова по звуковому образу;
- 2) поиск слова по смыслу» [Леонтьев, 2003, с. 34].

И.А. Секерина считает, что «поиск слов в ментальном лексиконе зависит не только от этих внутренних характеристик слова, но и от внешних, например, таких, как частота слова и влияние контекста» [Секерина, 2002, с. 236].

В целом поиск слова в ментальном лексиконе может рассматриваться как процедура процесса порождения речи – извлечения слов из ментального лексикона» [Корниевская, 2012, с. 4]. В данном случае слова должны быть связаны друг с другом семантически или по формальным признакам. Ассоциативная природа слова активизируется при доступе к нему, таким образом что выбор слова происходит только после того, как проходит отбор активных лексических единиц [Корниевская, 2012, с. 11].

Э.В. Саркисова выделяет следующие модели хранения многозначных слов [Саркисова, 2012, с. 202]:

1) каждое значение многозначного слова имеет отдельное ментальное представление. При доступе активируется только то ментальное представление, в котором хранится контекстно релевантное значение.

2) в одном ментальном представлении хранятся все семантические признаки всех значений слова, а также правила, по которым конструируются конкретные значения, необходимые в контексте. При доступе активируется это единое ментальное представление.

3) какие-то значения могут храниться в одном ментальном представлении, а другие – в отдельных ментальных представлениях. Чем больше совпадающих семантических черт, тем больше вероятность иметь общее ментальное представление – частотные значения могут иметь отдельные представления; слова с большим количеством значений могут иметь несколько ментальных представлений, а с малым – одно.

Как нетрудно заметить, сложная природа структуры и постоянно меняющийся характер ментального лексикона отмечается многими учёными. В данной ситуации свою лепту вносят также фонетическая, морфемная и морфологическая системы языка, поскольку ментальный лексикон напрямую связан с грамматикой и фонетикой данного языка [Фрумкина, 2001].

С точки зрения строения (структуры), ментальный лексикон, по мнению А.А. Залевской, представляет собой «многоярусную, сложную систему многократно пересекающихся полей, с помощью которых упорядочивается и хранится в более или менее полной готовности к употреблению в речевой и социальной деятельности разносторонняя информация о предметах и явлениях окружающего мира» [Залевская, 2005, с. 39]. Это информация об их оценке индивидом, об их свойствах и отношениях, а также о лингвистических особенностях слов, обозначающих предметы и явления.

Иными словами, ментальный лексикон каждого конкретного индивида – это сеть взаимодействующих между собой смысловых полей, вербальные единицы которых актуализируются в конкретных речевых ситуациях.

Н.О. Золотова в своих работах раскрывает понятия «ядро-периферия» в ментальном лексиконе человека. Автор утверждает, что МЛ человека представляет собой уникальный феномен языкового сознания, где все знания об окружающем мире упорядочены в наиболее оптимальных для них формах выражения и связаны между собой по ассоциациям: наиболее сильные ассоциативные связи находятся ближе к ядру, образуя тем самым некий центр. Менее «мощные» связи распределяются вокруг данного центра. Единицы, входящие в ядро лексикона, имеют множество других ассоциативных связей, входят во множество ассоциативных полей совместно с другими единицами [Золотова, цит. по Горошко, 2001].

Исследования ментального лексикона человека проводятся с использованием материалов лонгитюдных ассоциативных экспериментов, а также путём сравнения структуры связей ментального лексикона детей и взрослых [Барина, Нестерова, 2015, с. 189].

Итак, мы разделяем точку зрения исследователей, считающих, что ментальный (или внутренний) лексикон — это самоорганизующаяся система, которая включает в себя «множество уровней, узлов и пересекающихся связей; выполняющая функцию хранения, переработки лингвистических и энциклопедических знаний, а также порождения речевых высказываний» [Лямзина, 2022, с. 38].

Будучи важным звеном в процессе речевой деятельности, ментальный лексикон может выполнять следующие функции: стимулировать узнавание знакомых слов в устной и письменной речи, понимание смысла сказанного и написанного, запоминание новых слов, выбор нужных слов для выражения смысла, использование слов в речи.

1.3.2. Специфика ментального лексикона у билингвов

Как отмечает Н.Ю. Новицкий, билингвизм – широко распространённое явление в мире в целом и в России в частности. На распространённость билингвизма влияют такие факторы, как «глобализация, торговля и иммиграция. В связи с ростом трудовой миграции следует ожидать увеличение процента билингвов среди населения России» [Новицкий, 2016, с. 77].

Термин «билингвизм» происходит от двух латинских слов: «bi» – ‘двойной’ и «lingua» – ‘язык’. Само понятие билингвизма до конца не определено: его дефиниции, имеющиеся в специальной литературе, значительно различаются между собой.

Билингвизм представляет собой «сложный, многоаспектный лингвокультурный феномен, который имеет не только собственно языковую (речевую) природу, но и социальную детерминированность, подразумевающую обусловленность экстралингвистическими (культурологическими и психологическими) аспектами» [Ханазаров, 1972, с. 120].

Л.В. Щерба даёт следующее определение двуязычия: «Под двуязычием подразумевается способность тех или иных групп населения объясняться на двух языках. Так как язык является функцией социальных группировок, то быть двуязычным значит принадлежать одновременно к двум таким различным группировкам» [Щерба, 1974, с. 313].

Существует много видов билингвизма и его классификаций.

Е.М. Верещагин определяет билингвизм как комплексную научную проблему [Верещагин, 1969, с. 3]. Автор отмечает, что билингвизм является предметом трёх наук: психологии, лингвистики и социологии [Там же].

Е.М. Верещагин выделяет возраст, число действий и соотнесённость двух речевых механизмов между собой как основные критерии для классификации типов билингвизма [Верещагин, 2005]:

1) возраст, когда был усвоен второй язык. По данному принципу можно выделить ранний и поздний билингвизм;

2) действия, которые билингв может выполнять на втором языке. Е.М. Верещагин различает по данному принципу рецептивный, репродуктивный и продуктивный билингвизм. Рецептивный билингвизм определяется тем, что билингв лишь понимает речь на втором языке, не может сам воспроизводить услышанное и прочитанное. Репродуктивный билингвизм означает, что билингв может воспроизводить прочитанное и услышанное. К продуктивному билингвизму относится ситуация, когда билингв понимает речь на втором языке и воспроизводит её, используя систему второго языка;

3) степень взаимосвязи и взаимовлияния друг на друга систем двух языков в языковом сознании билингва. Здесь он различает чистый, смешанный и естественный билингвизм. При чистом билингвизме общение в семье происходит на родном языке, а в обществе – на втором. При смешанном двуязычии языки свободно заменяют друг друга. При естественном билингвизме ребенок с рождения слышит речь на двух языках как в семье, так и в обществе.

Таким образом, естественный билингвизм – это тип билингвизма или двуязычия, когда второй язык является усвоенным, а не выученным. Как ранее уже было отмечено, при классификации типов билингвизма важным фактором является способ овладения вторым языком.

При естественном билингвизме происходит автоматическое переключение с одного языка на другой. При этом язык усваивается непосредственно при общении со сверстниками или близкими, однако его усвоение может также подкрепляться его изучением. Данный вид билингвизма часто встречается в двуязычных семьях [Хуснутдинова, 2021].

Наряду с естественным билингвизмом различают также искусственный. При искусственном билингвизме второй язык является выученным и практически не используется билингвом для постоянного общения с носителями данного языка. Как полагают Е.А. Калиновская и А.С. Кобышева [Калиновская, Кобышева, 2014, с. 73], искусственный билингвизм может приводить к ряду коммуникативных неудач, связанных с тем, что две языковые

системы конфликтуют, оказавшись «лицом к лицу». Наложение множественных языковых правил и конструкций как на лингвистическом, так и на когнитивном уровне представляет собой основное препятствие для полного овладения вторым языком и его успешного воспроизведения в речи.

Для не носителя языка достаточно сложно через призму родного осмыслить языковые явления другого языка со всеми его лингвокультурными особенностями. Проявляется ментальный конфликт, который обусловлен тем, что две разные картины мира сталкиваются, порождая онтологически заложенное в сознании предвзятое отношение к неизвестному, нежелание понимать и принимать особенности чужой языковой системы. Однако здесь огромную роль играет языковое сознание каждого индивида, поэтому сложно утверждать, что такое происходит у всех. Итак, ментальный конфликт представляет собой конфронтацию языковых систем родного и изучаемого языка на лингвистическом и на экстралингвистическом уровнях.

Ещё одним малоизученным вопросом в рамках психолингвистического исследования билингвизма является изучение ментального лексикона билингва [Блажевич, 2011]. Существование двух гипотез становится главным камнем преткновения для психолингвистики. Согласно первой гипотезе «двойного хранения», «билингв обладает двумя относительно независимыми ментальными лексиконами для каждого языка» [Колерс, 1963, с. 293]. Сторонники гипотезы “единого хранения” констатируют наличие единого ментального лексикона для двух языков билингва [Эри, Райан, 1980, цит. по: Хачак, 2019].

М. Пароди выдвигает также гипотезу тройного хранения для решения данного «конфликта», согласно которой билингв обладает двумя относительно независимыми ментальными лексиконами (хранящими слова в единстве их плана выражения и содержания) и единым «языково-независимым» уровнем понятийных (концептуальных) репрезентаций, соотносимых с единицами обоих лексиконов [Paradis, 1980].

Как отмечает Ю.Е. Лещенко [Лещенко, 2018, с. 40], авторы подавляющего большинства всех современных моделей билингвального лексикона отталкиваются от представления о нём «как о сложной многомерной иерархической структуре, интегрирующей в себе единицы двух и более известных индивиду языков и обеспечивающей процессы их взаимодействия и взаимовлияния» [Лещенко, 2018, с. 40]. Таким образом, индивид способен в своём языковом сознании отграничивать один язык от другого, а также переключаться от одного языка к другому.

Однако спорным остаётся вопрос: каким образом происходит данный процесс, как именно в языковом сознании билингва с помощью ментального лексикона софункционируют две системы разных языков? С целью получения ответов на эти вопросы проводились эксперименты для получения данных о модели МЛ в языковом сознании билингва.

Так, по мнению А. Павленко (А. Pavlenko), можно выделить 3 главные модели ментального лексикона [Pavlenko, 2009, p. 141]:

1) обновлённая иерархическая модель, авторами которой являются Кролл и Стюарт [Kroll, Stewart, 1994].

Они полагают, что есть вероятность существования двух моделей памяти, в которых описывается строение памяти билингва на двух иерархически соотносимых системах лексической памяти, тогда как понятия хранятся в общей для обоих языков абстрактной системе памяти. В данной модели не учитываются кросслингвистические аспекты, первый и второй языки оказываются взаимосвязанными, а степень активности лексических и концептуальных связей зависит от уровня владения первым и вторым языком;

2) модель распределённых признаков, предложенная Де Грутом в 1993 [Groot, 1993, с. 38] году. В ней основной акцент, в отличие от предыдущей модели, делается на различии разных языков и существовании единой понятийной системы в двух языках, где имеется центральная часть с совпадающими значениями слов и две периферийные части с характерными элементами каждого языка;

3) общая асимметричная модель, предложенная Донгом [Dong et al, 2005], как и предыдущая модель, включает в себя кросслингвистический аспект и различия. В этой модели предполагается два типа связей (прямая и опосредованная) между системами вербальных и концептуальных репрезентаций языков.

В данных связях доступ к концептуальной репрезентации происходит через второй язык. Все эти связи различны и изменяют свою силу в зависимости от уровня владения иностранным языком.

Доказано, что билингвы и монолингвы имеют существенные нейробиологические различия [Колмогорова, 2021]. Учёные полагают, что при монолингвизме и раннем билингвизме ситуация может быть примерно одинаковой – задействованы оба полушария мозга. По результатам многих исследований учёные пришли к выводу, что у билингвов, которые свободно могут говорить на обоих языках, переход с одного языка на другой автоматизируется, что приводит к тому, что их мозг более гибкий, лучше подготовлен к изменениям, более восприимчив и быстрее реагирует. Так развивается сбалансированный билингвизм, для которого характерно равное и регулярное употребление обоих языков [Чиршева, 2017, с. 72].

Один из американских исследователей так объясняет феномен билингвизма: «Билингв – это не сумма двух полных или неполных монолингвов; скорее это уникальная и специфическая лингвистическая конфигурация. Сосуществование и постоянное воздействие двух языков у билингва производит отличную, но целостную лингвистическую сущность» (перевод наш – А.Н.) [Grosjean, 1989, p.7].

С распространением билингвизма в мире в условиях процесса глобализации, а также развития цивилизации, учёные направляют свой взгляд на проблему изучения строения и функций ментального лексикона билингвов. В клинической практике всё больше внимания фокусируется на психолингвистической информации о словах, которая влияет на обработку и усвоение слов и монолингвами, и билингвами. Если говорить о работах,

посвящённых монолингвам, то их достаточно, но что касается билингов, то здесь процесс изучения ментального лексикона только начинается.

1.3.3. Методика изучения психолингвистических параметров слова как основа моделирования ментального лексикона билингов

«Хомскианская революция» заставила учёных-лингвистов направить свой взгляд на когнитивную лингвистику, на взаимосвязь психологии и лингвистики [Лакофф, 1966]. Многие учёные того времени активно начали проводить эксперименты, чтобы подтвердить или опровергнуть его теорию. «История изучения влияния отдельных психолингвистических характеристик слов (ПХС) – частотности слов, возраста их усвоения и т.д. – на скорость обработки человеком информации берёт свое начало с исследований первой половины XX в., когда были получены первые нормативные данные по частотности слов для английского языка в 1931 году» [Воронцов, Григорьев, 2019]. Одними из таких учёных были Бегг и Паивио, которые в своих экспериментальных работах применяли методы и психологии, и лингвистики. В 1969 году Паивио и его коллеги сформулировали теорию двойного кодирования, суть которой заключалась в том, что «в сознании человека существуют две относительно независимые системы кодирования информации – вербальная и невербальная (образная)» [Миклашевский, 2018]. В рамках данной теории авторы противопоставляют эти две системы друг другу тем, что «ментальные репрезентации в образной системе кодирования связаны с объектами, которые они замещают в сознании, по принципу иконичности, т.к. сформированы в результате непосредственного восприятия окружающего мира, а в случае с вербальными символами связь между означаемым и означающим условна; образные символы способны организовываться синхронно (т.е. человек может воспринимать/представлять два и более образа одновременно), в то время как вербальные символы всегда организуются линейно (один знак в одну единицу времени)» [Резанова, Некрасова, Миклашевский, 2018, с. 112]. С данных позиций рассматривается и различие между абстрактной и конкретной

лексикой: «конкретные слова, согласно Паивию, кодируются вербально при участии образной системы, в то время как абстрактные слова кодируются исключительно вербально» [Там же]. Чтобы подтвердить данную теорию, учёные разработали психолингвистическую базу данных, где были представлены следующие ПП: частотность, образность, (субъективная) конкретность, содержательность (среднее количество ассоциаций за указанное время). В эксперимент было включено 925 слов английского языка [Paivio et al., 1968]. Данные собирали при помощи применения шкалы Ликерта и статистических процедур усреднения данных, когда участники эксперимента получают инструкции и оценивают языковые единицы по шкале (например, от 1 до 7) по тому или иному параметру [Миклашевский, 2018].

Первыми, кто обстоятельно изучили ПП «частотность слова» и «возраст усвоения», были Дж. Кэррол, М. Уайт [Carroll, White, 1973]. В своих исследованиях они доказали, что чем раньше слово было усвоено, тем быстрее называлось слово, представленное в виде рисунка на стимульном материале.

Одной из важных работ зарубежных учёных в данной области является также MRC (Medical Research Council) Psycholinguistic database – психолингвистическая база данных для медицинских исследований, разработанная под руководством М. Колтхерта в 1981 году. Макс Колтхерт – австралийский учёный-когнитивист, специализирующийся в области когнитивной нейропсихологии и когнитивной нейропсихиатрии, который создал компьютеризированную базу данных психолингвистической информации. Семантическая, синтаксическая, фонологическая и орфографическая информация о 98 538 словах в базе данных доступна с использованием специально написанного и очень простого языка программирования. В базу данных включены и данные словесных ассоциаций, а также приведены примеры использования базы данных для выбора стимулов для психолингвистических экспериментов или лингвистических исследований. На основе вышеупомянутой работы появляются и другие базы данных психолингвистических параметров слов для медицинских целей, одной из

которых является объединённая база данных Майкла Уилсона. Будучи создана в 1988 году, эта база данных включила в себя результаты экспериментальных исследований по 26 лингвистическим и психолингвистическим параметрам слов английского языка. Были представлены такие лингвистические свойства слов, как количество букв, количество звуков, слогов слова, частотность, конкретность, образность, знакомство информанта с концептом, возраст усвоения. Все данные были предназначены для использования в экспериментальных исследованиях.

Таким образом, область экспериментальных исследований быстро заполнялась данными от многих учёных, которые активно стали проводить эксперименты по методике Бегга и Паивию, и к концу XX в. появилось значительное число баз данных по ПП слов английского языка. Однако наименования для параметров у каждого автора были разные, за исключением возраста усвоения и частотности.

В начале XXI в. появляются работы, в которых изучаются корреляции между ПП слов и их влиянием на скорость чтения, произношение [Zevin, Seidenberg, 2002].

Постепенно наименования ПП конкретизируются и стандартизируются. Так, в [Paetzold, Spacia, 2016] определяются «4 ПП:

- Знакомство со словом или субъективная частотность слова: частота, с которой слово видят, слышат или используют ежедневно (данный параметр в БД авторов измерен для 9392 слов).
- Возраст усвоения: возраст, в котором слово считается выученным (данный параметр в БД авторов измерен для 3503 слов).
- Конкретность: насколько «осязаем» объект, к которому относится слово (данный параметр в БД авторов измерен для 8 228 слов).
- Образность: интенсивность, с которой слово вызывает образы (данный параметр в БД авторов измерен для 9240 слов)» [Paetzold, Spacia, 2016, с. 436].

На скорость называния по рисунку эксперименты проводили и другие зарубежные учёные, например, Ф. Аларио и Л. Ферранд и др. [Predictors..., 2004].

Таким образом, изучение ПП слов английского языка продолжается, и на сегодня можно сказать, что эта область изучена достаточно глубоко. Что касается подобных БД ПП на русском языке, здесь следует отметить работу А.А. Григорьева и И.В. Ощепкова [Григорьев, Ощепков, 2013], а также Д.Г. Цапариной и её коллег [Цапарина и др., 2011]. Первая группа исследователей описывает такие параметры, как возраст усвоения и образность слова, степень знакомства со словом, частотность и длина слова. «Представлен сводный анализ данных устного опроса и сопоставительного анализа по выборкам на русском и английском языке. Сначала лексические единицы были разбиты по категориям: например, четвероногое животное, цветок, наука и т.д., итого – 21 категория. Далее информантов попросили перечислить в любом порядке объекты, которые входят в ту или иную категорию, и в результате можно увидеть, как эти объекты (члены категории) различаются по тому, как часто и в каком порядке их упоминают в эксперименте. В ходе своей работы исследователи представили БД, в которой, например, слово «собака» имеет 109 вхождений, при этом чаще всех из русских слов (62 раза) возглавляет список членов категории «четвероногие животные», а слово «dog» имеет 426 вхождений в ту же категорию, и 252 раза идёт первым в списке на английском языке. Д.Г. Цапарина и её коллеги, наряду с субъективными данными о возрасте усвоения, собрали также данные о согласованности названия и изображения, степени знакомства с концептом и образности для 260 цветных изображений» [Натпит, 2019, с. 59–60]. «Авторы взяли за основу цветные картинки Снодграсса и Вандерварта. При выявлении согласованности названия информантам при помощи проектора в случайном порядке показывали рисунки и просили написать первое слово (или несколько), приходящее им на ум. Для эксперимента с согласованностью изображения экспериментатор произносил вслух одно слово, и информанты должны были выбрать для слова рисунок,

который они считали соответствующим. Все итоговые результаты были отображены в таблице Excel и представлены в свободном доступе в интернете» [Там же].

Опытom нейролингвистического исследования ПП является уже упоминавшаяся ранее работа Ю.С. Акининой и О.В. Драгой [Акинина, Драгой, 2013]. Собранная исследователями база данных представляет значения 11 ПП русских слов на основе результатов эксперимента со 100 русскими монолингами. Рассмотрим параметры, которыми оперируют авторы.

Параметр «устойчивость номинации» обозначает возможность назвать объект, представленный на рисунке, одним словом.

«Знакомство с концептом» – это частота взаимодействия с концептом в реальной жизни.

«Субъективная сложность рисунка» – это оценка респондентами, насколько сложен сам рисунок по количеству изображенных деталей и линий. «Объективная сложность рисунка» оценивается по размеру в Кб jpg. файла с рисунком.

Параметр «возраст усвоения» обозначает возраст, в котором респондент, по его мнению, выучил данное слово.

Параметр «представимость» выражает то, насколько легко респонденту представить объект, названный словом.

Параметр «субъективная частотность» – частота, с которой слово, по мнению информанта, встречается в его речи или в речи, обращённой к нему. Параметр «длина слова (в фонемах и слогах)» у глаголов измеряется по форме третьего лица (в фонемах и слогах) и инфинитива (в слогах). Для измерения длины существительного в слогах и фонемах используется форма именительного падежа.

В «БД Ю.С. Акининой для сбора нормативных параметров разрабатывались анкеты с визуальными (рисунками: изображениями действий или объектов) и вербальными (словами: глаголами и существительными) стимулами. С помощью данных листов был проведён опрос для выявления

следующих параметров слов: 1) объективных: частотность слова, устойчивость номинации, длина; 2) субъективных – возраст усвоения, представимость и другие. Например, для определения параметра “устойчивость номинации” был разработан и представлен следующий вопрос: “Назовите одним словом, что за объект изображён на рисунке”. Процент доминантной номинации рассчитывался как процент самой частотной номинации от всех номинаций. Для определения параметра частотности были использованы данные о частотности леммы по словарю О.Н. Ляшевской и С.А. Шарова [Ляшевская, Шаров, 2009]. Итоговые значения нормативных параметров (кроме устойчивости номинаций) – среднее от ответов всех испытуемых» [Акинина, Драгой, 2015, цит. по: Натпит, 2019, с. 60].

На данном этапе развития психолингвистических исследований в области создания психолингвистических баз данных по ПП тюркских и русских слов можно отметить работы З.И. Резановой [2016, 2021]; А.С. Буб, Артёменко [2019]; А.В. Колмогоровой [2019b, 2020, 2021]; О.В. Нагель, И.Г. Темниковой [2017]; А.А. Миклашевского [2018].

Таким образом, все работы, посвящённые ПП слов, в той или иной мере связаны с понятиями ментального лексикона, языкового сознания носителя языка. Все работы носят экспериментальный характер – активно используются экспериментальные методы психологии, транспонированные в лингвистику.

В данной работе мы опираемся на классификацию ПП Ю.С. Акининой и О.В. Драгой, и рассматриваем 6 ПП: субъективная частотность, возраст усвоения, знакомство с концептом, субъективная сложность рисунка, устойчивость номинации и сходство образа с рисунком, которые рассчитываются по схеме Ю.С. Акининой и О.В. Драгой. Стимульный материал частично взят из БД в свободном доступе «Библиотека стимулов: Глагол и существительные» тех же авторов.

ВЫВОДЫ ПО 1 ГЛАВЕ

Несмотря на различные трактовки понятия «языковая ситуация» (В.А. Аврорина, Л.Б. Никольского, А.Д. Швейцера, В.А. Виноградова, Н.Б. Вахтина и Е.В. Головки, Н.Б. Мечковской), в них можно увидеть общие признаки: функциональный статус языка, временные рамки, территориальная ограниченность.

Помимо этого, говоря о типах классификации языковых ситуаций, следует отметить их широкую вариативность, представленную в концепциях А.Д. Швейцера и Л.Б. Никольского, У. Стюарт и Ч. Фергюсона, А. Мартине, В.А. Виноградова, Н.Б. Вахтина и Е.В. Головки. Существуют две основные группы классификаций языковых ситуаций. К первому типу относятся классификации на основе одного признака, который считался наиболее важным для автора. Ко второму типу относятся классификации, основанные на двух и более признаках: количественному и качественному.

В рамках данного исследования мы будем опираться на классификацию В.А. Виноградова и на определение И.В. Щегловой, предлагающей рассматривать ЯС сквозь призму анализа коммуникативного поведения билингов. Под языковой ситуацией в рамках данной работы мы понимаем «фактическое состояние функционального взаимодействия национальных языков в полиэтническом регионе, изменяющееся под воздействием общества и языковой политики» [Щеглова, 2019, с. 37].

Рассмотрев современное состояние языковой ситуации в Республике Тыва, а также статус тувинского языка, историю его изучения и изменения языковой ситуации, мы пришли к выводу, что, во-первых, данные вопросы привлекают всё большее внимание ученых-тувиноведов; во-вторых, языковую ситуацию в Республике Тыва следует определять как экзоглоссную и несбалансированную при общей высокой витальности тувинского языка по отношению к другим тюркским языкам, хотя тувинский язык и находится по отношению к русскому языку в положении функциональной дополнительности.

Проведённый обзор психолингвистических исследований языкового

сознания демонстрирует появление живого интереса к специфике языкового сознания и структуре ментального лексикона тюркско-русских билингвов.

Последняя область – психолингвистическое исследование билингвизма – является наименее разработанной областью изучения. Главным вопросом для учёных становится проблема «двойного хранения» или «единого хранения», где в первом случае билингв обладает двумя относительно независимыми ментальными лексиконами, а во втором – у билингва существует единый ментальный лексикон.

Таким образом, ментальный лексикон является многомерной ассоциативно-вербальной сетью, где элементы представлены в виде узлов и связей. Эти элементы расположены в случайном порядке и взаимосвязаны друг с другом, что означает, что ментальный лексикон не является фиксированным словарём с постоянным набором элементов, а постоянно переструктурируется, находясь в тесной взаимосвязи с жизненным и речевым опытом носителя языка. Принимая во внимание серьёзные объективные отличия этих видов опыта у монолингва и билингва, мы разделяем точку зрения тех учёных, которые считают, что структура ментального лексикона билингва специфична и требует пристального изучения.

Одной из наиболее разработанных методик изучения психолингвистической реальности слов в языковом сознании билингвов является экспериментальное измерение психолингвистических параметров слов, выполняемое в значительных по объёму группах информантов.

На данном этапе развития психолингвистики имеется несколько работ, посвящённых созданию баз нормированных значений психолингвистических параметров слов для разных языков [Tsaparina, Bonin, Méot, 2011; Grigoriev, Oshherkov, 2013], в том числе – для русского. Однако анализ показал, что для тувинского языка подобные исследования не проводились, хотя необходимость в них давно назрела. Восполнению данной лакуны посвящена практическая часть нашего исследования.

ГЛАВА 2. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПАРАМЕТРОВ УПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ СЛОВ ТУВИНСКОГО ЯЗЫКА И ИХ ВИЗУАЛЬНЫХ КОРРЕЛЯТОВ

2.1. Дизайн экспериментальной работы

Вторая глава сфокусирована на анализе субъективных психолингвистических параметров тувинских слов.

В рамках психолингвистики как науки используются разные методы проведения экспериментов, а также различные виды самих экспериментов. Так, например, к ним относятся: метод семантического дифференциала, «ассоциативный эксперимент, методика дополнения, опросники, шкалирование. В рамках данного исследования используются методы интервью, опросника и ассоциативного эксперимента» [Натпит, 2022, с. 147]. «Дж. Диз и Ч. Осгуд являются одними из первых разработчиков ассоциативных экспериментов» [Натпит, 2022, с. 147]. Они существенно дополнили варианты процедуры проведения свободных ассоциативных экспериментов. В «отечественной психологии и психолингвистике методика ассоциативного эксперимента была усовершенствована и апробирована в экспериментальных исследованиях А.Р. Лурии и О.С. Виноградовой. Одним из вариантов АЭ является свободный ассоциативный эксперимент» [Натпит, 2022, с. 147]. «Под свободным АЭ понимается полное отсутствие каких-либо ограничений для испытуемых, на слово-стимул отвечают первым пришедшим на ум словом-реакцией» [Натпит, 2022, с. 147].

Нами была проведена экспериментальная работа, состоящая из нескольких этапов: отбора стимулов в интервью и анкетировании, а затем – этапа проведения самого опроса с целью выявления показателей ПП для данных стимулов.

Эксперимент I. Данный эксперимент был проведён с целью отбора наиболее употребительной лексики в повседневной речи тувинско-русских билингов, так как пока не разработан частотный словарь тувинских слов. На сегодняшний день существует лишь один частотный словарь тувинского языка,

составленный на материале художественных произведений и фольклорных текстов. Для словаря, размещённого на электронной платформе, были использованы следующие произведения: «Ногаан ортулук» С.С. Сюрюн-оола, 1984 г., повесть переводится на русский язык как «Зелёный остров» и её тематика – экология; «Чечен чугаалар чыындызы» (Собрание повестей, рассказов) Ш.М. Куулар, рассказы о нравственности, год не указан; «Хүртүүн Ховалыг биле “Хүн Хүртү”», документальный очерк У.О. Монгуш, 2010 г.; «Тыва үлегер домактар, чечен сөстөр» (Тувинские народные пословицы и поговорки), тема – устное народное творчество, 1966 г.; собрание стихов Ш.М. Куулара, тема – природа, любовь, дружба, патриотизм, год не указан; «Сурас», З.С. Байсаловой, сборник рассказов о нравственности, морали, 1997 г.; «Тыва улустун мифтери болгаш тоолчургу чугаалары» (Тувинские мифы и сказки), А.Д. Арапчор, 1995 г. Как мы видим, в словарь вошли только фольклорные и художественные произведения. Однако нам нужна была употребительная лексика тувинцев на современном этапе функционирования языкового сообщества. Употребительная или общеупотребительная лексика – это лексика, употребление которой не ограничивается какими-либо социально-диалектными или стилевыми особенностями речи [Ахманова, 1966]. Общеупотребительная лексика представляет собой основу словарного состава языка. Слова, входящие в эту основу, выражают наиболее важные понятия и явления из жизни человека. К общеупотребительной лексике относятся лексемы, которые называют явления реальной жизни: например, это могут быть названия времён года и месяцев, времени суток (*зима, утро, минута*); названия различных явлений природы и элементов окружающей действительности (*дождь, река, город, ветер* и т.д.); слова, обозначающие людей их профессии, а также животных и растения (*девочка, врач, кошка, дуб*). Таким образом, употребительная лексика – это слова, которые составляют ядро любого современного языка. Чтобы получить список слов, употребительных для современного языкового коллектива тувинцев, мы провели серию экспериментов.

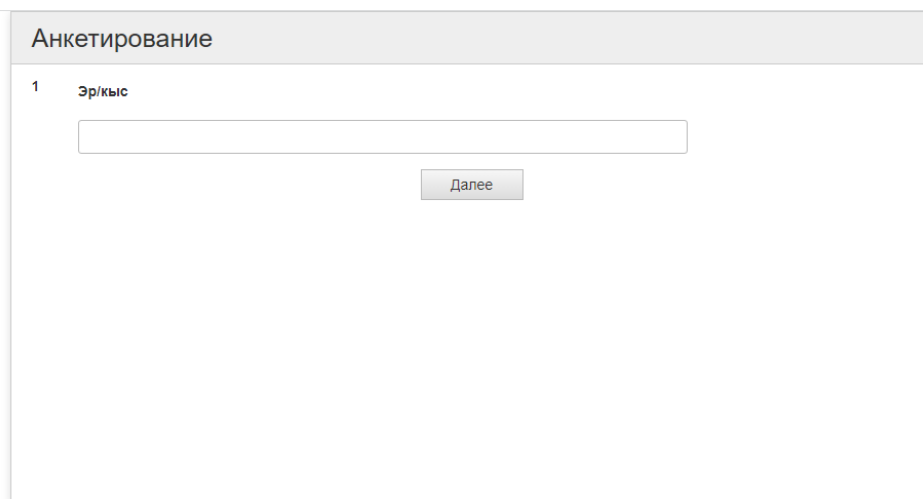
Для первой части эксперимента I мы использовали метод интервью, т.е. «психологический вербально-коммуникативный метод, заключающийся в проведении разговора между исследователем и субъектом по заранее разработанному плану» [Свенцицкий, 2004, с. 53].

В рамках данного этапа исследования было проведено «интервью с носителями тувинского языка. Респондентами выступили 8 женщин и 2 мужчин. Средний возраст информантов составлял 33 года, у 3 респондентов образование высшее, у 6 – незаконченное высшее, у 1 – среднее специальное. Целью работы было выявление наиболее употребляемых тувинских слов в повседневной речи тувинцев. В начале были заданы контактоустанавливающие вопросы личного характера» [Натпит, 2022, с. 147]. В ходе интервью были заданы вопросы о том, как они проводят свой обычный день: «*Бөгүн каш шакта оттуп келдиңер? 'Во сколько вы сегодня встали утром?'*; *Даң-бажсында оттуп келгеш, чүнү чип алдыңар? 'Что поели на завтрак?'*; *Чүнү канчап турдуңар бөгүн? 'Что делаете в течение дня?'*; *Чүү-биле ажылдаар/ооренир чериңерже чедип келдиңер? 'На чём добираетесь до места работы/учёбы'* и т.д.» [Колмогорова, Натпит, 2023, с. 174].

«Респондентов просили подробно рассказать об их обычном дне, а также описать дом / обычный маршрут до дома / ежедневную рутину. Каждое интервью длилось не более 15-20 минут. Респонденты отвечали на вопросы активно» [Натпит, 2022, с. 148]. Например, «на вопрос: «*Чүнү канчап турдуңар бөгүн, бо шакка чедир?*» («Что вы делали сегодня?»), мы получили ответ: *Карантин боорга, бажың ажылдары кылып турдум. Оон огород суггарып кааптым. Ааа, дорожка база чуп турдум. Обед кылып, ынчап турдумда, ол-ла хүн эрте берди шээй. ('Поскольку сейчас карантин, делала домашние дела. Огород поливала. Ковёр помыла. Обед сделала, и всё уже день прошёл'. – перевод автора).* Или вот ещё один пример: *Бажыңче кирип кээрге, кухня, спальня, зал бар. Кухняда стол, плита, сандайлар бар. Спальняже кире бээрге орун, стол, сандай, шкаф бар ('В доме есть кухня, спальная комната и гостиная. На кухне есть стол, плита, стулья. В спальне есть кровать, стол,*

стул, шкаф’. – перевод автора)» [Натпит, 2022, с. 147]. Полученные интервью были затранскрибированы и обработаны при помощи инструментария Word List корпусного менеджера Sketch Engine. Так был создан частотный список тувинских слов, из которого отобраны первые 20 имён существительных слов-стимулов.

Для второй части эксперимента был выбран метод опроса в форме анкетирования. «Анкетирование было проведено в форме интернет-опроса на платформе Online Test Pad с целью сопоставления наиболее часто используемой тувинской лексики у тувинцев с результатами первого эксперимента» [Натпит, 2022, с. 148]. (см. рис. 1).

Анкетирование

1 Эр/кыс

Далее

Powered by
Online Test Pad

Рисунок 1 – Скриншот интерфейса опросника

На рисунке 1 представлен первый вопрос, о принадлежности информанта к мужскому или женскому полу.

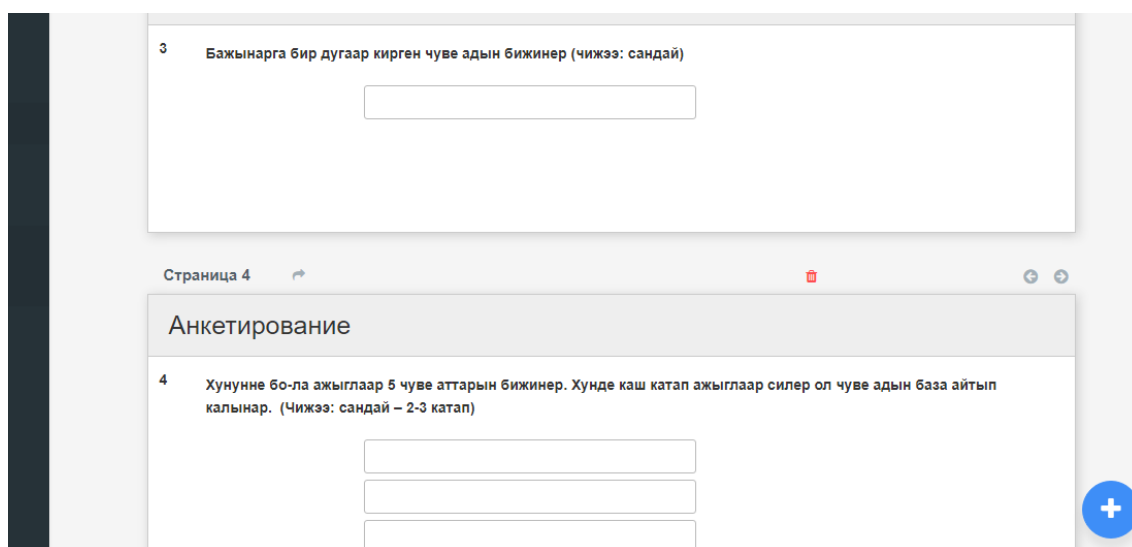

Рисунок 2 – Элементы структуры анкеты

На рисунке 2 представлены второй и третий вопросы. Каждый вопрос размещён на отдельной странице.

«Интернет-опрос – это один из наиболее активно используемых в современном мире дистанционных методов опроса» [Бацанова, 2013, с. 215]. Информантами стали 50 носителей тувинского языка от 17 до 65 лет (16 мужчин, 34 женщины). Были заданы 4 вопроса: «Эр/Кыс» ('Ваш пол'), «Назыхар» ('Возраст'), и два вопроса, касающиеся исследования: *Бажыңарга бир дугаар кирген чүве адын бижинер?* ('Напишите первое слово, пришедшее на ум')» [Натпит, 2022, с. 148]. *«Хүнүңне бо-ла ажыглаар 5 чүве аттарын бижинер. Хүнде каш катап ажыглаар силер ол чүве адын база айтып калыңар. (Чижээ: сандай – 2-3 катап)* ('Напишите, какие пять слов – имён существительных – вы часто используете в речи (уточните примерно сколько раз в день вы их употребляете?') (см. рис. 2) [Колмогорова, Натпит, 2023, с. 175].

Результаты 2 этапа первого эксперимента выглядят следующим образом: На вопрос: «Напишите, какие пять слов вы часто используете в речи» были получены следующие лексемы: *«орун* ('кровать') (18), *сандай* ('стул') (17), *телефон* (15), *машина* (9), *аяк* ('чаша') (8), *чем* ('еда') (7), *идик* ('обувь') (6), *телевизор* (5), *бижсек* ('нож') (5), *ноутбук* (4), *стол* (4), *стакан* (4), *суг* ('вода') (4), *дүлгүүр* ('ключ') (3), *паш* ('кастрюля') (3), *ручка* (3), *хөнек* ('чайник') (3),

демир-үжүк ('ручка') (2), *туалет* (2), *бумага* (2). У остальных реакций «единичный показатель» [Натпит, 2022, с. 149].

Слова, совпавшие по частотным спискам, полученным в первой и второй частях первого эксперимента, и составили основу стимульного списка для второго эксперимента.

Поскольку нами было установлено, что слова на русском языке также довольно часто и привычно используются в речи тувинцев-билингвов на родном языке, мы включили в список слов-стимулов и русские слова. Более подробная информация о них будет изложена в следующих параграфах.

Кроме того, поскольку общеупотребительная лексика охватывает все значимые сферы жизни лингвокультурного коллектива, мы включили в список стимулов номинации животных (домашний скот и диких животных, ареал обитания которых охватывает и территорию республики Тыва). Тувинцы издревле занимались скотоводством и охотой, поэтому данный пласт лексических единиц широко представлен не только в фольклорных текстах, но и в бытовых семейных разговорах.

Стимульный список был также дополнен лексическими единицами, культурно-значимыми для тувинского этноса, использованными в качестве стимулов в масштабном ассоциативном эксперименте, проведённом Ч.С. Цыбеновой [Цыбенова, 2013а]. Эксперимент показал, что культурно-значимые слова занимают важное место в ассоциативно-вербальной сети современных тувинцев. Этот вывод мотивировал нас к включению данных лексических единиц и в наш стимульный материал.

Эксперимент II.

Целью второго эксперимента было уже выявление III стимульных слов. «В ходе исследования был использован метод опроса. В связи с ситуацией, сложившейся с пандемией, опрос проводился онлайн на платформе Google forms (Гугл формы), однако исследователь во время опроса всегда был рядом или на связи по видеозвонку с участниками опроса» [Натпит, 2021b, с. 70]. Всего было опрошено 145 информантов, из них мужского пола – 75 человек,

женского пола – 70 человек. Возраст варьируется с 17 по 57 лет. Средний возраст – 22, 6 года.

Описание стимульного материала

По итогам предыдущих этапов было решено выделить следующие типы лексики: «бытовая лексика (названия предметов быта, домашней утвари, элементов помещения); повседневная лексика (части тела, реалии, составляющие повседневную жизнь человека вне стен жилища); названия животных; культурно-значимые слова (названия священных предметов, предметов, важных для тувинцев как часть их культуры). В нейросемантике названия животных связаны со зрительным восприятием, а названия предметов быта – с моторной активностью. Символический компонент культурно-значимой лексики, её отношение к эмоциям и культурная память также представляют собой важный нейросемантический компонент» [Колмогорова, Натпит, 2023, с. 174]. Таким образом, стимулы были распределены следующим образом:

- бытовая лексика: *бaжың* ('дом'), *сандай* ('стул'), *идик* ('обувь'), *серээ* ('вилка'), *шооча* ('замок'), *паш* ('кастрюля'), *хааржак* ('коробка'), *чурук* ('рисунок'), *бижек* ('нож'), *соңга* ('окно'), *аржыыл* ('полотенце'), *эжик* ('дверь');

- повседневная лексика: *хун* ('солнце'), *ай* ('месяц'), *чинчи* ('бусы'), *хадың* ('берёза'), *эмчи* ('врач'), *мойнаргаар* ('шарф'), *чечек* ('цветок'), *чаш* ('волосы'), *шиви* ('ель'), *ном* ('книга'), *арга* ('лес'), *арын* ('лицо'), *хөл* ('озеро'), *кадарчы* ('пастух'), *хем* ('река'), *башкы* ('учитель'), *чуурга* ('яйцо'), *чодураа* ('черёмуха'), *акша* ('деньги'), *терге* ('велосипед'), *орук* ('дорога');

- названия животных: *аът* ('лошадь'), *сарлык* ('як'), *теве* ('верблюд'), *бөрү* ('волк'), *өшкү* ('коза'), *инек* ('корова'), *диис* ('кот'), *койгун* ('заяц'), *дагаа* ('курица'), *дилги* ('лиса'), *адыг* ('медведь'), *хой* ('баран'), *хаван* ('свинья'), *ыт* ('собака');

- культурно-значимые слова: *чылгы* ('табун лошадей'), *өг* ('юрта'), *дыт* ('лиственница'), *лама* ('монах'), *өг-бүле* ('семья'), *дээр* ('небо'), *сүрүг мал*

(‘отара’), даг (‘гора’), хуреш (‘национальная борьба’), сылдыс (‘звезда’), алдын (‘золото’), хевис (‘ковёр’), сүт (‘молоко’), тыва (‘тувинский’), арт (‘перевал’), артыш (‘можжевельник’), ада (‘отец’), хөөмей (‘горловое пение’), ие (‘мать’), хам (‘шаман’), кадак (‘лента для подношений’), одаг (‘костёр’);

- русские слова: стол, масло, телефон, автобус, аптека, бассейн, батарея, кухня, ванная, веранда, самолёт, билет, гитара, дурилаг, душ, жалюзи, жвачка, жилет, журнал, завод, зажигалка, зонт, календарь, карандаш, карта, колбаса, коляска, коридор, крыша, куртка, ноутбук, ручка, стакан, сумка, телевизор, флешка, фонарь, хлеб, щётка, машина;

- глаголы: чемнениир (‘есть, кушать’), кылаштаар (‘идти’), боданыыр (‘думать’), көөр (‘смотреть’), олулар (‘сидеть’), ынак болур (‘любить’), саннаар (‘считать’), бижиир (‘писать’), турар (‘стоять’), бээр (‘давать’), халыыр-маңнаар (‘бегать’), ойнаар (‘играть’), номчуур (‘читать’), машина мунар (‘водить’), удуур (‘спать’), ижер (‘пить’), халдыыр (‘ехать’), тудар (‘держат’), ырлаар (‘петь’), кыйгырар (‘звать’), хүлүмзүрер (‘улыбаться’), ыглаар (‘плакать’), чугаалажыыр (‘разговаривать’), долгаар (‘звонить’), ажыдар (‘открывать’), ужар (‘летать’), хеп чуур (‘стирать’), чем кылыр (‘готовить еду’), муңгараар (‘грустить’), чурук тыттырар (‘фотографировать’), хой кадарар (‘насти’), чоруур (‘уходить’).

Стимульный визуальный материал был отобран из библиотеки стимулов «Существительное и объект» и «Глагол и действие» [Акинина, Драгой, 2014], а также из сети Интернет, поскольку для культурно-значимых тувинских слов было сложно подобрать рисунки из базы данных. Отметим, что из базы данных Ю.С. Акининой отбирали каждое 10 и 11 слово на русском языке, затем их переводили, а потом они были добавлены в группу повседневной и бытовой лексики, а глаголы – в группу глаголов. Оттуда же к ним был взят визуальный материал. Всего представлены 142 слов-стимулов. Все рисунки из БД были сделаны в одном стиле, в чёрно-белом цвете. Для культурно-значимых слов рисунки были подобраны таким образом, чтобы они были похожи по типу на рисунки из БД Ю.С. Акининой и её коллег.

«Для сбора ПП были составлены 3 блока заданий, содержащих как визуальные корреляты слов-стимулов из составленного нами списка (изображения действий и объектов), так и сами слова-стимулы. Итоговые значения ПП (кроме ПП «Устойчивость номинации Н») представлены далее в работе – это среднее значение от ответов всех испытуемых» [Натпит, 2019, с. 60].

Для получения данных о ПП «Устойчивость номинации» информантам давалась инструкция: «Назовите одним словом то, что изображено на рисунке». Данный ПП рассчитывался двумя способами: по формуле Н [Snodgrass&Vanderwart, 1980] (рис. 3) и в процентном отношении.

$$H = -\sum_{i=1}^k p_i \log_2 \left(\frac{1}{p_i} \right),$$

где k — количество различных номинаций рисунка, а p_i — доля респондентов, породивших одну конкретную номинацию

Рисунок 3 – Формула Н

ПП «Возраст усвоения» был представлен заданием: «Укажите, примерно в каком возрасте, как Вы думаете, Вы выучили это слово. Используйте предлагаемую шкалу с возрастными интервалами (от 1-3 лет, 4-7 лет, 8-10 лет, 10-12 лет, после 12 лет)».

Для получения данных о ПП «Представимость» информантам давалась инструкция: «Оцените, насколько легко Вы можете представить себе действие/объект, обозначенное(ый) этим словом. Используйте шкалу от 1 (легко представить) до 5 (сложно представить)».

Для получения данных о ПП «Сходство образа с рисунком/изображением» перед информантами ставилась следующая задача: «Постарайтесь представить себе названное(ый) словом действие/объект». После перемещения курсора вниз по вкладке предьявляется соответствующий рисунок. «Оцените, насколько похож рисунок на то, что Вы себе представили. Используйте шкалу от 1 (совсем не похож) до 5 (очень похож)».

Для получения данных о ПП «Знакомство с концептом (действием/объектом)» использовалась инструкция: (для действия) «Оцените, насколько хорошо Вам знакомо действие, изображённое на рисунке (насколько часто Вы его совершаете / видите или слышите, как его совершают другие / думаете о нём). Используйте шкалу от 1 (плохо знаком) до 5 (хорошо знаком)»; для объекта – «Оцените, насколько хорошо Вам знаком объект, изображённый на рисунке (насколько часто Вы его видите, слышите или думаете о нём). Используйте шкалу от 1 (плохо знаком) до 5 (хорошо знаком)».

Для получения данных о ПП «Субъективная сложность рисунка» информантам давалось задание: «Оцените сложность самого рисунка (не действия/объекта!) по количеству изображённых деталей и линий. Используйте шкалу от 1 (простой рисунок) до 5 (сложный рисунок)».

ПП «Субъективная частотность» был представлен инструкцией: «Оцените по шкале от 1 до 5 (1 – очень редко, 2 – редко, 3 – часто, 4 – очень часто, 5 – каждый день, всегда), насколько часто вы используете слово “_____” в вашей повседневной жизни?».

Опрос был разделён на 3 блока, ввиду его объёмности, и длился от 1 до 3 часов, в зависимости от индивидуального темпа работы информанта.

2.2. Психолингвистические параметры слов тувинского языка из ядра употребительной лексики

2.2.1. Психолингвистический параметр «Субъективная частотность» для тувинских слов

Рассмотрим значения данного ПП в группе культурно-значимых тувинских слов. Известно, что «ассоциативное поле того или иного слова-стимула рассматривается в отечественных психолингвистических исследованиях не только как фрагмент вербальной памяти человека, но и как фрагмент образа мира “усредненного” носителя той или иной культуры»

[Пищальникова, 2019, с. 751]. Таким образом, мы отдельно выделили группу культурно-значимых слов.

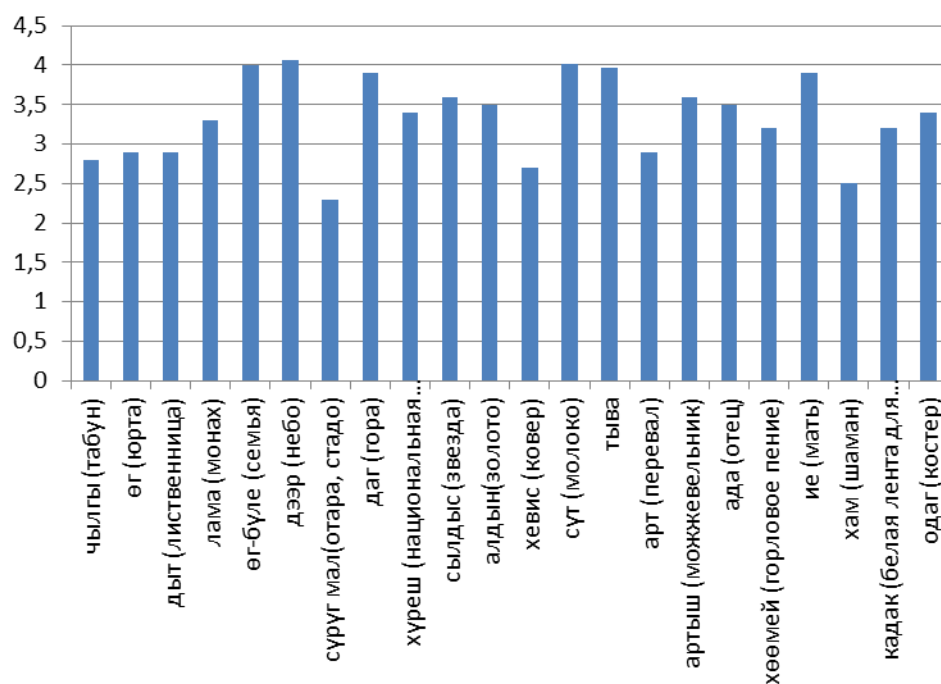

Рисунок 4 – Значения ПП «Субъективная частотность» для тувинских культурно-значимых слов

Рассмотрим сначала стимулы с самыми низкими показателями субъективной частотности:

- *чылгы* ('табун') – издревле известно, что тувинцы разводили табуны лошадей наряду с мелким рогатым скотом (МРС) и крупным рогатым скотом (КРС). Об этом свидетельствуют многие источники [Хупер, 2020; Монгуш 2010а, 2010б, 2016]. Тувинцы часто называли тех, кто пасёт лошадей специальным словом *чылгычы*, а также давали подобное имя своим сыновьям «Чылгычы» – 'тот, кто пасёт табун лошадей'. Лошади были ближе тувинцам, чем другие домашние животные – они были основным средством передвижения. Кроме того, в тувинском фольклоре встречается много пословиц и поговорок, где одним из главных персонажей является конь. Приведём несколько примеров: *Аът болуру кулунундан, кижиге болуру чажындан* ('Вырастает конь из жеребёнка, человек – из малого ребёнка'); *Эки кижиге эш хөй, эки аътка ээ хөй* ('Для того, кто хороший, друзей много, для хорошего')

скакуна и много найдётся хозяев'). В сказках у главных героев ближайшим, самым верным, зачастую единственным другом выступает конь. Главного героя описывали по коню, а не по фамилии отца или матери: *Даиш-Хүрең аъттыг Танаа-Херел* ('Танаа-Херел с конём цвета бурого'); *Хан-Шилги аъттыг Хан-Мөге* ('Хан-Мөге с конём цвета коричневого'); *Хүлер-Бора аъттыг Тоң-Аралчын хаан* ('Царь Тоң-Аралчын с конём цвета белого'). Есть также танцы и песни, посвящённые лошадям. Например, одним из легендарных тувинских танцев, входящим в обязательный минимум любой хореографической школы или школы искусств Тувы является танец «Декей оо» или «Эзир Кара», где текст песни посвящён верному коню, а в самом танце изображается всадник на скакуне [Биче-оол, 2011]. Одним из традиционных крупных спортивных состязаний являются скачки, которые проводятся в рамках единственного крупного национального праздника животноводов «Наадым». Таким образом, можно сделать вывод о том, что *чылгы* – 'табун лошадей' является неотъемлемой частью тувинской культуры. Однако в связи с историческими событиями – национализацией многих личных хозяйств-аратов – данное слово перестало употребляться, поскольку никто больше не содержал такое большое количество лошадей, всё было распределено между государственными фермами. И только в настоящее время начинается подъём личных хозяйств при поддержке государства. Однако слово *чылгы* долгое время отсутствовало в повседневной речи тувинцев, и возможно, поэтому показатели по частотности у стимула невысокие: 2,8 по 5-балльной шкале. В настоящее время тувинский народ, который ранее был кочевым, ведёт оседлый образ жизни в городах и сёлах, многие не имеют даже личного подсобного хозяйства, что отражается в речи и языковом сознании современной молодёжи: многие информанты, особенно городские дети, в ходе опроса признавались, что даже не слышали слово *чылгы*.

- *өг* ('юрта') – почти такая же ситуация происходит и с данным стимулом. Издревле тувинцы жили в юртах, поскольку это был переносной дом, который можно легко собрать и разобрать. Тувинцы четыре раза в год

переезжали за своим скотом, в поисках лучшего пастбища в четыре сезона года. Однако с вхождением в состав СССР тувинский народ осел в городах и деревнях, и постепенно сменил *өг* ('юрту') на *бажың* ('дом'). В настоящее время *өг* ('юрта') может встретиться только у тех, кто живёт в посёлках и сёлах. Таким образом, показатель частотности у данного стимула низкий – 2,9.

В таком же положении находятся слова-стимулы – *хевис* ('ковёр'), *дыт* ('лиственница'), *арт* ('перевал'), *хам* ('шаман'). Кроме *хевис* ('ковёр'), все три остальных стимула имеют связь с сакральными практиками шаманов, являются предметом первой необходимости при проведении обрядов. У всех показатели ниже 3. У 18 стимулов показатели средние между 3 и 4: *лама* ('монах'), *даг* ('гора'), *чинчи* ('бусинки'), *хүреш* ('национальная борьба'), *сылдыс* ('звезда'), *алдын* ('золото'), *арга* ('лес'), *хөл* ('озеро'), *кадарчы* ('настух'), *хем* ('река'), *Тыва*, *артыш* ('можжевелик'), *ада* ('отец'), *хөөмей* ('горловое пение'), *ие* ('мать'), *чодураа* ('черёмуха'), *кадак* ('белая лента для подношений'), *одаг* ('костёр').

Выше показателя 4 имеют только 3 слова-стимула: *өг-бүле* ('семья'), *дээр* ('небо'), *сүт* ('молоко'). Такой показатель говорит о том, что данные слова используются довольно часто в повседневной речи тувинцев, поскольку они являются не только важными символами тувинской традиционной картины мира, но и одновременно – элементами повседневной жизни тувинцев.

Средний показатель группы культурно-значимых слов равен 3,3.

Если сравнивать результаты с показателями других групп, то рассматриваемая группа культурно-значимых слов находится на предпоследнем месте по показателю частотности.

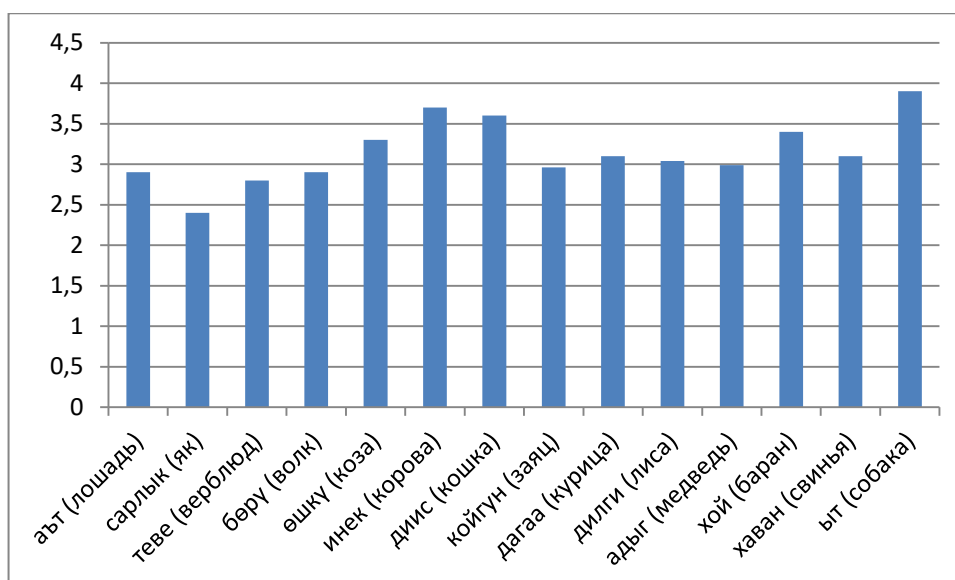

Рисунок 5 – Значения III «Субъективная частотность» для тувинских зоонимов

В данную группу входит 14 наименований животных на тувинском языке. Средний показатель у данной группы слов по частотности равен 3,1.

Наибольшие показатели – у слов *ыт* ('собака'), *инек* ('корова'), *динс* ('кошка'), *хой* ('баран'), *өшкү* ('коза'). Такие результаты объясняются тем, что данные виды животных всё ещё часто встречаются в частных домах и в личном подсобном хозяйстве тувинцев в настоящее время.

Наименьшие показатели у слов *сарлык* ('як'), *те́ве* ('верблюд'), *аът* ('лошадь') – данные виды домашних животных тувинцы всё реже содержат в своих хозяйствах.

Что касается диких животных, таких как *бөрү* ('волк'), *койгун* ('заяц'), *дилги* ('лиса'), *адыг* ('медведь') – у них показатели варьируются от 2,9 до 3,1. Это означает также, что они довольно часто встречаются в речи тувинцев. Данные виды животных всё ещё водятся в лесах, горах Тувы и представляют угрозу для домашнего скота, поэтому тувинцы охотятся за ними в каждый сезон охоты. Кроме того, они являются частыми персонажами тувинских сказок, например, таких, как «Ак-сагыш биле Кара-сагыш» ('Чум зверей'), «Ай койгунак» ('Белый заяц'), «Хой биле койгун» ('Как заяц спас овцу'), «Аштаан

бөрү биле сергежигеш» («Голодный волк и жирный козлик»), «Балыкчы Өскүс-оол» («Рыбак Өскүс-оол»), «Ыт чуге ээрер болганыл?» («Почему собака лает»).

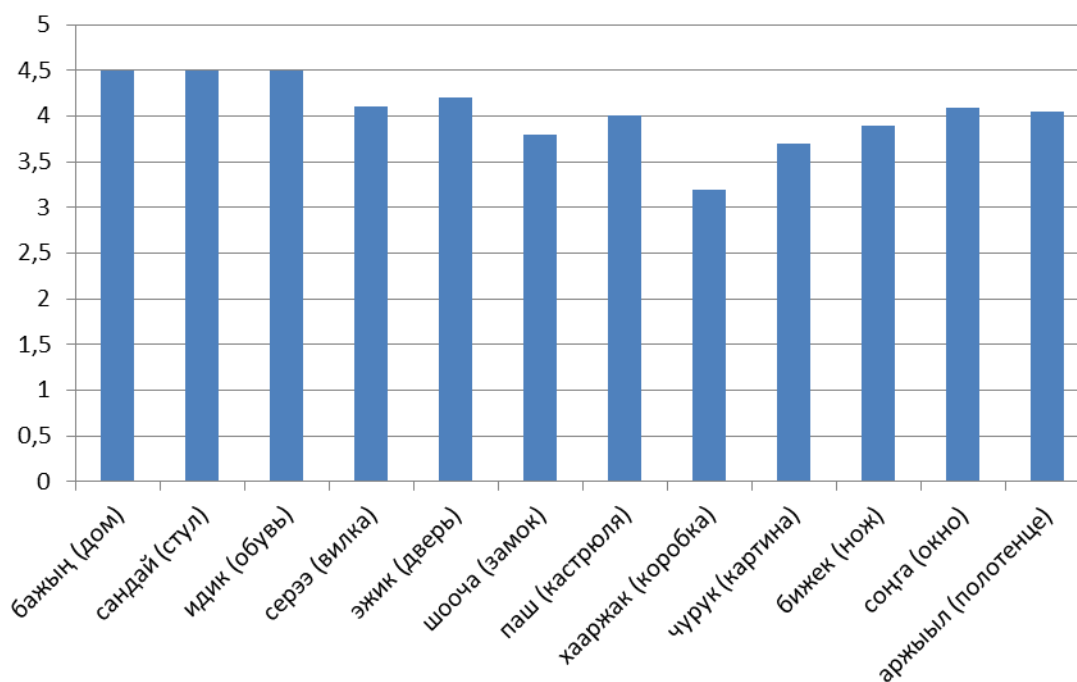

Рисунок 6 – Значения ПП «Субъективная частотность» для бытовой лексики

В данную группу также входят 14 слов-стимулов. Показатели по частотности варьируют от 3 до 4,5. Это говорит о том, что данные слова очень часто встречаются в речи тувинцев. Наиболее высокие показатели у слов *бажың* ('дом'), *сандай* ('стул'), *идик* ('обувь') = 4,5. Наименьшие показатели у слов: *шооча* ('замок'), *хааржак* ('коробка'). Возможно, данный факт связан с тем, что в речи тувинцев всё чаще встречаются русские варианты данных слов *замок* и *коробка*. Например, когда ломается дверь в квартиру или не могут открыть дверь, тувинцы всё чаще говорят: «*Эжиим замогу урелипкаан*» – «*Замок двери сломался*» или «*Эжиим замогун клинелипкаан, ажыдып чадап калдым*» – «*Замок двери заклинило. Не могу открыть дверь*». Или если ситуация связана с машиной, молодые и взрослые водители употребляют слово *замок*: «*Машинаның замогу урелген. Чаа замок садар болза эки*». – «*Замок машины сломался. Надо покупать новый*».

Слово стимул *хааржак* всё чаще употребляется с негативной коннотацией в значении ‘гроб’, а за название собственно бытового предмета «отвечает» его русский вариант *коробка*. Например: «*Хааржаан үндүрген бе?*» – «*Гроб уже вынесли?*». Или в повседневной речи: «*Подай, пожалуйста, вон ту коробку*» – ‘*Туу коробканы берем*’.

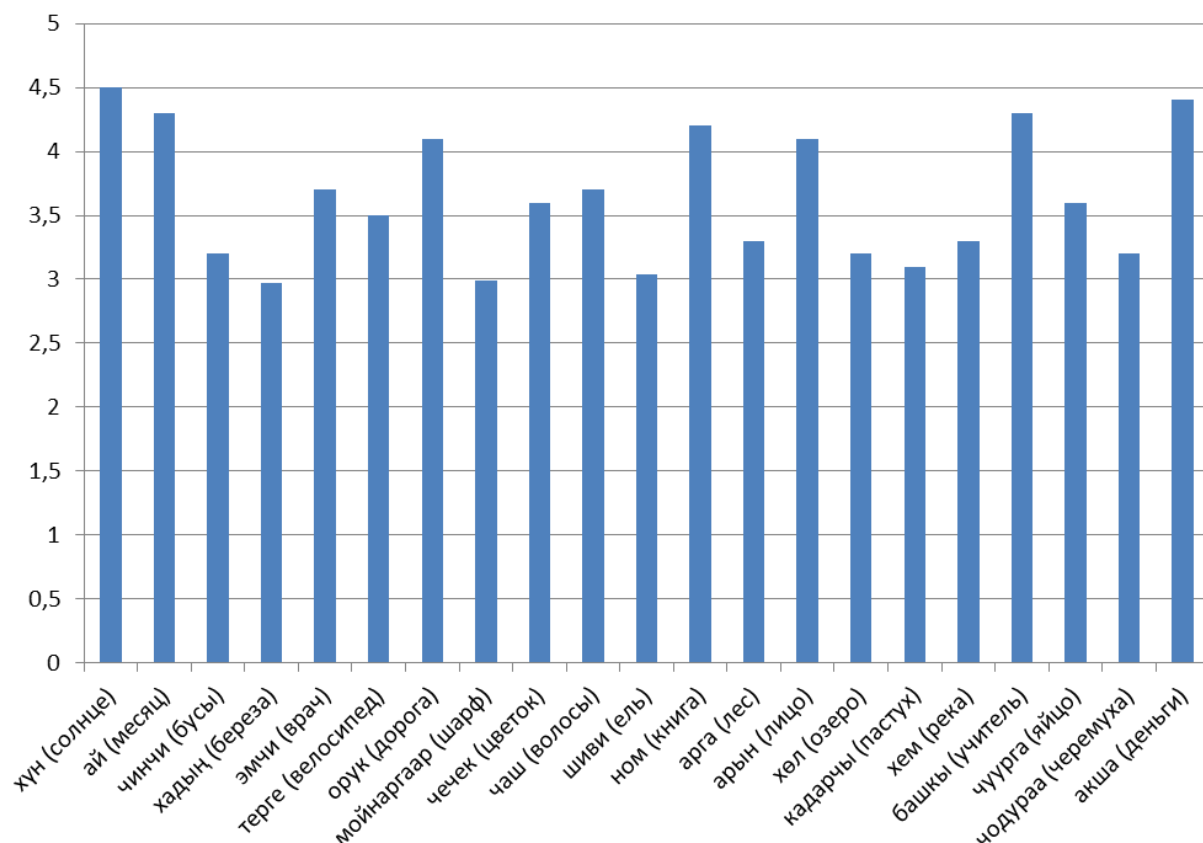

Рисунок 7 – Значения ПП «Субъективная частотность» для повседневной лексики

В данную группу включены слова, которые входят в ядро употребительной лексики. Некоторые стимулы, такие как *хун* (солнце), *ай* (‘месяц’), *чаш* (‘волосы’), *арын* (‘лицо’), *башкы* (‘учитель’) являются многозначными. Помимо значения ‘солнце’ *хун* также используется в значении ‘день’. Например: *Бо хун каштын хүннү чүвөл?* (‘Сегодня какой день (число)?’). *Ай* – в значении также календарного месяца, как и в русском языке. Например: *Бо айда мээң төрүттүнген хүннүм* (‘В этом месяце будет мой день рождения’). *Чаш* является омографом слова в значении ‘юный, молодой’.

Тувинцы даже давали имена собственные своим детям *Чаш-оол*, что при переводе означает ‘мальчик малыш’. Либо, например: *Сен ам-даа чаш сен*. (‘Ты всё ещё мал’). *Арын* означает также страницу книги или журнала. Например: «*15 дугаар арынны ажыдып алыңар*» (‘Откройте 15 страницу’). *Башкы* означает ‘первый’. Например: «*Частын башкы айы үнүп келди*» (‘Первый месяц весны пришёл’). Возможно, многозначность данных стимулов также повлияла на высокие показатели частотности. У всех данных слов показатель по частотности выше 4 по шкале от 1 до 5. Наименьшими показателями в группе обладают слова *хадың* (‘берёза’), *шиви* (‘ель’) и *терге* (‘велосипед’). На сегодня в речи тувинцев отмечается использование русского варианта слова *терге*. Например, дети дошкольного и школьного возраста между собой говорят, используя русский вариант «велик, велосипед»: «*У меня есть велосипед такой же*». Они не будут на тувинском говорить: «*Менде ындыг терге бар*». Что касается слов-стимулов *шиви* и *хадың*, предполагаем, что их низкий показатель связан с тем, что тувинцы в настоящий момент переживают активный процесс урбанизации. Юное поколение тувинцев редко употребляет в речи это слово. В речи тувинцев можно заметить отсутствие тувинского слова «*шиви*», например: «*“Ёлканы эkkээр” – ‘сходить за ёлкой’, “ёлканы каастаар” – ‘нарядить ёлку’. “Ёлка чанынга тыттыржып аалыңарам че!” – ‘Давайте сфотографируемся рядом с ёлкой!’*» [Колмогорова, Натпит, 2023, с. 180].

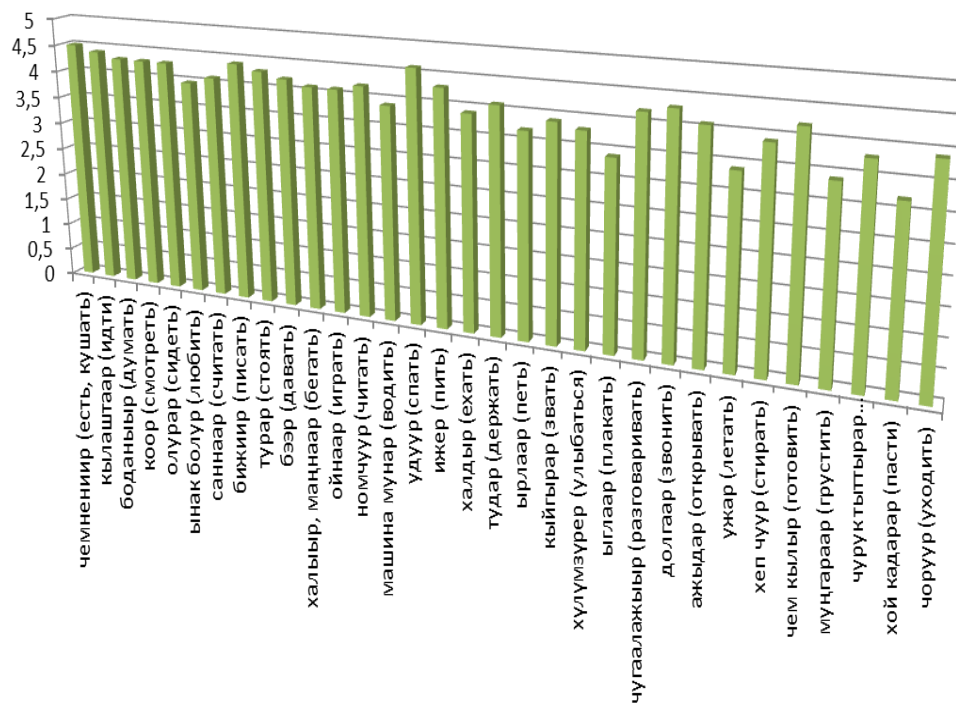

Рисунок 8 – Значения ПП «Субъективная частотность» для глаголов

Глаголы были включены в список стимулов как неотъемлемая часть употребительной лексики в повседневной речи. Всего их было 32. Целесообразность их включения в список доказывается высоким средним показателем частотности среди всех групп стимулов – 4,03 по шкале от 1 до 5. Наиболее высокий показатель у глагола *удуур* ('спать') – 4,6. Далее идут *чемнениир* ('есть, кушать') – 4,5, и *кылаштаар* ('идти') – 4,4. Наименьший показатель у глагола *кадарар* ('пасты'). Как уже ранее было отмечено, процесс урбанизации в Туве заставил бывший кочевой народ осесть в городах и сёлах. Жители городов перестали держать при себе личное подсобное хозяйство. Возможно, это и есть причина такого низкого показателя для данного слова-стимула, которое возможно применить в восстановительных упражнениях при афазии, однако в его более современном значении. Всё чаще глагол *кадарар* ('пасты') используется не в значении 'ходить за скотом и охранять его', а в значении 'охранять какую-либо вещь', например: «*Мээң сумкам база кадарып*

берем» (*‘Мою сумку тоже охраняй, пожалуйста’*). Здесь мы наблюдаем, как меняется значение слова.

По сравнению с другими группами среднее значение ПП частотности у данной группы самое высокое – 4,03. На следующем графике представлены средние значения ПП «субъективная частотность» для всех групп. Наиболее частотны глаголы, затем идут группы существительных. Возможно, глаголы можно включить в упражнения для речевой терапии, но только те, у которых хорошие показатели и по ПП «Сходство образа с рисунком».

Рисунок 9 – Средние значения ПП «Субъективная частотность» для всех групп тувинских слов

Чтобы увидеть общую картину, для каждого из параметров были рассчитаны средние значения и визуализированы распределения. Рассмотрим полученные результаты.

Рисунок 10 отображает распределение значений субъективной частотности в выборке (синим штрих-пунктиром отмечена медиана).

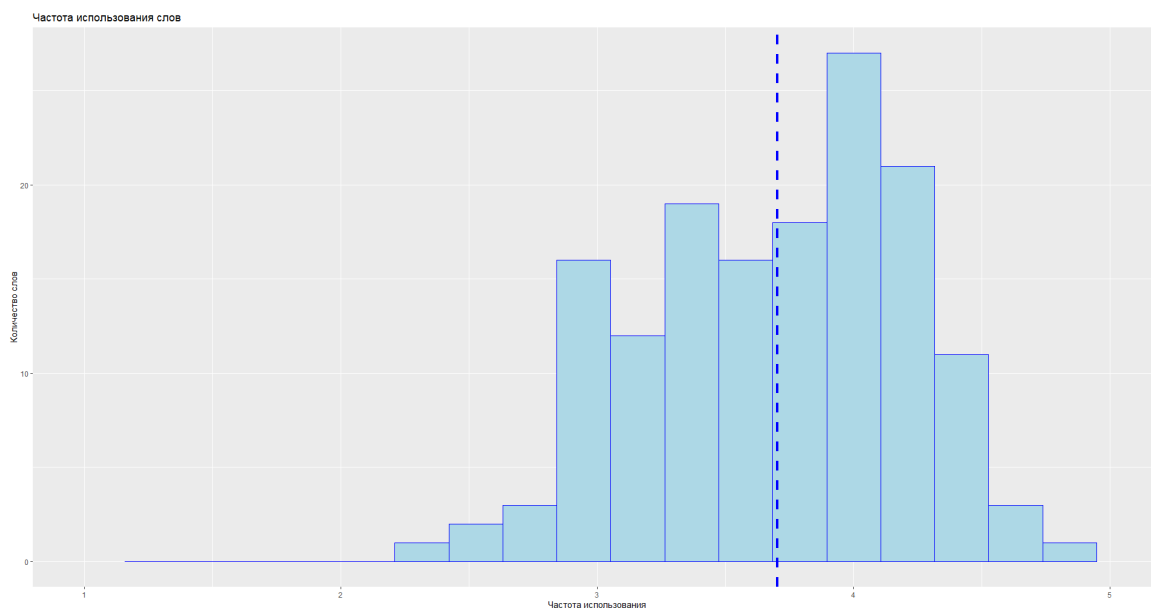

Рисунок 10 – Распределение значений ПП «Субъективная частотность» в выборке тувинских слов

Как можно заметить, большинство слов используется относительно часто – значение параметра в основном лежит в пределах между 3 и 4,5, со средним значением в 3,7. При этом слова, частота использования которых оценивалась бы менее двух, отсутствуют. В то же время в выборке встречаются слова, которые оцениваются как используемые часто – максимальное значение параметра близко к оценке в 5. Можно, таким образом, утверждать, что представленные в выборке слова действительно распространены и по большей части активно используются респондентами. Основная масса значений сосредоточена в середине шкалы, что означает, что все стимулы частотны.

2.2.2. Психолингвистический параметр «Представимость» для тувинских слов

Данный ПП базируется в основном на чёткости внутренней ментальной картинки того объекта, который номинируется словом [Connell, Lynott, 2012]. «Информанту предлагается по шкале от 1 до 5 оценить, насколько легко себе представить то, что обозначает данное слово. Значения представимости отражают силу нейронной связи слова с визуальной модальностью – с образом

денотата» [Колмогорова, Натпит, 2023, 173]. Как уже было ранее отмечено, в опросе данный ПП был представлен вопросом «Насколько легко Вам представить объект, названный данным словом?».

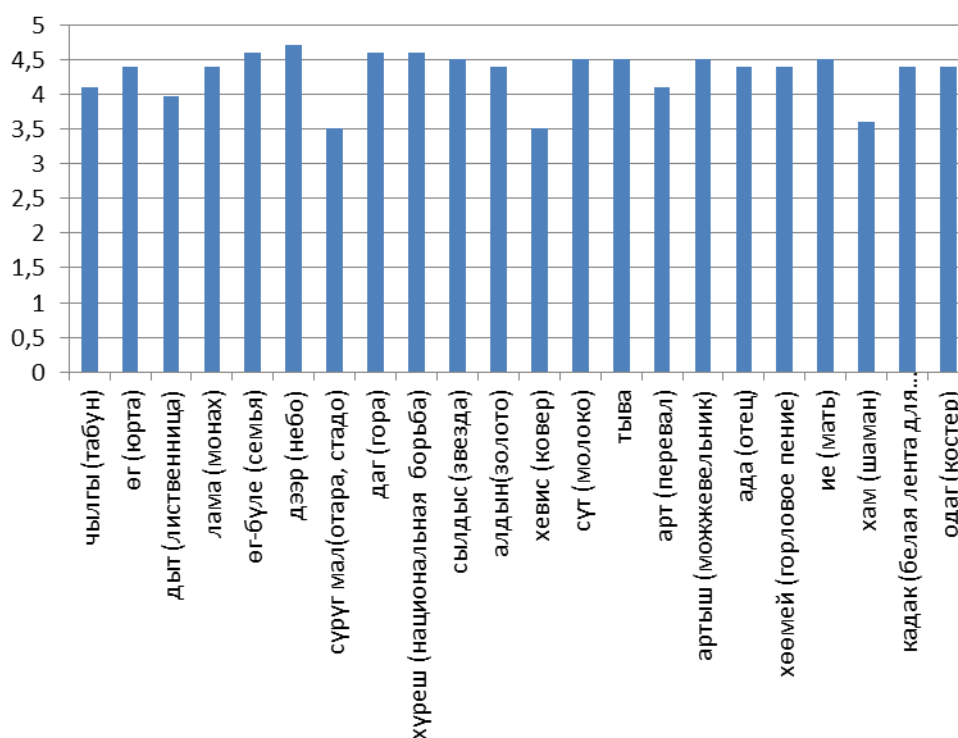

Рисунок 11 – Значения ПП «Представимость» у тувинских культурно-значимых слов

Средний показатель по данному ПП равен 4,3, что говорит о лёгкой представимости данных слов. Наибольшее значение у стимулов: *дээр* ('небо') (4,7), *даг* ('гора') (4,6), *хүреш* ('национальная борьба') (4,6). Наименьшие показатели у стимулов *хевис* ('ковёр'), что может быть связано с другим ПП «Устойчивость номинации». Данный показатель представляет количество и отношения слов-реакций на слово-стимул. Основными реакциями на данный стимул были слова-реакции *дорожка* и *ковёр*, русскоязычные эквиваленты, которые активно вытесняют тувинский *хевис*. По сравнению с другими стимулами, это – самые низкие показатели. Низкий показатель и у слова-стимула *хам* ('шаман'). Ранее в рассказах и повестях тувинского устного народного творчества часто встречались персонажи-шаманы, как духовные наставники народа. Например, *алгыши* – обрядовая поэзия «алгыш-йөрээл»,

возникшая в глубокой древности и отразившая веру людей в магическую силу слова и действия, представляет один из архаичных видов устного творчества тувинцев. Непрерывная связь слова и действия, их единая функция в обряде – основные признаки произведений обрядовой поэзии [Самдан, 2013, с.24]. Однако в силу атеистической идеологии советского периода произведения обрядовой поэзии перестали распространяться, что привело к тому, что современное поколение не знает о них, и в речи молодёжи их редко можно встретить. Помимо этого, с развитием буддизма в Туве в конце XX в. и в начале XXI в., шаманские практики стали вытесняться буддистскими [Чажытмаа, 2012].

Рассмотрим группу стимулов-номинаций животных.

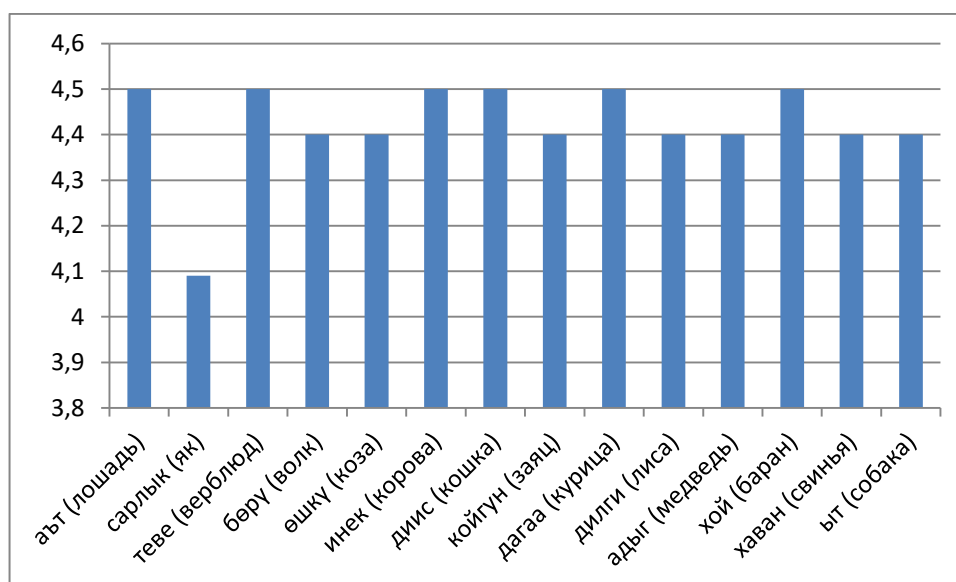

Рисунок 12 –Значения ПП «Представимость» для названий животных на тувинском языке

По диаграмме можно отметить, что наименьший показатель у слова-стимула *сарлык* ('як'). Разведение яков в Туве значительно сократилось, а в центральных районах республики практически отсутствует. Разведением яков до сих пор занимаются в отдалённых Монгун-Тайгинском и Бай-Тайгинском районах [Электронный ресурс: https://rtyva.ru/press_center/news/agriculture/10866/]. Многие дети из центральных районов даже не знают, что это за животные. Видимо, это и является причиной низких значений у данного

стимула, так как респондентам сложно представить объект, обозначаемый данным словом-стимулом.

В среднем по группе значения показателей выше 4. Это говорит о том, что все слова из данной группы легко представимы. Наивысшие показатели у слов: *аът* ('лошадь'), *теве* ('верблюд'), *инек* ('корова'), *диис* ('кошка'), *дагаа* ('курица'), *хой* ('баран'). Их значения приближаются к 4,5 по шкале от 1 до 5. Данные животные – домашние. Разведением, например, коров и баранов занимается практически каждая вторая семья в республике, лошади присутствуют в меньшем количестве домохозяйств, но тоже распространены. Неожиданным стал для нас факт высоких значений представимости у слова *теве* – верблюды практически не встречаются в домашних хозяйствах тувинцев.

Из группы домашних животных только у стимулов *ыт* ('собака') и *өшкү* ('коза') значение равно 4,4.

Ниже по значениям, чем у этой группы, стоят стимулы, обозначающие группу диких животных. Это можно объяснить тем, что респонденты не каждый день встречаются с ними, в отличие от домашних животных.

Рассмотрим группу слов, номинирующих предметы быта.

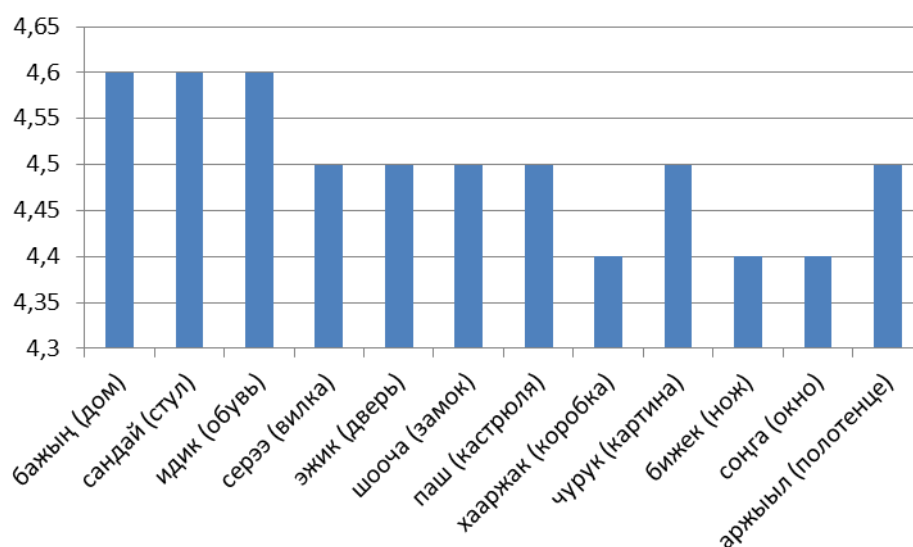

Рисунок 13. Значения ПП «Представимость» для бытовой лексики на тувинском

По рисунку 13 хорошо заметно, что наименее представимыми являются стимулы *хааржак* ('коробка'), *бижек* ('нож'), *соңга* ('окно').

Ближе к показателю 4,5 стоят значения у стимулов *серээ* ('вилка'), *эжик* ('дверь'), *орук* ('дорога'), *шооча* ('замок'), *паш* ('кастрюля'), *чурук* ('картина'), *аржсыыл* ('полотенце').

Ближе к показателю 4,6 стоят значения у стимулов *бажың* ('дом'), *сандай* ('стул'), *идик* ('обувь').

Высокие показатели данной группы можно объяснить тем, что данная лексика обслуживает ежедневную бытовую сферу.

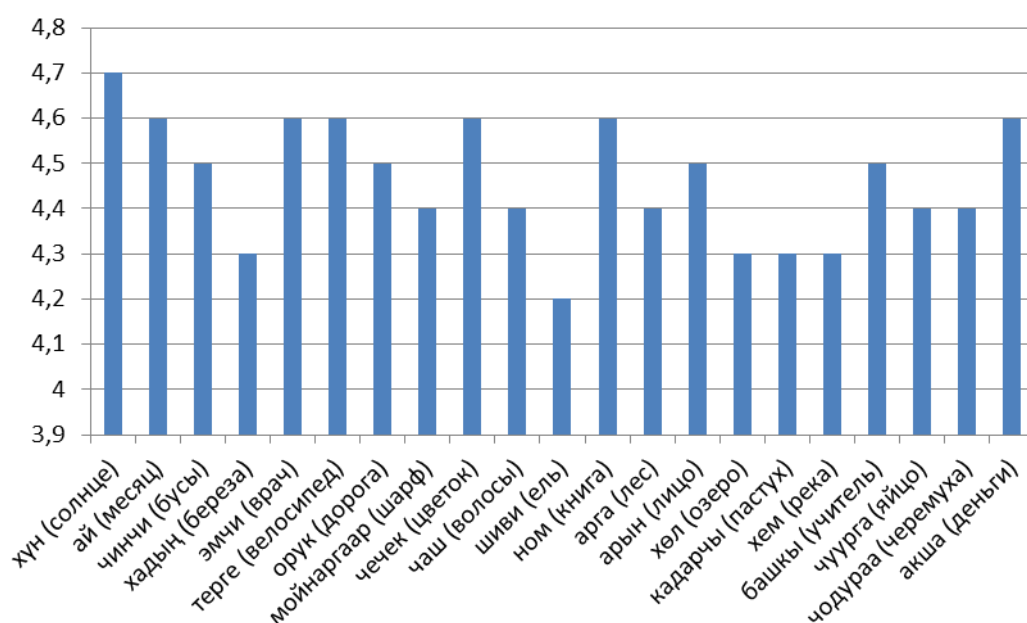

Рисунок 14 – Значения ПП «Представимость» для повседневной лексики на тувинском языке

Показатели данной группы отличаются друг от друга в наибольшей степени, но все значения выше 4. Несмотря на то, что у стимула *хүн* ('солнце') есть полисемичные значения, показатели по данному ПП у него наиболее высокие в группе – 4,7. Далее с показателем 4,6 идут значения *ай* ('месяц'), *ном* ('книга'), *чечек* ('цветок'), *эмчи* ('врач'), *акша* ('деньги'). У слов-стимулов *чинчи* ('бусы'), *арын* ('лицо'), *башкы* ('учитель') значения равны 4,5.

Среднее значение по группе равно 4,45, что говорит о том, что данная группа слов легко представима. Однако всё же, как и для ПП «Субъективная частотность», здесь группу существительных на тувинском языке опережает группа глаголов на тувинском языке (см. рисунок 15).

Рисунок 15 – Средние значения у тувинских существительных и глаголов по ПП «Представимость»

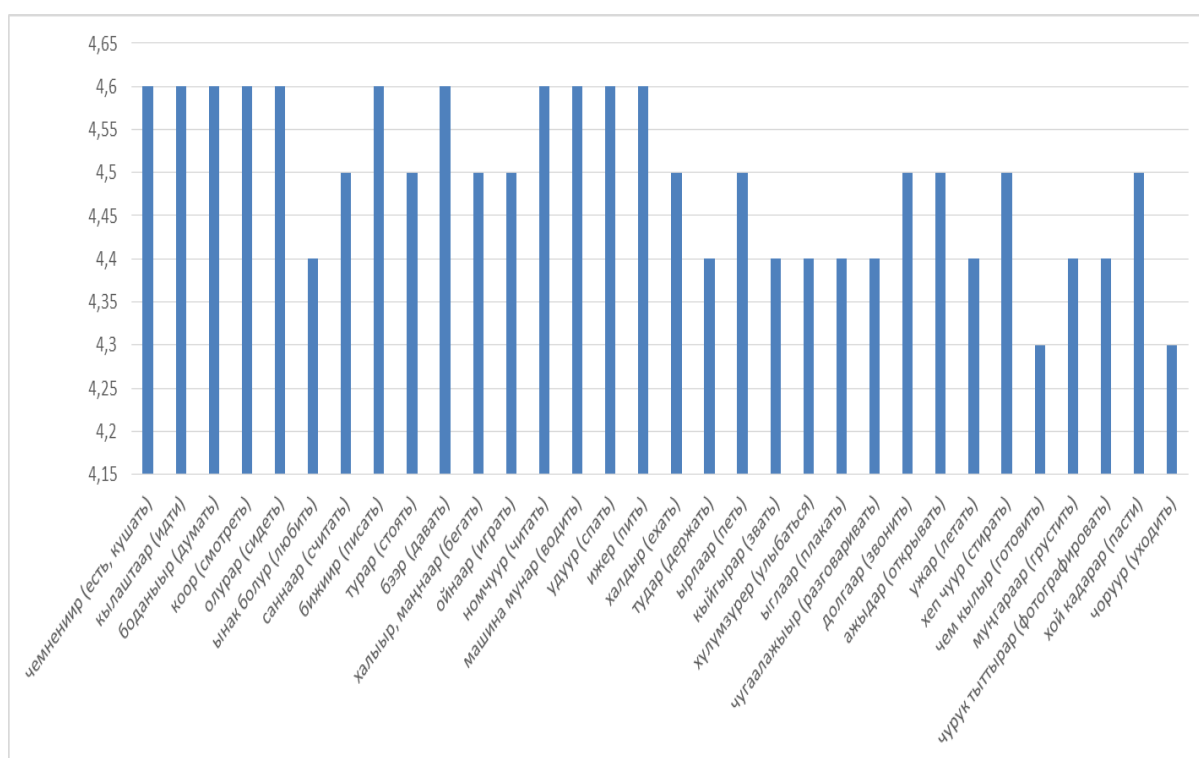

Рисунок 16 – Значения ПП «Представимость» у тувинских глаголов

У данной группы слов-стимулов наиболее низкие показатели равны 4,3. Они зафиксированы всего у двух глаголов: *чоруур* ('уходить') и *чем кылыр* ('готовить'). У остальных глаголов значения выше 4,4, а в целом у данной группы слов высокое среднее значение представимости – 4,5, т.к. в данную группу были включены глаголы, которые наиболее часто встречаются в речи тувинцев-билинггов по данным нашей экспериментальной работы. Кроме того, нами намеренно был включен 1 глагол, который описывает образ жизни тувинцев – *хой кадарар* ('пастись овец') – то, чем занимались и занимаются тувинцы на протяжении всей своей истории.

Наиболее высокими являются значения представимости у глаголов состояния, движения тела, мыслительной деятельности, восприятия: *чемнениир* ('есть, кушать'), *олурар* ('сидеть'), *удуур* ('спать'), *халдыр* ('ехать'), *кылаштаар* ('идти'), *боданыыр* ('думать'), *көөр* ('смотреть'), *ижер* ('пить').

Поскольку выбранные глаголы показывают высокие значения данного ПП, имеет смысл включать их в упражнения на называние действия по рисунку в речевой терапии билингвов.

Наименьшими значениями ПП отличаются глаголы чувств, говорения и мыслительных операций: *муңгараар* ('грустить'), *саннаар* ('считать'), *ырлаар* ('петь'), *хүлүмзүрер* ('улыбаться'), *чугаалажыыр* ('разговаривать'). Данные слова-стимулы сложно представить на визуальном материале. Низкие значения ПП подтверждают тот факт, что их сложно отобразить и потом представить мысленно, поэтому вероятность их использования в упражнениях по реабилитации снижается.

На рисунке 17 представлено распределение значений ПП «Представимость» по выборке.

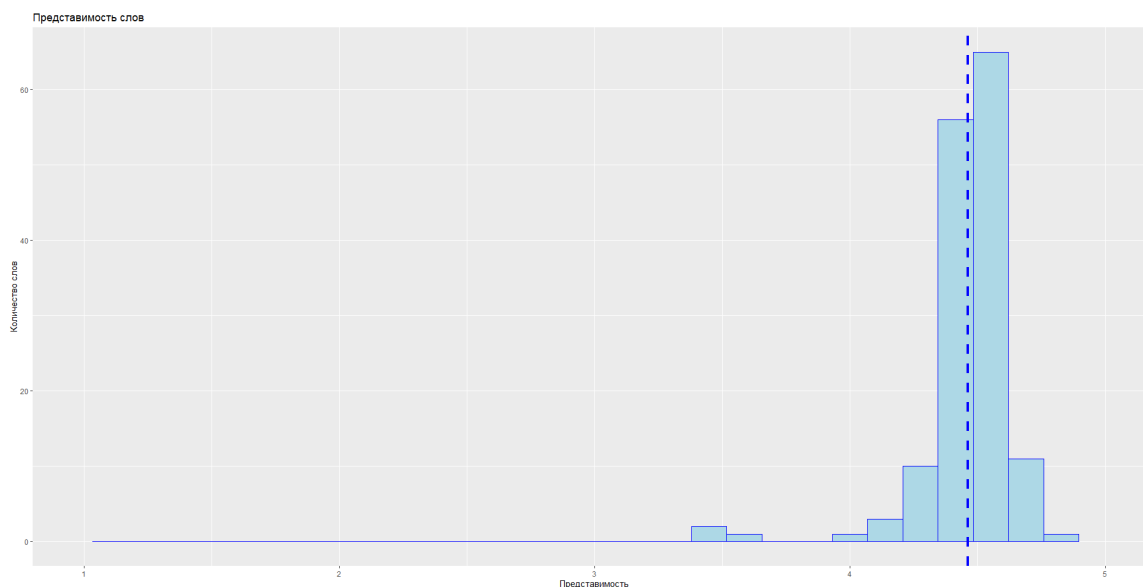

Рисунок 17 – Распределение значений ПП «Представимость» в выборке тувинских слов

Для значений ПП «Представимость» наблюдается еще больший скос в распределении данных – почти все значения лежат в пределах 4–5 со средним значением в 4,46. Менее представимые слова при этом сохраняют относительно высокую оценку – выше 3. Это позволяет заключить, что слова в выборке в целом легко представимы носителями.

2.2.3. Психолингвистический параметр «Возраст усвоения» для тувинских слов

«Возраст усвоения» – параметр, который определяет, когда респондент впервые познакомился со словом и начал употреблять его в жизни. По мнению П.М. Зекиевой, ПП «возраст усвоения» – это «возраст, в котором слово входит в словарный запас человека, одно из ключевых качеств, которое отражает процесс формирования ментального лексикона билингвов» [Зекиева, 2019, с. 501]. Мы просили респондентов указать примерный отрезок времени, когда они начали понимать значение слова-стимула и использовать его в своей речи.

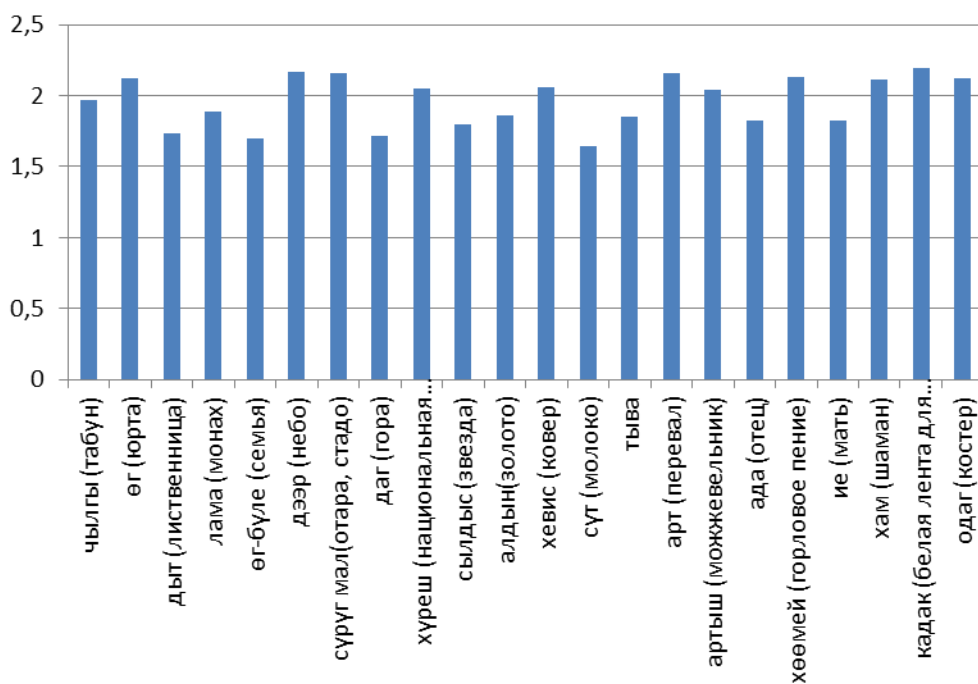

Рисунок 18 – Значения III «Возраст усвоения» для культурно-значимых тувинских слов

Как видно по рисунку 18, слова из данной группы в основном были усвоены в период до 2,2 лет. Респонденты довольно поздно знакомятся с данными стимулами. Средний показатель равен 1,9. До двухлетнего возраста дети в тувинских семьях, как правило, остаются дома с родителями. Воспитание происходит в семейном кругу в рамках ежедневного общения, где ребенок в первую очередь знакомится с бытовой лексикой. Знакомство с культурно-значимой лексикой начинается позже, когда ребенок идёт в детский сад. Также здесь может играть роль и то, в какой местности живёт ребенок: в городе или в селе. Сельские дети раньше городских знакомятся со значимыми для родной культуры тувинскими словами и их значениями.

Отметим, что по наблюдениям логопедов и родителей, многие дети в связи с лёгкостью произнесения русского слова *мама*, сначала учатся говорить его. Хотя слово *ие* имеет более тесную связь с тувинской культурой, несёт большую смысловую нагрузку, поскольку связано с ценностной картиной мира, обычаями, пословицами тувинского народа, с ним дети знакомятся уже в более позднем возрасте. То же самое касается и слов *ада* ('отец') и *пана*.

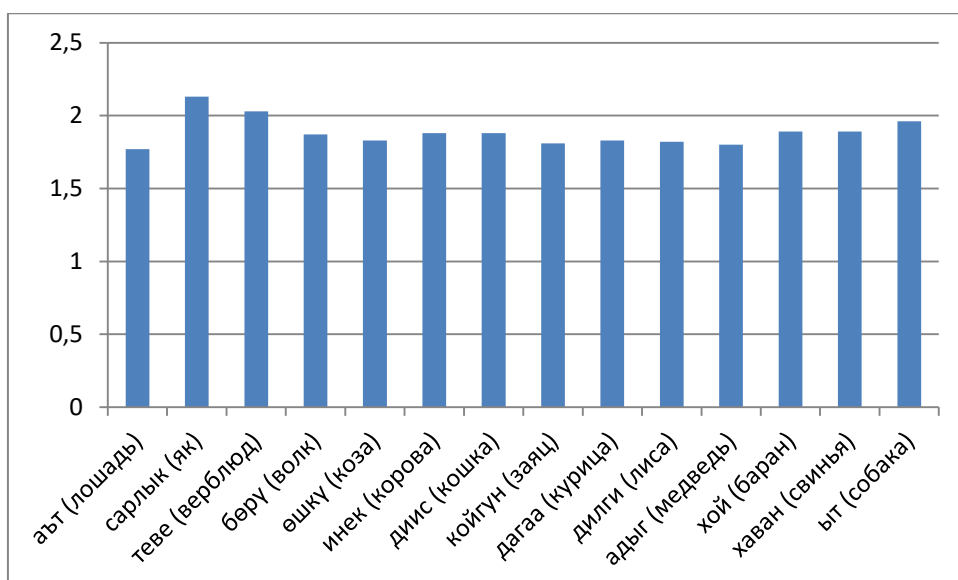

Рисунок 19 – Значения ПП «Возраст усвоения» для тувинских слов, обозначающих животных

Данная группа слов усваивается респондентами довольно рано, раньше культурно-значимых слов. Все слова, кроме стимула *сарлык* ('як'), были усвоены до двухлетнего возраста. Поскольку многие животные являются домашними питомцами, а также персонажами сказок и русских, и тувинских, тувинские дети очень рано знакомятся с названиями животных. Родители-билингвы, когда учат детей названиям животных, автоматически называют оба варианта слов. Можно заметить, что *сарлык* ('як') и *теве* ('верблюд') редкие персонажи детских книжек, и их показатели выше, чем у других стимулов, т.е. тувинцы усваивают их немного позже, чем названия других животных.

Средний показатель в группе равен 1,9.

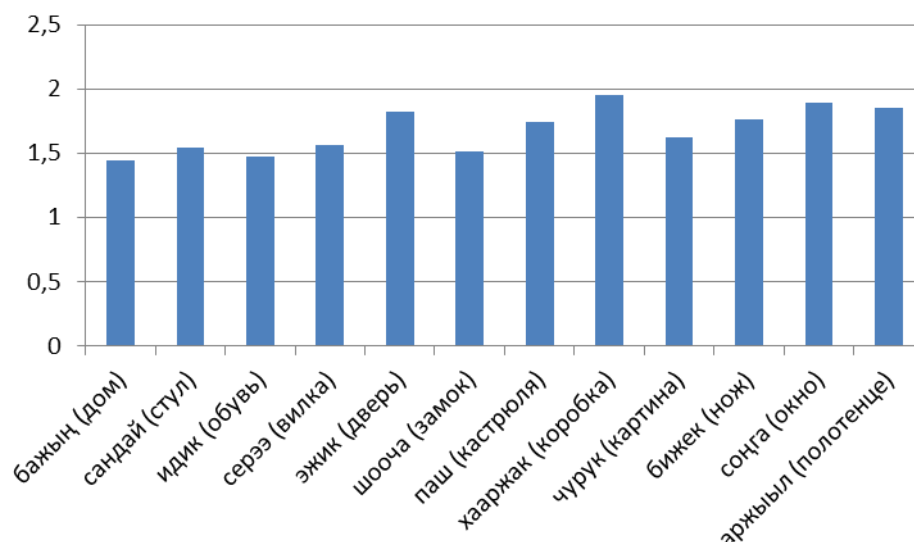

Рисунок 20 – Значения ПП «Возраст усвоения» для бытовой лексики на тувинском языке

Как и ожидалось, возраст усвоения у данной лексики достаточно ранний. Очень рано усваиваются и самые частотные слова-стимулы – *бажың* ('дом'), *идик* ('обувь'), *шооча* ('замок') – до 1,5-летнего возраста. Возможно, это связано с тем, что данная группа слов наиболее частотна среди существительных. Чуть позже респонденты знакомятся со словами – *сандай* ('стул'), *серээ* ('вилка'). Далее идут *чурук* ('картина'), *эжик* ('дверь'), *паш* ('кастрюля'), *бижек* ('нож') усваиваются чуть позже. Средний показатель группы равен 1,7. По сравнению с другими группами стимулов, респонденты раньше всех усваивают слова из этой группы.

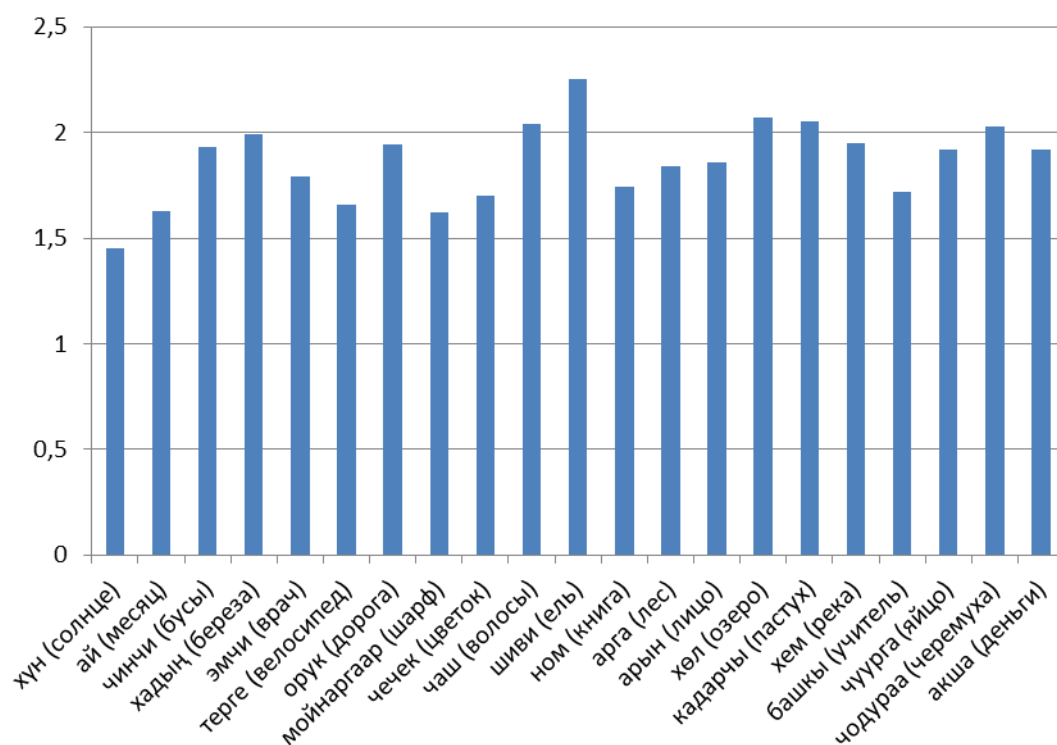

Рисунок 21 – Значения ПП «Возраст усвоения» для повседневной лексики на тувинском языке

Среднее значение ПП «Возраст усвоения» в данной группе равен 1,9.

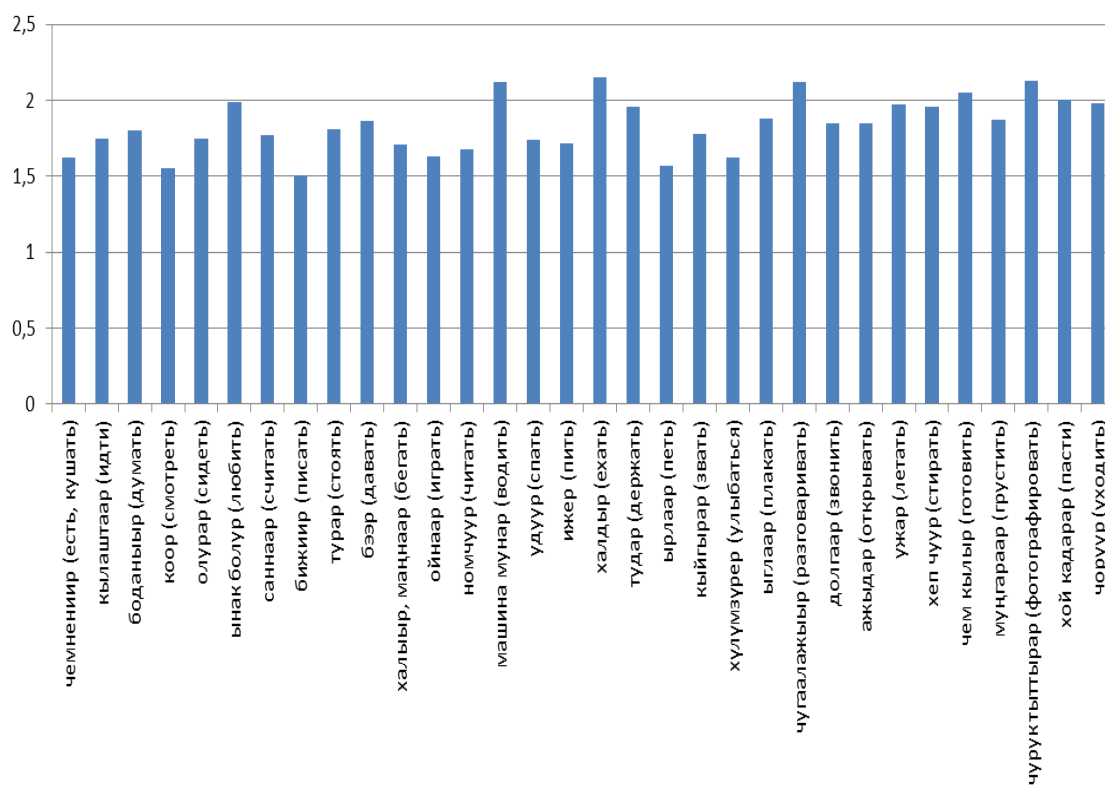

Рисунок 22 – Значения ПП «Возраст усвоения» для тувинских глаголов из выборки

Все глаголы усвоены довольно рано, раньше, чем другие группы, кроме группы стимулов из бытовой лексики. Средний показатель равен 1,8.

В основном среднее значение всех групп по ПП «Возраст усвоения» равно 1,9. Данный факт говорит о том, что слова-стимулы, отобранные для эксперимента, усваиваются в достаточно раннем возрасте. Поскольку в теоретическом материале было уже отмечено, что рано усвоенные слова легче поддаются восстановлению при любом типе афазий, данные слова-стимулы можно использовать в качестве материала в упражнениях для восстановления речи.

Рассмотрим общее распределение значений ПП «Возраст усвоения» на выборке (рис. 23).

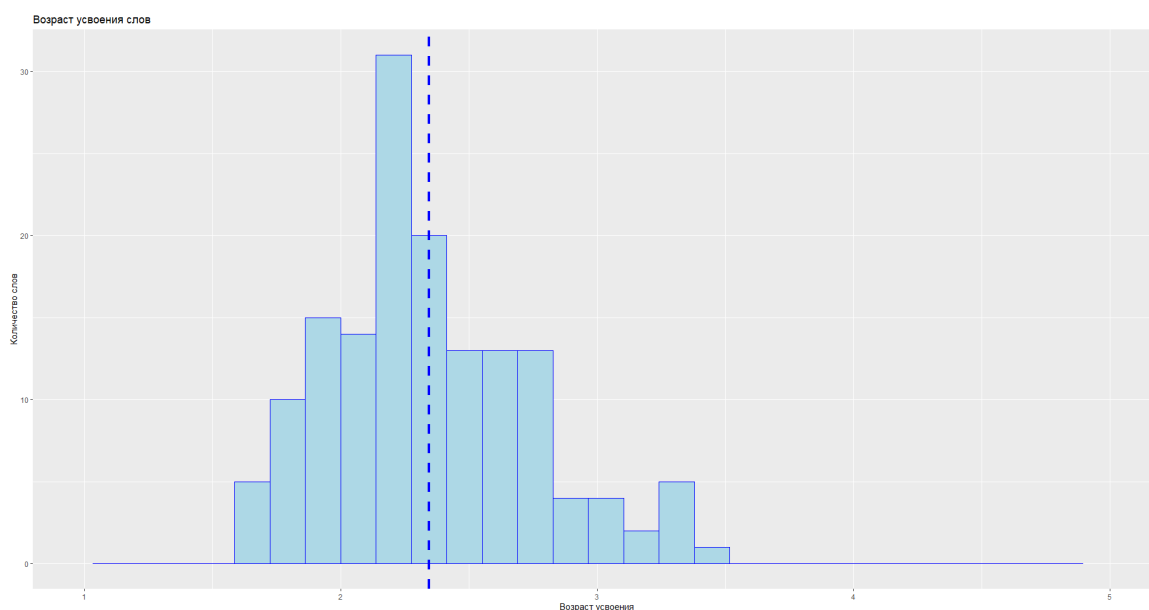

Рисунок 23 – Распределение значений ПП «Возраст усвоения» слов-стимулов в выборке слов тувинского языка

В случае с возрастом усвоения распределение скошено скорее влево – значения по всей выборке лежат в пределах 1,5-3,75 со средним значением в 2,34. Таким образом, большинство слов было усвоено относительно рано.

2.2.4. Психолингвистический параметр «Сходство образа с рисунком» для тувинских слов

Проанализировав все результаты, можно сделать вывод о том, что респонденты оценивали сходство слова-стимула с рисунком высоко несмотря на то, что стимульный материал был взят не из базы данных Ю.С. Акининой и др. Иными словами, подготовленные нами материалы были близки к представлениям тувинцев.

У группы культурно-значимых тувинских слов среднее значение по данному ПП равно 4,2.

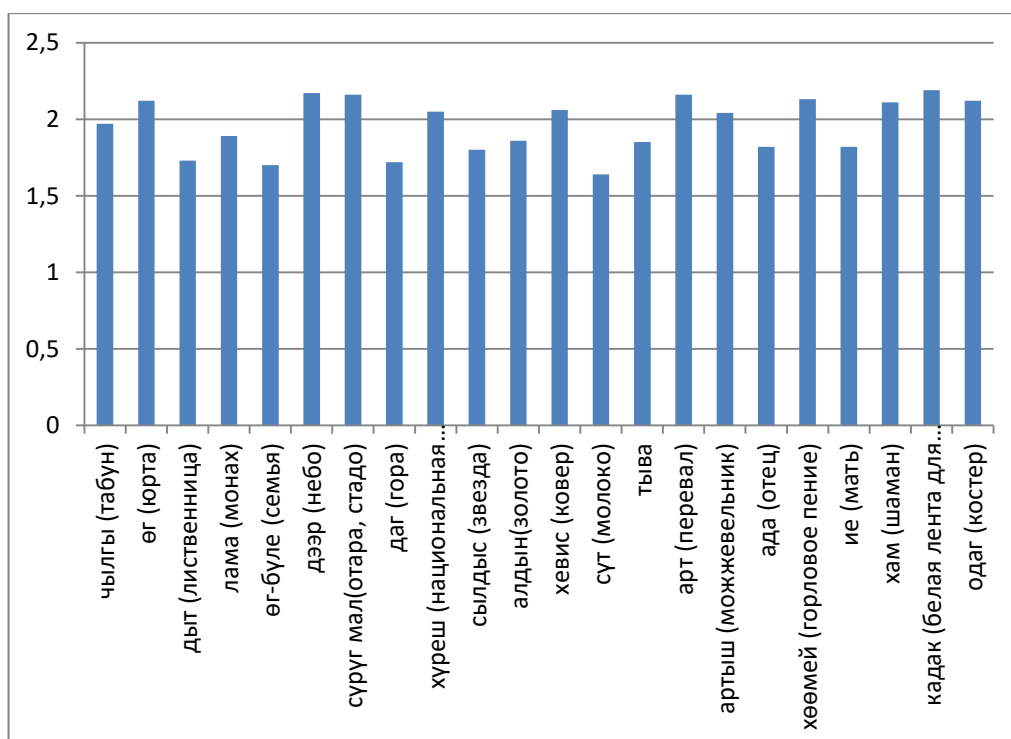

Рисунок 24 – ПП «Сходство образа с рисунком» для культурно-значимых тувинских слов

Средний показатель достаточно высокий – 4,2. Наименее схожими с представляемым образом оказались рисунки к словам-стимулам: *сүрүг мал* ('отара'), *хевис* ('ковёр'), *хам* ('шаман'). Возможно, это можно объяснить тем, что значения ПП «Субъективная частотность», «Представимость» у данных слов также низки, а значения ПП «Возраст усвоения», наоборот, высоки (слова поздно усваиваются).

Наиболее высокие показатели у слов *дээр* ('небо'), *хүреш* ('нац. борьба'), *Тыва*, *артыш* ('можжевелик'), *ие* ('мать'). Данные стимулы наиболее ярко отражают культуру тувинского народа. Возможно, показатели высокие, поскольку у тувинцев эти образы наиболее схожи. *Артыш* считается священным растением, борющимся со злыми духами, его можно найти в каждом доме, и когда много несчастий, ссор, или ребенок болеет, тувинцы зажигают *артыш* и считают, что тем самым отгоняют злых духов. *Дээр* ('чистое, голубое небо') и *ие* ('мать') считаются олицетворением мирной жизни в культуре народа, и тувинцы относятся к этим понятиям с глубоким благоговением. А *хүреш* – единственный национальный вид спорта, который каждый тувинец знает с ранних лет. *Хүреш* проводится во время *Наадыма* – праздника животноводов, поскольку тувинцы – кочевой народ, издревле занимающийся скотоводством. Таким образом, можно сказать, что подобранные к данным стимулам материалы достаточно близки к образам, возникающим в сознании тувинцев.

Также мы взяли стимул *алдын* ('золото') в данную группу. *Алдын* в тувинском ментальном лексиконе означает «сравнимый с солнцем, единственный». Есть устойчивые выражения: «Ай-Хун херелдиг алдын Дангына» – 'Единственная как луна и солнце королева (принцесса)'. Или «Алдын куш» – персонаж тувинской сказки, типа жар-птицы, у которой нет на земле копии. «Алдын ча» – золотая стрела, встречается в тувинских легендах. *Алдын* ('золото'), *мөңгүн* ('серебро'), *хүлер* ('медь') – названия трёх металлов, которые имеют значения для тувинцев издревле, из них самым дорогим украшением является золотое украшение. Либо у тувинцев есть выражения «алдын холдуг кижиги» – 'тот, кто мастер на все руки; человек, у которого всё получается, когда он сам руками что-то делает'. Таким образом, *алдын* – для тувинцев всегда что-то самое-самое, сакральное, единственное. В Туве человек, который носит золото, золотое украшение, самый богатый человек не только материально, но и духовно. Показатель равен 4,3.

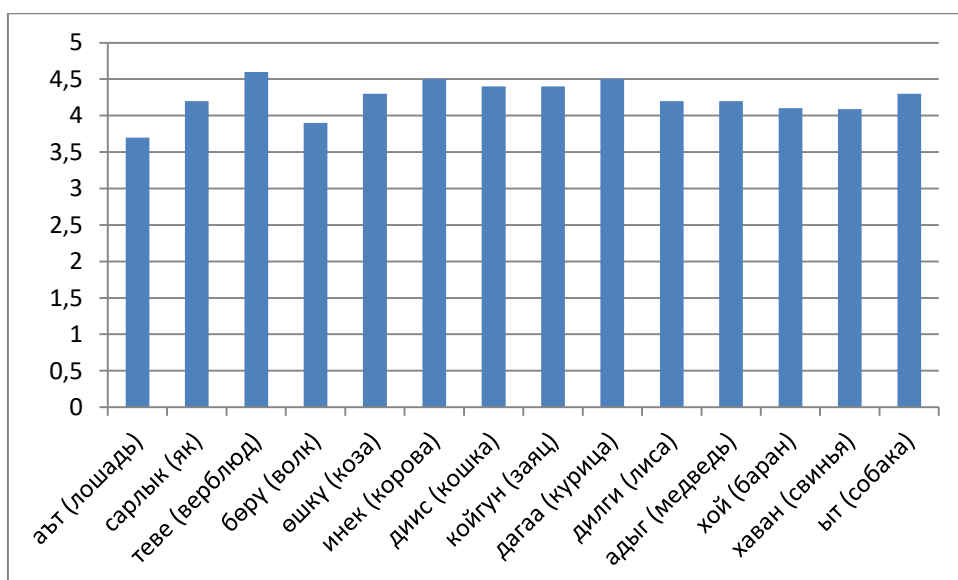

Рисунок 25. Значения ПП «Сходство образа с рисунком» для тувинских слов, обозначающих животных

Респонденты довольно высоко оценивают сходство образа с представленным стимульным материалом. Средний балл группы равен 4,2. Наиболее схожим с тем, что они представляют, информанты посчитали слово-стимул *те́ве* ('верблюд'). *Те́ве* – животное, которое редко можно встретить в личных хозяйствах. Информанты отмечали, что чаще всего видят его на картинках: он везде одинаковый, с двумя горбами и одним цветом, возможно, поэтому у данного стимула значение по данному ПП высокое. У других же животных (встречающихся в реальной жизни) показатели ниже, что можно объяснить тем, что у каждого свой жизненный опыт взаимодействия с ними: кто-то в детстве впервые увидел белого пушистого котёнка, а кто-то – чёрного кота. У всех представления могут быть разными, насколько разным может быть данный вид животного.

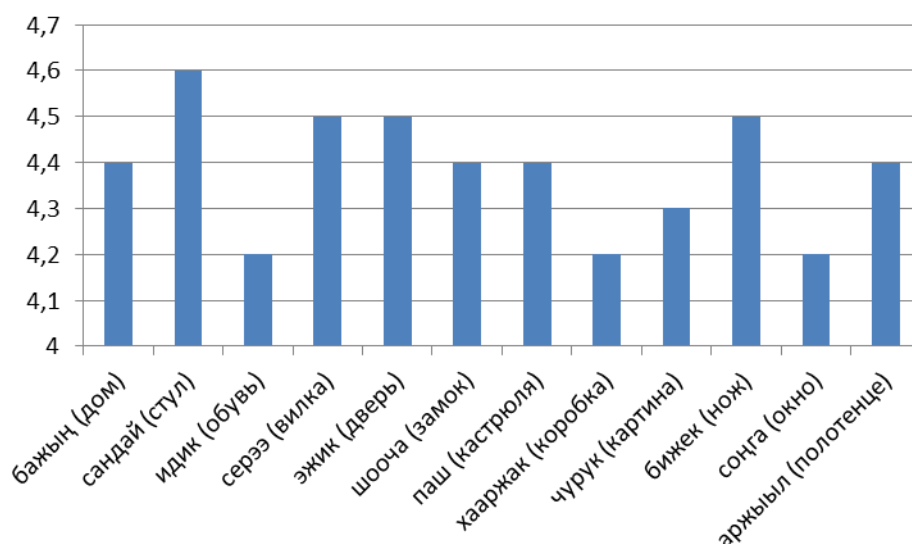

Рисунок 26 – Значения III «Сходство образа с рисунком» для тувинской бытовой лексики

У данной группы слов значения существенно различаются. Средний показатель равен 4,4. Значение стандартного отклонения равно 0,13. У слов-стимулов *идик* ('обувь'), *хааржак* ('коробка'), *чурук* ('картина'), *соңга* ('окно') низкие показатели по данному значению. Слова-стимулы в данной группе актуализируют в сознании респондентов очень разные образы, и, возможно, поэтому данные настолько сильно отличаются. В беседе информанты отмечали, что представляли те предметы, которые есть в их доме, в их хозяйстве, поэтому фактор индивидуальных различий здесь был очень сильным.

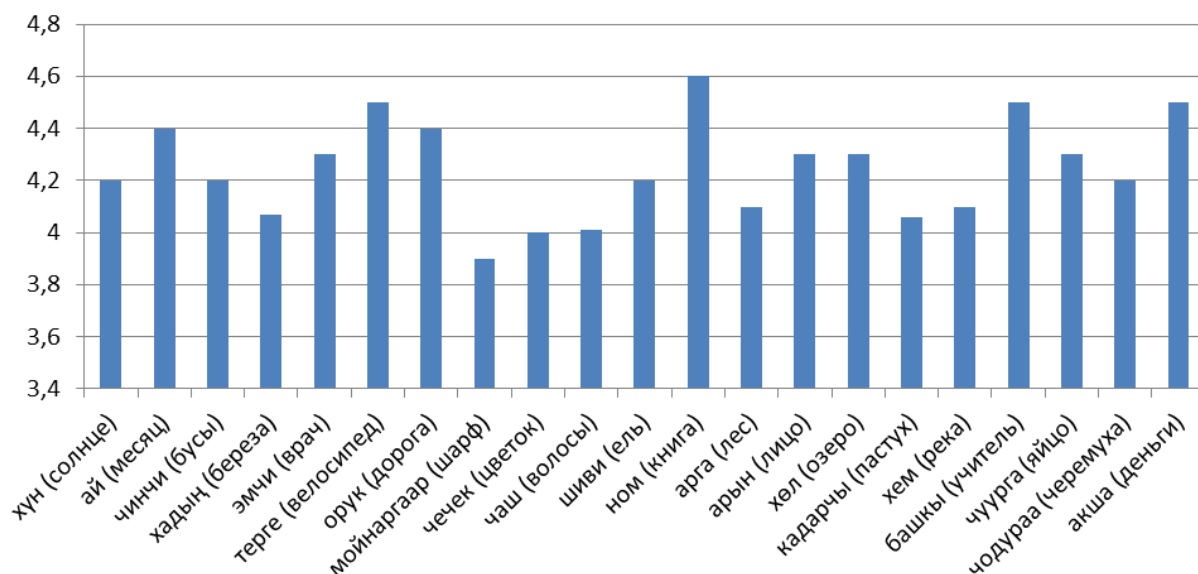

Рисунок 27 – ПП «Сходство образа с рисунком» для повседневной лексики на тувинском языке

У слов-стимулов и их визуальных коррелятов из данной группы тоже значения довольно сильно варьируют. Коэффициент стандартного отклонения равен 0,95, что также можно объяснить вышеуказанными причинами. Однако здесь также следует отметить, что слова стимулы *ном* ('книга'), *башкы* ('учитель'), *акша* ('деньги') имеют высокие показатели по данному параметру. Информанты отмечали после выполнения данной части опроса, что, прочитав слово *ном* ('книга'), представляли себе твёрдый переплет, страницы; *башкы* ('учитель') – руководит классом, даёт знания, серьёзный; *акша* ('деньги') – купюры.

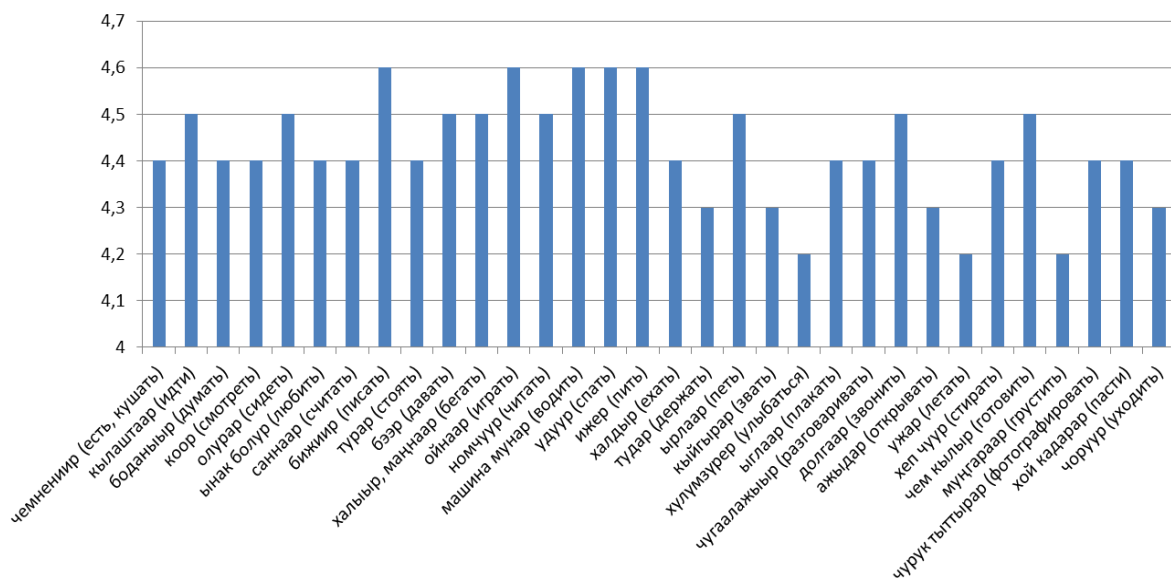

Рисунок 28 – Значения ПП «Сходство образа с рисунком» для тувинских глаголов из выборки

У глаголов все значения по данному ПП выше 4, что говорит о том, что респонденты достаточно высоко оценивают сходство предоставленного материала с образами, возникающими в их сознании.

Если сравнить данные по этому ПП с данными других групп, то у глаголов среднее значение равно 4,4, что является наиболее высоким результатом (примерно такой же – только в группе бытовой лексики).

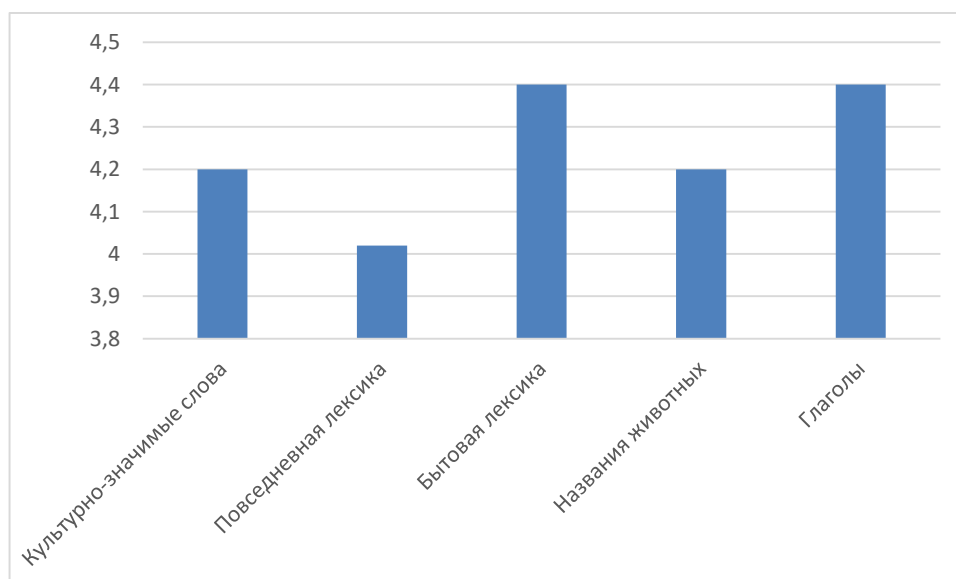

Рисунок 29 – значения ПП «Сходство образа с рисунком» для всех групп тувинских слов в сравнении

По рисунку 29 можно определить, что наименьшие показатели – у группы повседневной лексики. На втором месте – у группы названий животных и культурно-значимых слов на тувинском языке, на вершине списка – лексемы из групп бытовой лексики и глагольной лексики.

В целом респонденты высоко оценивали схожесть с предъявляемым рисунком того образа денотата, который у них возникает. Однако также зафиксированы случаи, когда специалисты в той или области не соглашались с рисунком или деталями рисунков, не согласующимися с их собственными представлениями. Например, студенты, обучающиеся по направлению «Наземные транспортно-технологические средства», были не согласны с представленным рисунком на слово-стимул *автобус*, поскольку они отметили, что на рисунке у автобуса было изображено только три колеса.

Рисунок 30 отображает распределение значений ПП «Сходство образа с рисунком».

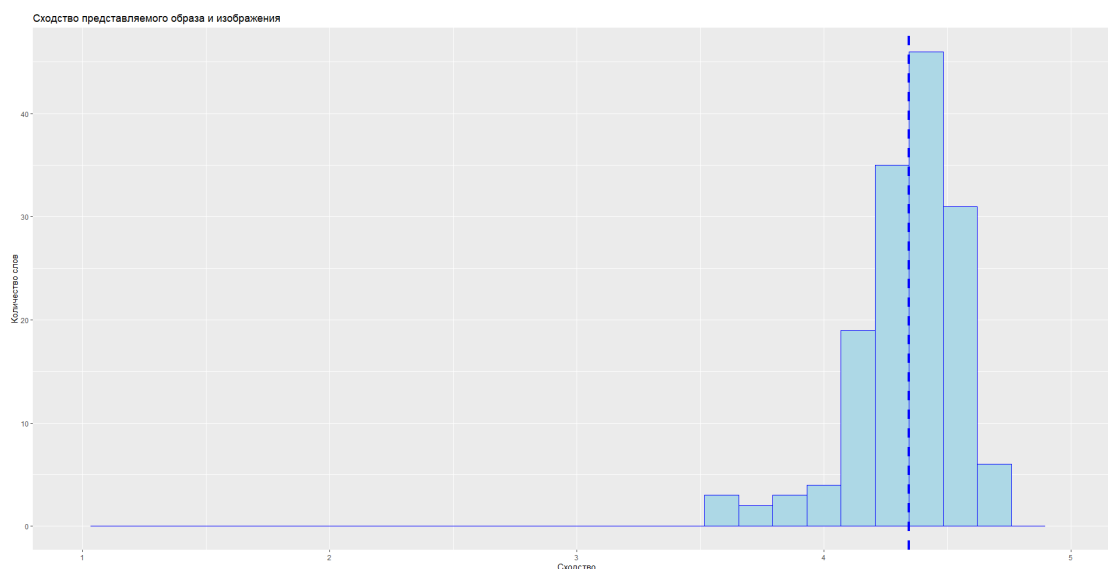

Рисунок 30 – Распределение значений ПП «Сходство образа с рисунком» в выборке тувинских слов

Распределение значений этого параметра в целом близко к распределению для ПП «Представимость» – все показатели входят в диапазон

3,5–5 при среднем 4,34. Представленные носителями образы, таким образом, имеют достаточно большое сходство с изображениями. В этой связи считаем, что стимульный материал, хотя и с разной степенью валидности, может быть применен при составлении упражнений для речевой терапии пациентов тувинско-русских билингвов. Наибольшую валидность показали визуальные стимулы для глагольной лексики, названий животных и культурно-значимых слов. Наименьшую – визуальные стимулы для существительных из групп бытовой и повседневной лексики. Валидность визуальных стимулов была проверена также при помощи следующего параметра – «Субъективная сложность рисунка».

2.2.5. Психолингвистический параметр «Субъективная сложность рисунка» для визуальных коррелятов тувинских слов

Данный параметр был применён, чтобы с большей уверенностью ответить на вопрос о том, можно ли применить стимульный материал (рисунки) для оживления чувства языка и организации речевой терапии для тувинско-русских билингвов. Поясним, что чем выше значение данного ПП, тем сложнее представлено данное слово-стимул в изобразительном материале (1 – несложно, 5 – очень сложно). Среднее значение по данному параметру у всех групп равно 3,8.

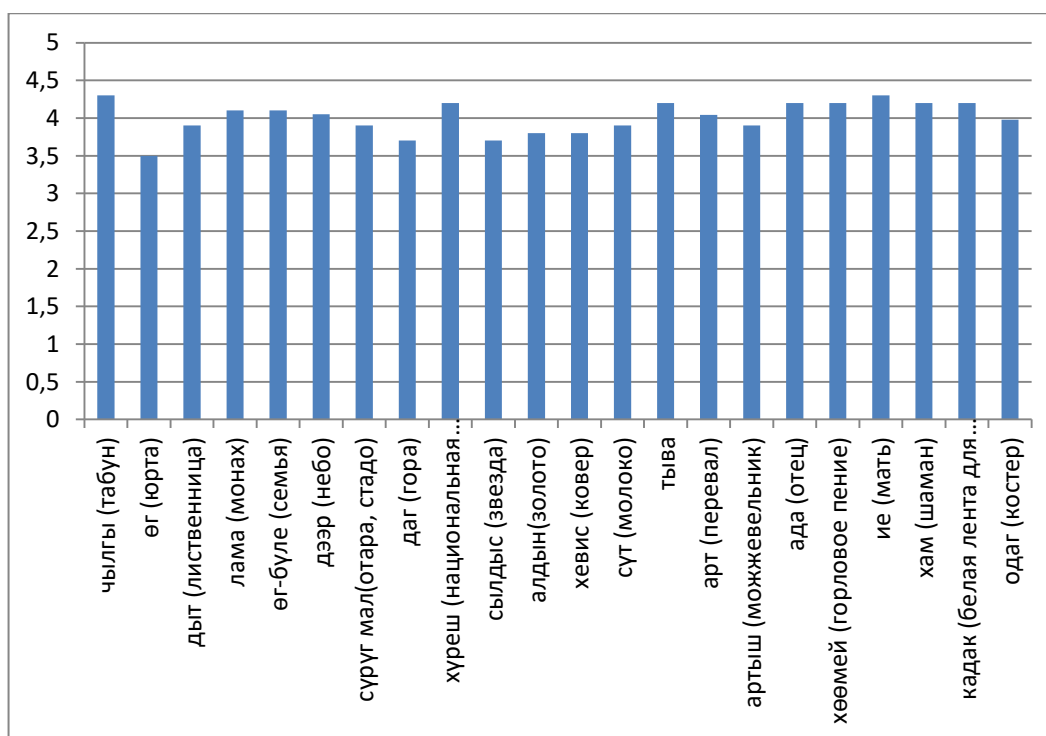

Рисунок 31 – Значения ПП «Субъективная сложность рисунка» в группе культурно-значимых тувинских слов

Респонденты оценивают рисунки к стимулам данной группы как довольно сложные, отмечая, что в них много линий, деталей. Самым простым для информантов представляется рисунок для лексемы *өг* ('юрта'): средний показатель равен 3,5. У остальных стимулов значения выше 3,5 и не менее 4,07. Стимульные материалы для данной группы были взяты из сети Интернет, поскольку в базе данных «Глагол и существительные: библиотека стимулов» необходимых рисунков нет – в ней представлены материалы, предназначенные для русских монолингвов и татарско-русских билингвов. Взятые из открытых интернет-источников рисунки мы отредактировали в графическом редакторе так, чтобы они соответствовали по стилистике остальному стимульному материалу для других групп, взятому из упоминавшейся ранее базы данных.

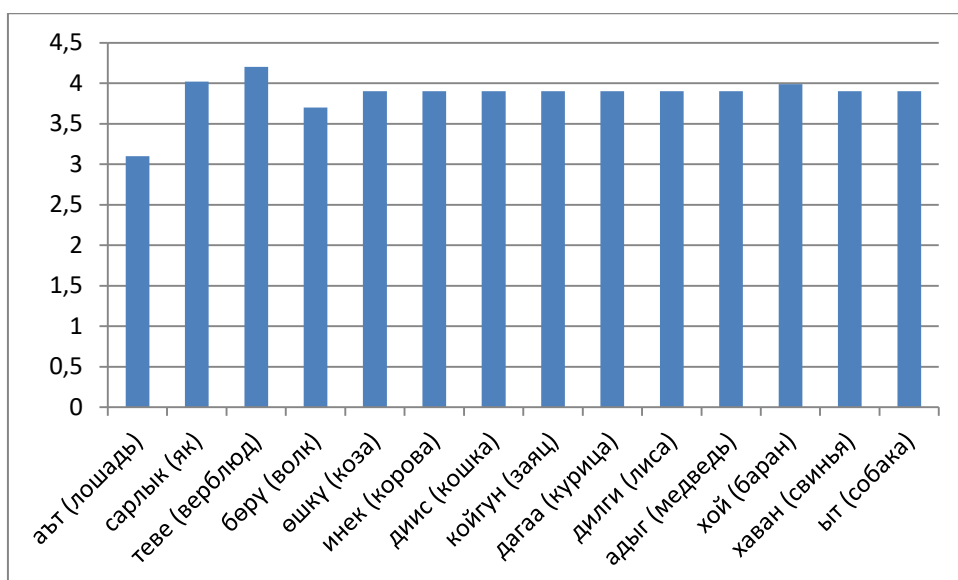

Рисунок 32 – Значения ПП «Субъективная сложность рисунка» для изображений денотатов тувинских зоонимов

Среди рисунков, изображающих денотаты слов данной группы рисунок для стимула *аът* ('лошадь') имеет наименьшее значение ПП (3,1), а *те́ве* ('верблюд') – наибольшее. Здесь мы наблюдаем ситуацию прямо противоположную ситуации с ПП «знакомство с концептом» – респонденты знакомы с *аът* ('лошадь') лучше, чем с *те́ве* ('верблюд').

У других домашних животных: *ешкү* ('коза'), *инек* ('корова'), *дмис* ('кошка'), *дагаа* ('курица'), *хаван* ('свинья'), *ыт* ('собака') значения по данному параметру одинаковые (3,9). Показатель высокий, но не максимальный. Это объясняется тем, что респонденты хорошо знакомы с объектами, но имеют свои собственные разные образы, связанные с жизненным опытом, кроме *сарлык* ('як'), *хой* ('баран'), которых респонденты встречают в жизни не каждый день.

Для диких животных значения варьируют от 3,7 до 3,9.

В целом у данной группы слов значения стоят очень близко. Это объясняется тем, что животные все-таки входят в жизненный опыт каждого человека, и образы о них у людей достаточно стереотипные.

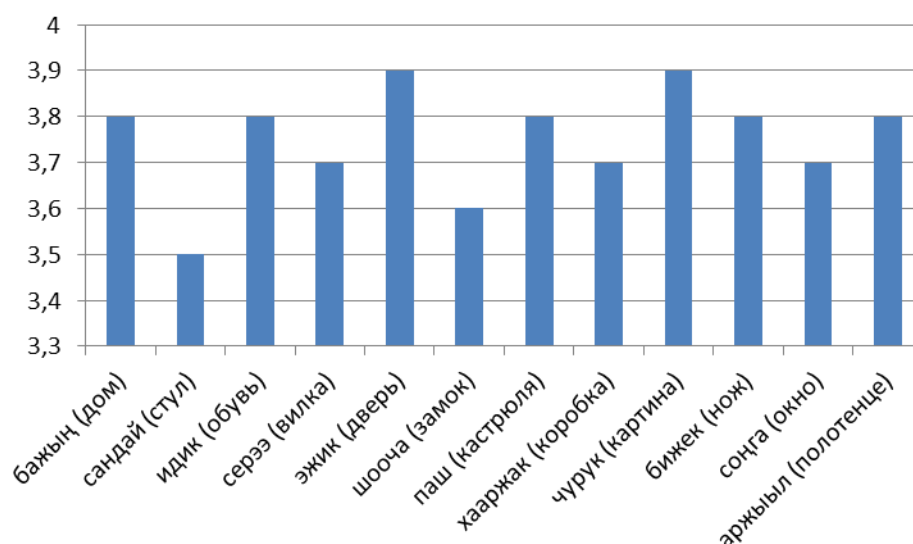

Рисунок 33 – Значения ПП «Субъективная сложность рисунка» для визуальных коррелятов слов в группе бытовой лексики на тувинском языке

Значения по данному параметру у группы стимулов варьируют от 3,5 до 4,1. Слова-стимулы данной группы встречаются респондентам ежедневно, и конечно, у каждого респондента свой личный жизненный опыт с предметом, называемым словом-стимулом. Например, стимул *бажың* ('дом'): у каждого дом может быть разным, например, у кого-то многоэтажным, у кого-то, всю жизнь прожившего в своём доме, одноэтажным или двухэтажным частным домом и т.д. Однако у всех в голове все-таки возникает образ здания, сооружения из дерева, бетона, кирпича или же ментальный образ, что дом – это всегда свой, теплый, уютный. И видимо, все эти детали, разные и схожие, привели к довольно низкому среднему показателю 3,8. Таким образом, можно объяснить и другие стимулы в данной группе: у всех есть что-то схожее, но и разное личное, связанное с индивидуальными обстоятельствами жизни респондента. Например, образ к стимулу *шооча* ('замок'): у кого-то, кто живёт в частном доме, висит большой замок на двери, а у другого в многоэтажном доме нет замка, есть отверстие для ключа, при этом тувинцы все равно говорят *шоочалаар* ('закрыть на замок'), как и в ситуации с частным домом. Хотя, по сути, это две разные вещи: закрывать на замок и закрывать на ключ. Получается, что у того, кто живёт в частном доме, в голове возникает образ

замка его дома, а у другого – его ключ и сама дверь с отверстием. Два разных образа объединены и могут не совпасть с рисунком.

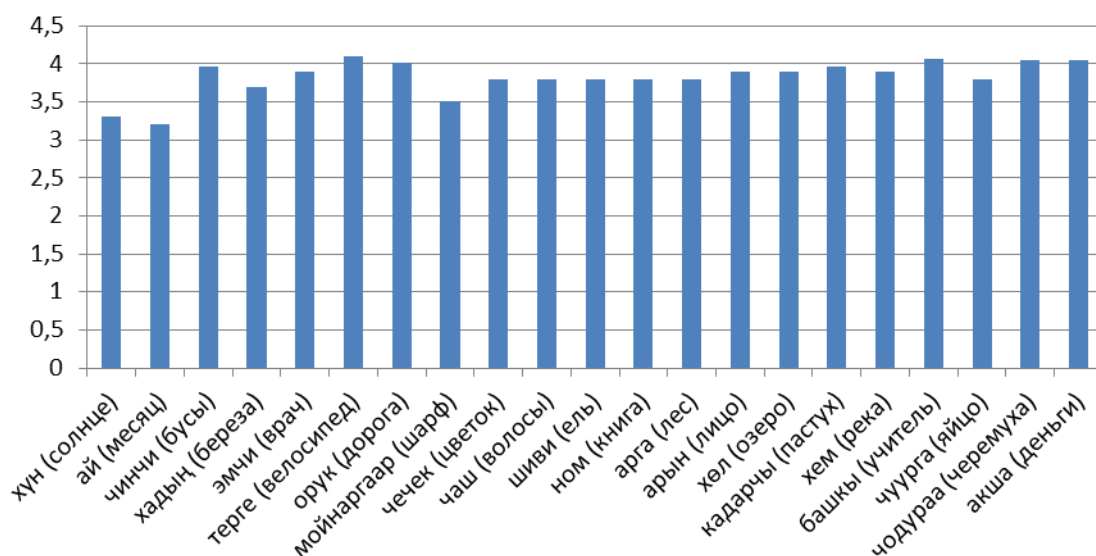

Рисунок 34 – Значения ПП «Субъективная сложность рисунка» для визуальных коррелятов слов в группе повседневной лексики на тувинском языке

У данной группы значения ПП выше среднего. В отличие от предыдущей группы стимулов, данные слова-стимулы не имеют единственного значения. Низкие показатели по сравнению с остальными словами у *хун* ('солнце') и *ай* ('месяц') могут быть объяснены тем, что они полисемичны, и их второе значение в отличие от первого, где они обозначают конкретные объекты (космические тела), довольно абстрактно. Например, *хун* в значении 'день', может вызвать у респондента воспоминания про его лучший или худший день. *Ай* в значении месяца сезона может кому-то сразу напомнить слова-названия месяцев: «февраль ай, май ай» и вместе с ними, как было в этом месяце: холодно, жарко, ясно, туманно. Либо *ай* могут понять как космическое тело, т.е. луну на небе.

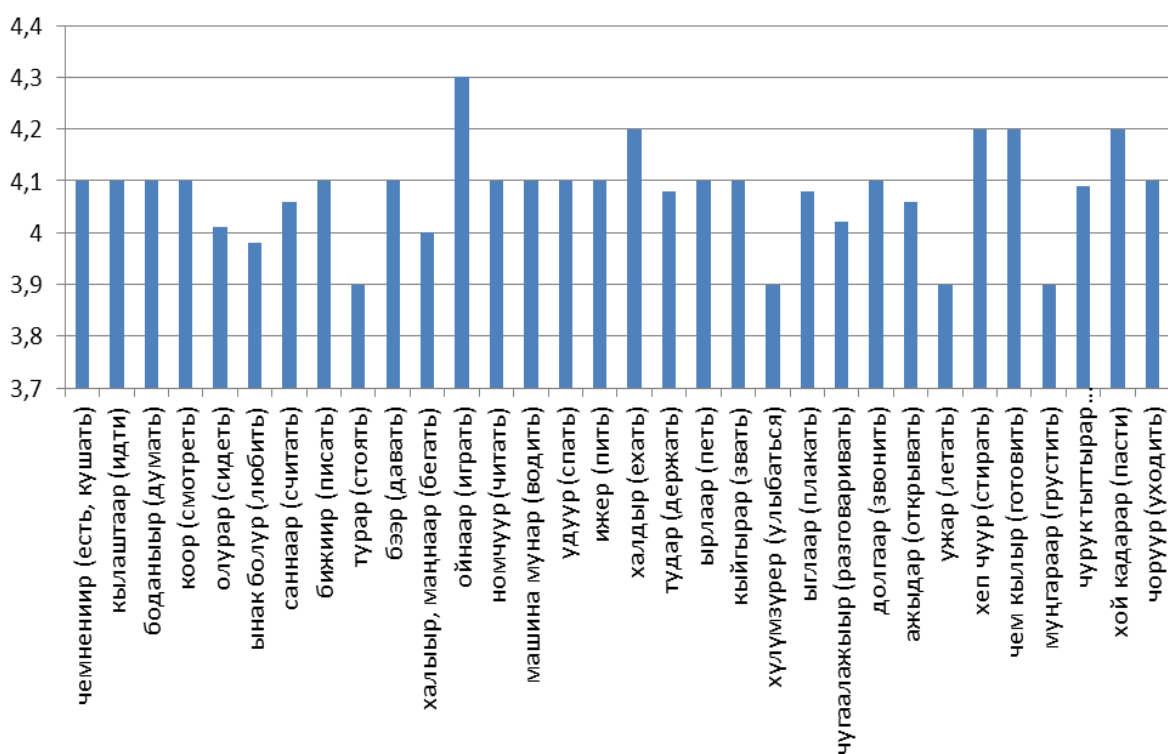

Рисунок 35 – Значения ПП «Субъективная сложность рисунка» для визуальных коррелятов тувинских слов из группы глаголов

У данной группы стимулов значения обсуждаемого ПП сильно варьируют, что можно объяснить тем, что визуально достаточно трудно выразить идею движения и респонденты сосредотачивались на оценке качества рисунка. Например, глагол *тураар* ('стоять') – по заданному рисунку (рис. 36) можно не понять, что именно человек делает. При этом рисунок сложен по количеству линий.

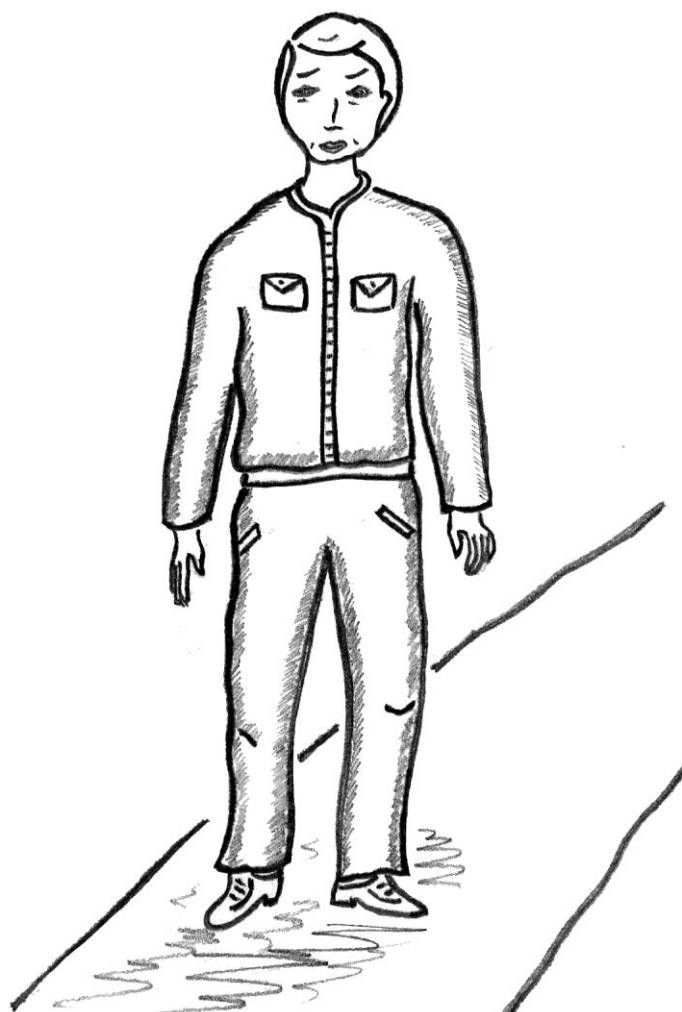

Рисунок 36 – Стимульный материал к глаголу *турар* ('стоять')

Сравним со стимульным материалом существительного *стол* (рис. 37). Нарисовать стоящего человека намного сложнее, чем стол на четырёх ножках – для этого понадобится БОЛЬШЕЕ количество линий. Таким образом, многие респонденты оценивают субъективную сложность рисунка к стимулу *стоять*, как намного более высокую, чем у лексемы *стол*.

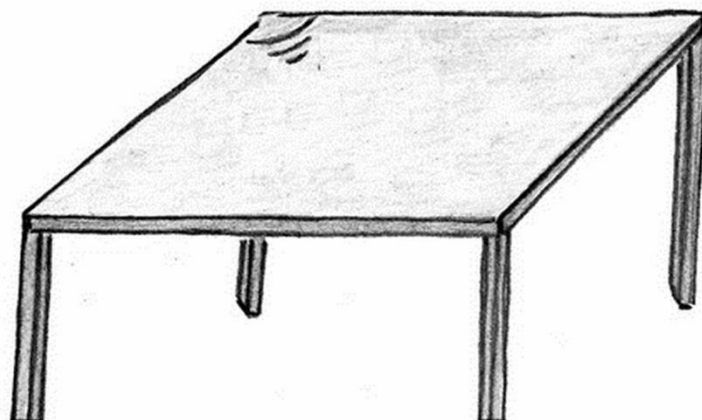

Рисунок 37 – Визуальный стимульный материал к слову *стол*

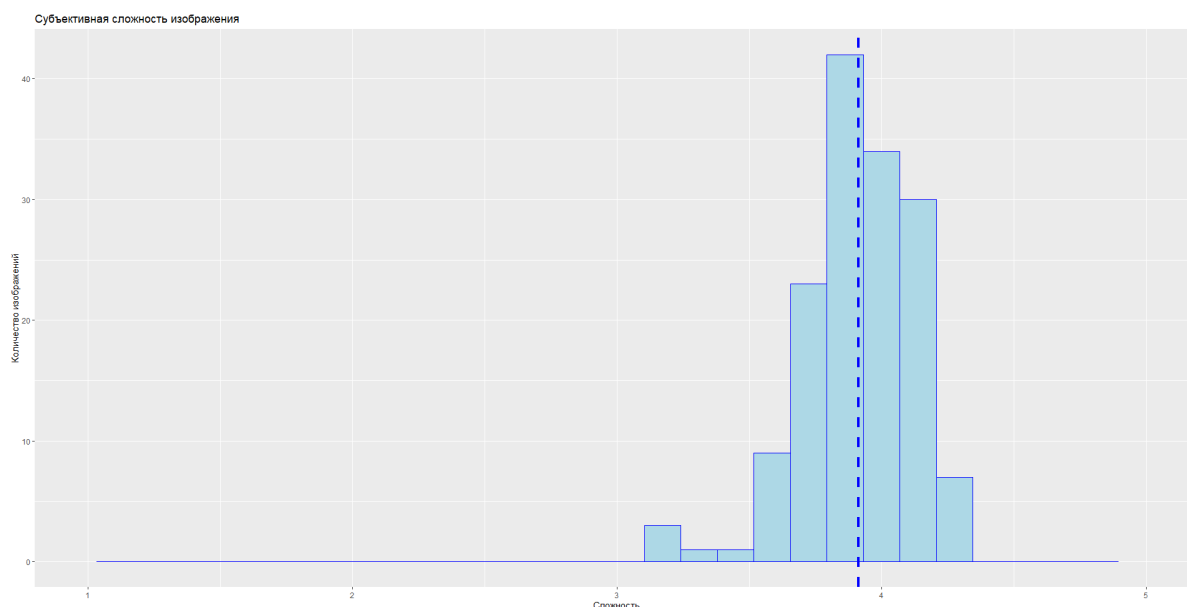

Рисунок 38 – Распределение значений ПП «Субъективная сложность рисунка» для визуальных коррелятов тувинских слов из выборки

Значения для этого параметра лежат в пределах 3–4,5 со средним 3,91 – при этом большая часть выборки в среднем оценивается на 3,5-4,5 балла. Показанные носителям изображения, таким образом, были для них скорее сложными.

2.2.6. Психолингвистический параметр «Знакомство с концептом (с действием/объектом)» для визуальных коррелятов тувинских слов

Данный ПП оценивался также по пятибалльной шкале, представляя собой ответ на вопросы: *насколько хорошо респондентам знакомо действие/объект, изображённое на рисунке (насколько часто они его встречают, совершают / видят или слышат, как его совершают другие / думают о нём)*. Следует напомнить, что в данной работе все ПП рассчитывались по схеме Ю.С. Акининой и её коллег. Им же принадлежит БД «Библиотека стимулов: Глагол и существительные», откуда был взят также и визуальный стимульный материал. Для оценки параметра использовалась шкала от 1 (плохо знаком) до 5 (хорошо знаком).

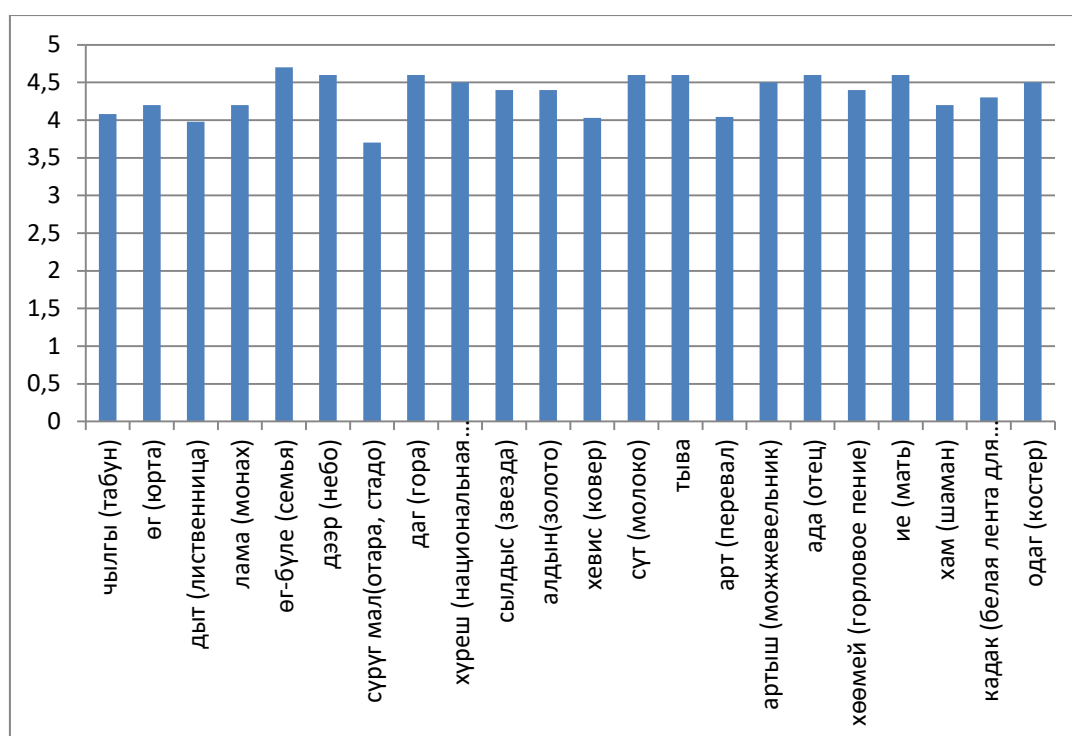

Рисунок 39 – Значения ПП «Знакомство с концептом» для визуальных стимулов, соответствующих группе культурно-значимых тувинских слов

Респонденты достаточно высоко оценивают ПП «знакомство с концептом» для визуальных стимулов по данной группе слов. Это свидетельствует о том, что респонденты из нашей выборки хорошо знакомы со своей культурой, уважают её, берегут и передают новому поколению.

Средний показатель данной группы равен 4,3.

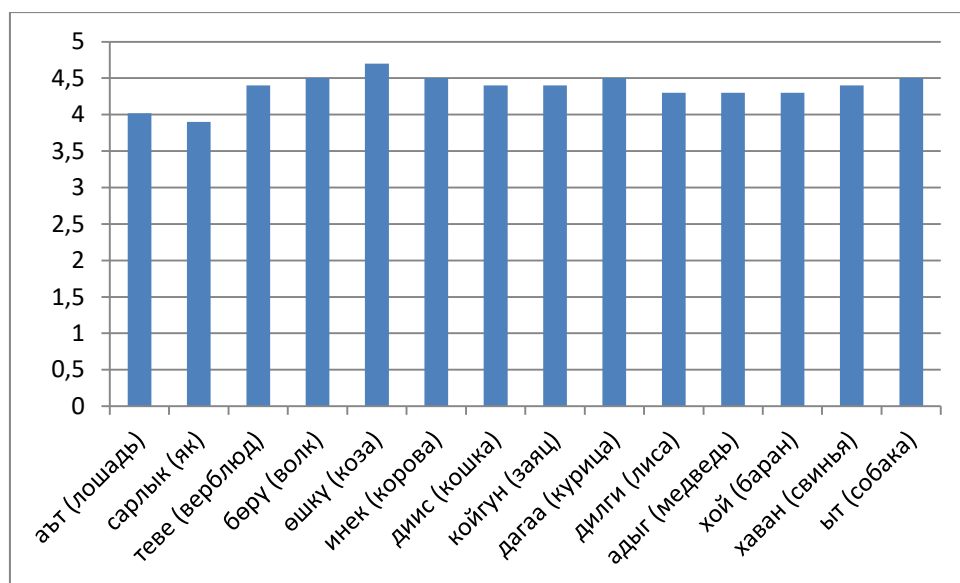

Рисунок 40 – Значения ПП «Знакомство с концептом» для визуальных стимулов, соответствующих группе тувинских зоонимов

Все изображенные объекты-визуальные корреляты слов-стимулов хорошо знакомы информантам: они их часто видят/слышат, встречаются в жизни. Средний показатель данной группы равен 4,4. У визуальных коррелятов названий домашних животных показатели выше, чем у диких, хотя и дикие животные имеют достаточно высокие показатели, что объясняется тем, что большая часть территории Тувы все еще не освоенная: тайга, в ней много гор и лесов, в том числе и рядом с селами, и время от времени случаются нападения диких животных. Ночью лисы очень часто выбегают на дорогу, волки в зимнее время даже днём выходят охотиться на домашний скот в поле. Можно встретить множество видеороликов в социальных сетях, где волки нападают на глаза у людей на животных: коров, овец и коз. Мужчины во время сбора урожая по-прежнему уходят в тайгу собирать орехи или, чтя традиции предков, охотиться, возвращаясь потом с рассказами о встрече с медведем.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что тувинцы в отличие от жителей крупных городских агломераций, все еще сохраняют свою

самобытность и взаимодействуют с природой, с дикими животными, что объясняет высокие значения данного ПП у обсуждаемой группы слов.

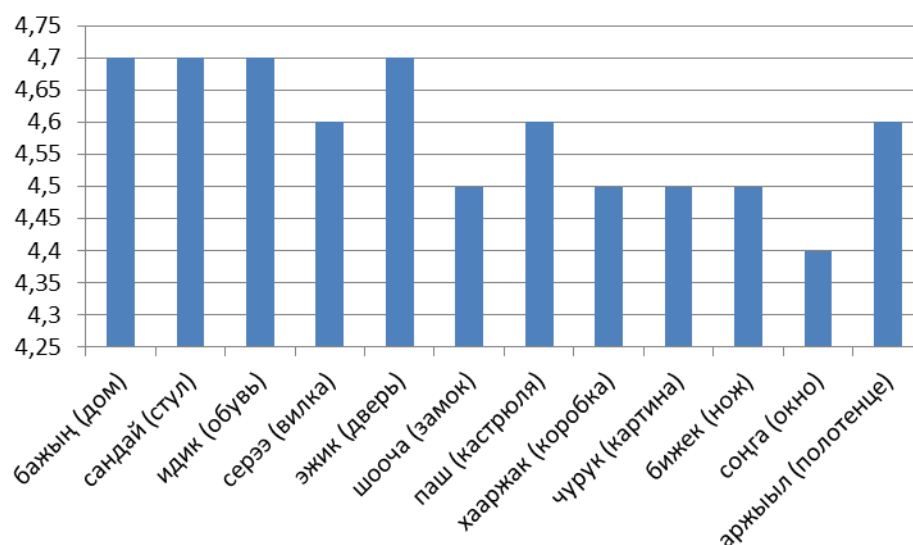

Рисунок 41 – Значения ПП «Знакомство с концептом» для визуальных стимулов, соответствующих группе бытовой лексики на тувинском языке

Значения по данному ПП у данной группы слов высокие: у всех визуальных коррелятов слов – не менее 4,4 по шкале от 1 до 5. Результаты показывают, что респонденты очень хорошо знакомы с данными предметами быта. Средний показатель равен 4,6.

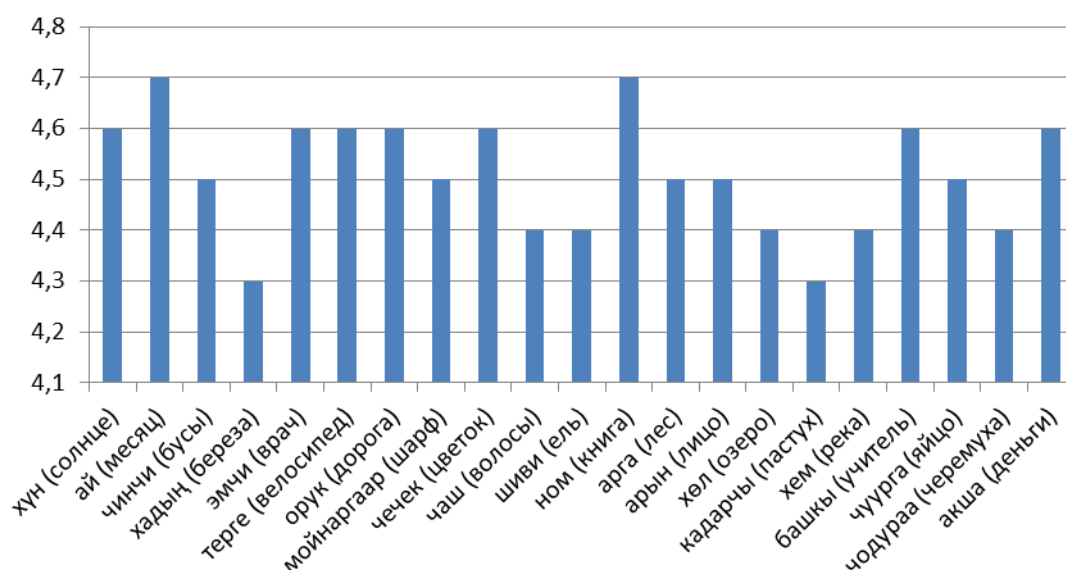

Рисунок 42 – Значения ПП «Знакомство с концептом» для визуальных стимулов, соответствующих группе повседневной лексики на тувинском языке

Среднее значение равно 4,5, т.е. по шкале от 1 до 5 все значения выше 4,2. Можно также отметить тенденцию к тому, что слова, связанные с деревенским бытом, имеют для наших информантов – представителей молодого поколения тувинцев, более низкие значения обсуждаемого ПП, чем слова, ассоциирующиеся с городским бытом. Например, визуальный коррелят слова-стимула *хадың* ('берёза') имеет одно из самых низких значений: берёза используется в качестве дров в селах и деревнях, в то время как жители Кызыла живут в многоэтажных домах с центральным отоплением или же топят печи углем. Таким образом, житель села почти каждый день использует в своей речи слово *хадың* ('берёза'), а городские жители, в частности молодое поколение, используют русскоязычный вариант *береза*.

Рассмотрим, например, слово *кадарчы*: в селах тувинские семьи держат скот, и каждое утро выводят их на пастбище, за ними целый день следит *кадарчы* ('пастух'). Иногда бывает так, что каждый день происходит смена разных пастухов: делают график, какая семья когда дежурит, и обычно отец или сын, которые умеют ездить на лошади, выезжают в указанный день присматривать за стадом. И нередко можно услышать по утрам от скотовладельцев: «Кым бөхүн кадарчы ирги?» – «Кто сегодня пастух (следит за скотом)»? А для городских жителей данное слово практически незнакомо, если у них нет родственников в деревне. Те, кто всю жизнь прожил в Кызыле, особенно дети и молодежь, практически незнакомы с понятием *кадарчы*.

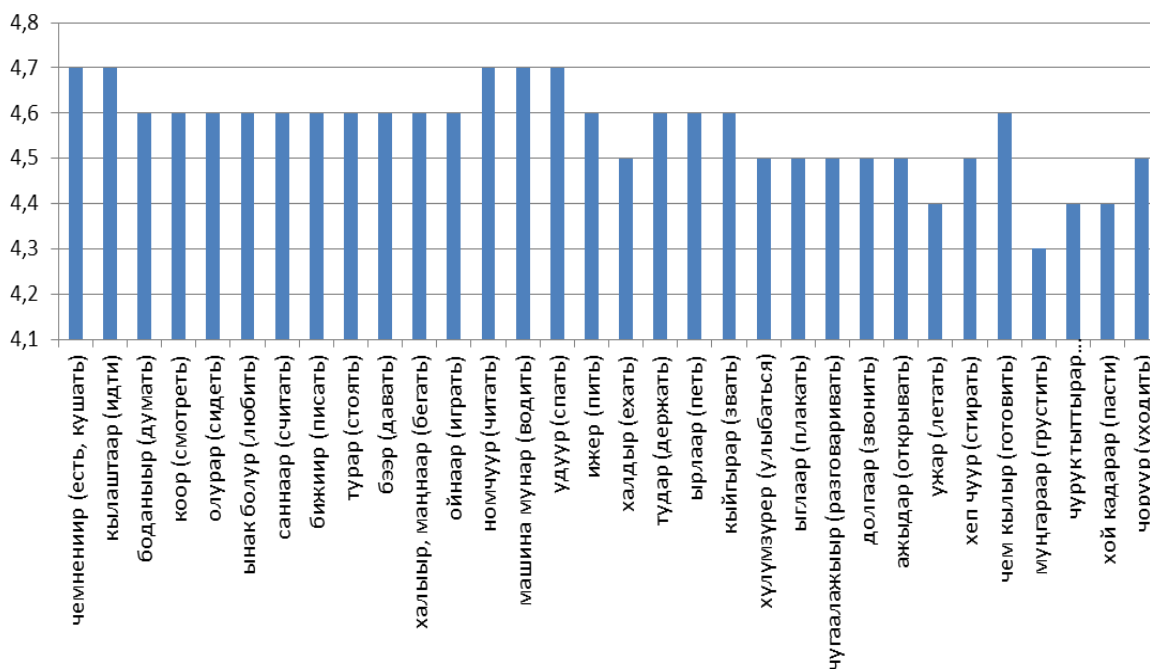

Рисунок 43 – Значения ПП «Знакомство с концептом» для визуальных стимулов, соответствующих группе тувинских глаголов

Среднее значение в данной группе равно 4,5. Все – выше отметки 4 по шкале от 1 до 5.

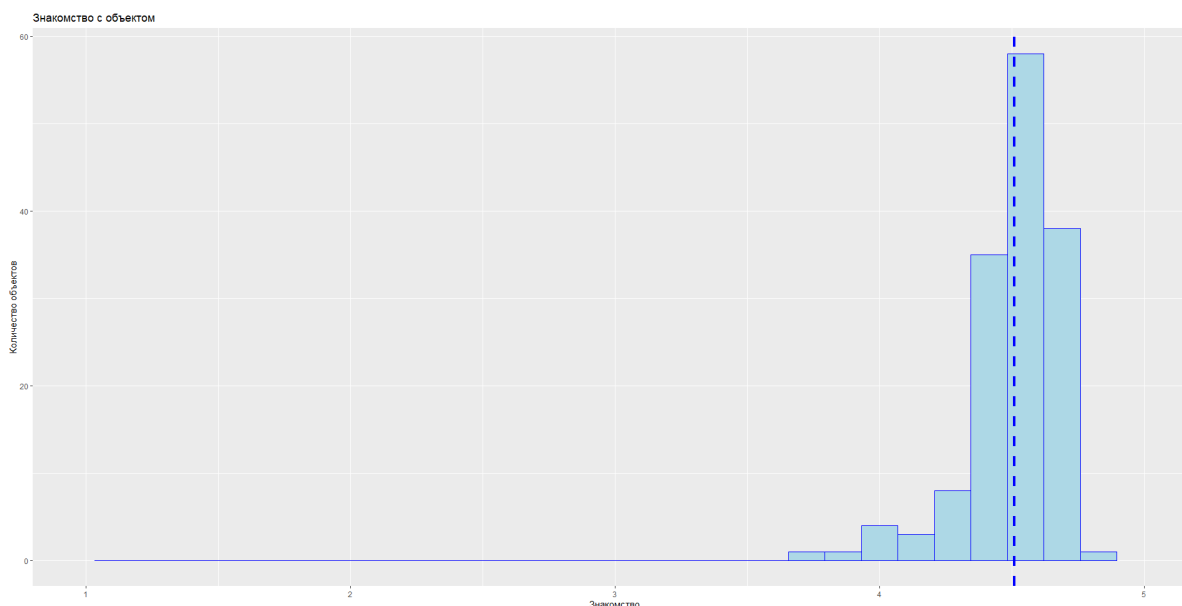

Рисунок 44 – Распределение значений ПП «Знакомство с концептом» в выборке тувинских слов

Как и в случае с предыдущими параметрами, степень знакомства для всех объектов была оценена как высокая – значения лежат в диапазоне 3,5–5 со

средним 4,5. Показанные респондентам объекты, следовательно, достаточно хорошо им знакомы.

2.2.7. Психолингвистический параметр «Устойчивость номинации» для тувинских слов

«Процент доминантной номинации рассчитывался как процент самой частотной номинации от всех номинаций» [Натпит, 2019, с. 60]. Н-статистика – мера разнообразия номинаций, рассчитываемая по формуле [Snodgrass & Vanderwart 1980)], которую мы уже приводили выше (см. п.2.1.): чем ближе значение ПП к 0, тем меньше было других вариантов реакций на рисунок-стимул.

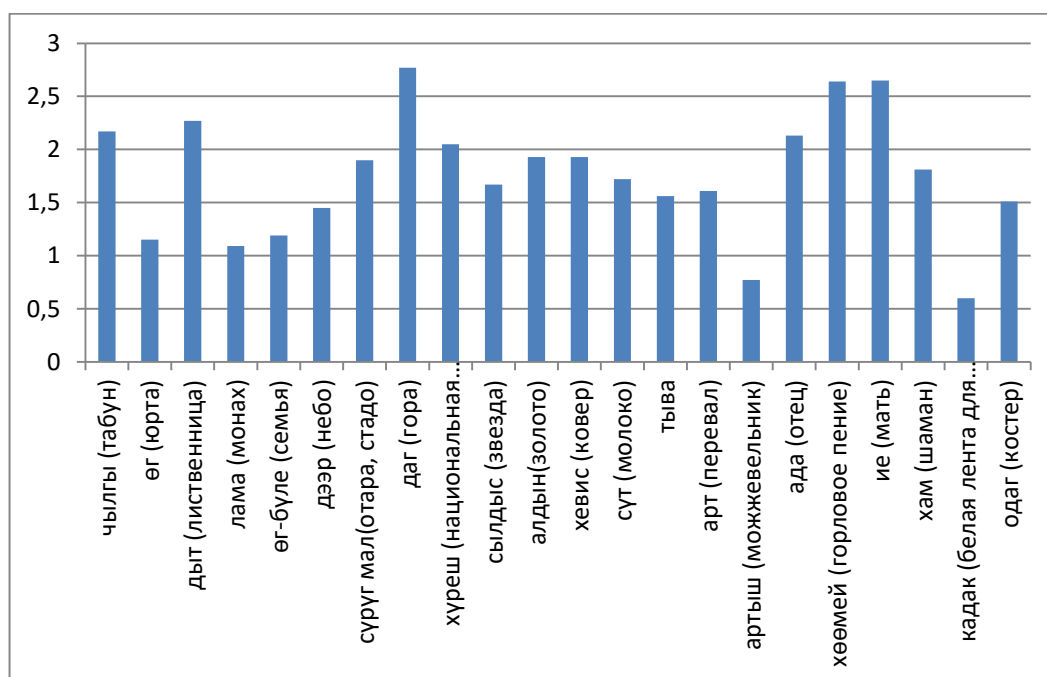

Рисунок 45 – Значения ПП «Устойчивость номинации» в группе культурно-значимых тувинских слов

Средний показатель данной группы слов равен 1,7. Наиболее близко расположенными к нулевой отметке являются слова *өг* ('юрта'), *лама* ('монах'), *өг-бүле* ('семья'), *кадак* ('белая лента для подношений'), *артыш* ('можжевельник'), *дээр* ('небо').

Значение ПП более 2 у следующих слов: *чылгы* ('табун лошадей'), *дыт* ('лиственница'), *даг* ('гора'), *ада* ('отец'), *хөөмей* ('горловое пение'), *ие* ('мать'). Например, на *чылгы* были варианты *табун* (19), *аъттар* (5), *стадо лошадей* (7), *лошади* (16), *спирит* (5), *мультик* (1) и остальные. На *дыт* были варианты *дерево* (22), *лиственница* (15), *ель* (2), *пихта* (1), *ёлка* (6), *терек* (7) и другие. На стимул *ада* – *отец* (18), *ачам* ('мой папа') (5), *папа* (7), *семья*, *ада-ие* ('родители'), *маадыр ада Артыш* ('отец герой Артыш'), *ачазы биле уруу* ('отец и дочь').

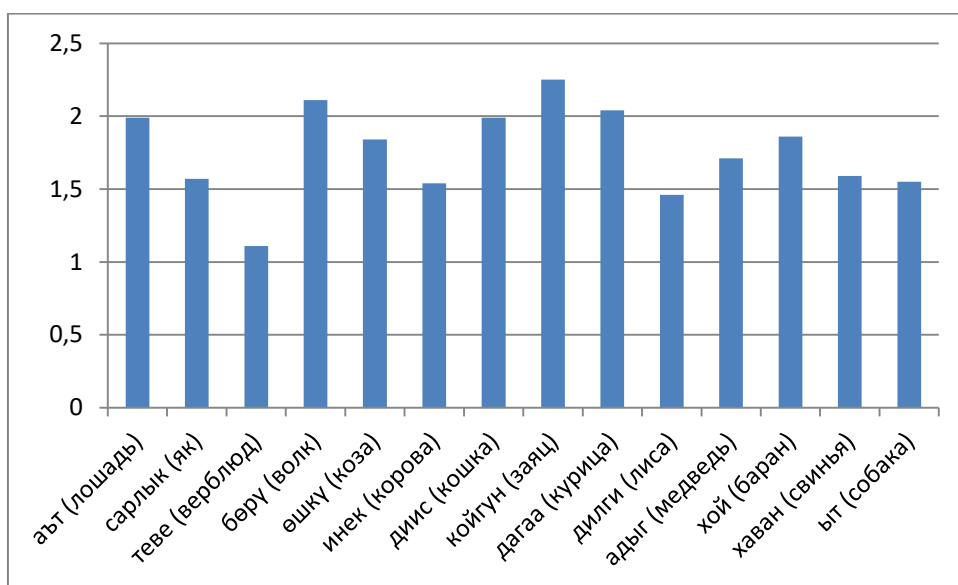

Рисунок 46 – Значения ПП «Устойчивость номинации» у группы названий животных на тувинском языке

Средний показатель равен 1,7. Наиболее близкими к нулю являются значения ПП слова *теве* ('верблюд').

А у некоторых существительных значения ближе к 2 или более, что говорит о разнообразных реакциях на слово-стимул. Например, один респондент поделился, что как только услышал слово *аът* ('конь, лошадь') – значение ПП равно 1,99, – его первая реакция была – *Богба*, кличка, прозвище его друга в их компании, которое означает молодого коня. Он говорит, что сразу вспоминает своего друга, когда слышит слово *аът* или видит коня.

Что касается изображения волка, то респонденты в основном отвечают реакцией *волк* (20%), в то время как *бөрү* – 16%. Такой низкий процент

тувинского варианта связан с тем, что тувинцы также используют слово-синоним *кокай* ('волк') (6%), правда, в основном те, которые живут в отдалённых районах.

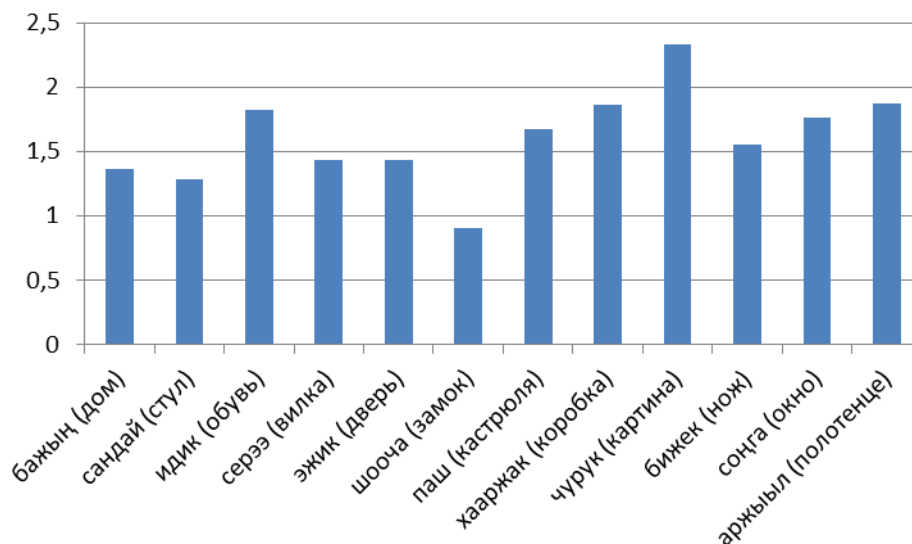

Рисунок 47 – Значения ПП «Устойчивость номинации» у группы бытовой лексики на тувинском языке

Средний показатель у группы бытовой лексики равен 1,6.

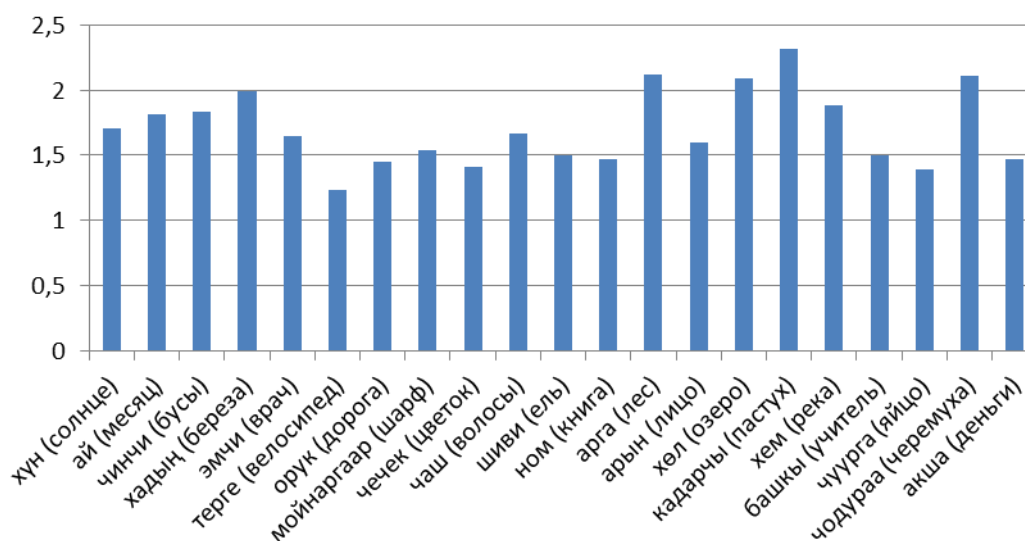

Рисунок 48 – Значения ПП «Устойчивость номинации» для повседневной лексики на тувинском языке

Средний показатель равен 1,8.

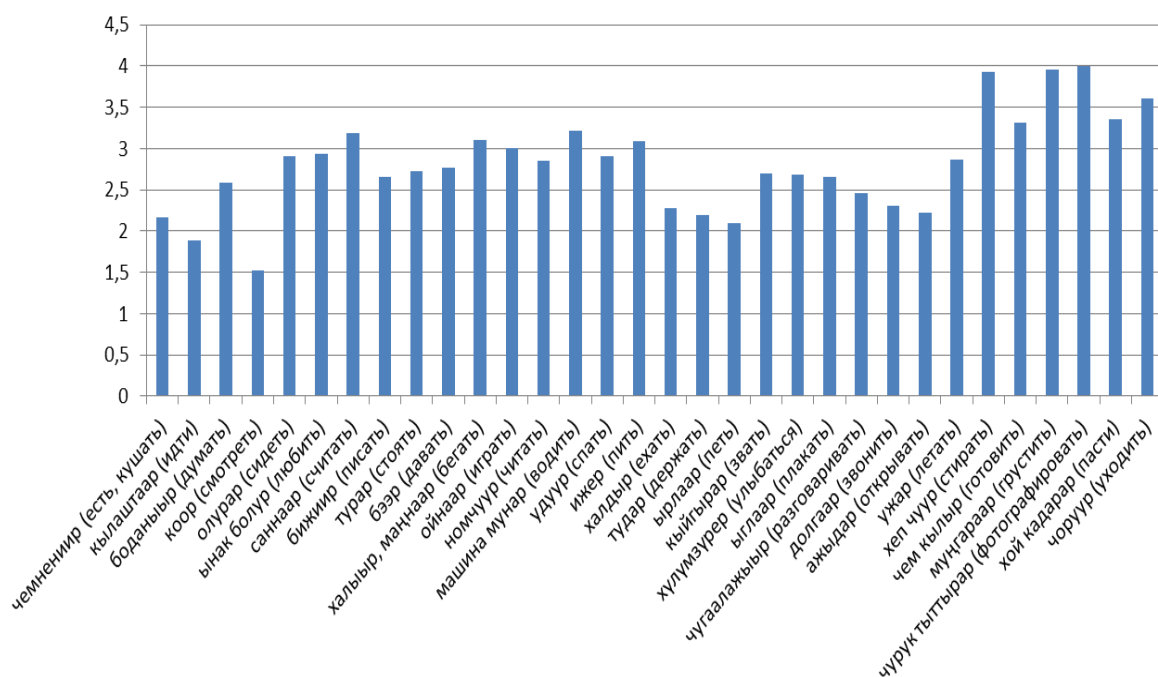

Рисунок 49 – Значения III «Устойчивость номинации» для группы глаголов на тувинском языке

Средний показатель в группе глаголов равен 2,8, т. е. данная группа наиболее далеко отстоит от нулевой отметки. На предъявленные визуальные корреляты слов респонденты давали самые разные реакции: и варианты на русском языке, и существительные, и свои предположения по рисунку. Например, к рисунку, иллюстрирующему действие, обозначаемое глаголом *чем кылыр* ('готовить еду'), были следующие реакции на тувинском и русском языках: *чем кылыр* ('готовить еду') (25), *чем (еда)* (6), *повар* (2), *готовка* (4), *готовит еду* (2), *готовить* (12), *кижи* ('человек') (1), *кадай* ('женщина') (2), *готовка* (1), *человек* (1), *готовит* (2), *кухня* (2), *суп* (1), *еда* (2), *чем кылган* ('делает еду') (2), *паштанып тураар* ('готовит еду') (1), *ава* ('мать') (1), *картошка* (1) и др. На глагол *хеп чуур* ('стирать') – *стирка* (6), *хеп чуур* ('стирать') (19), *кижи* (3) ('человек'), *аштакчы* ('уборщик') (1), *мыть одежду* (3), *чуур* ('мыть или стирать что-либо') (3), *мыть* (3), *человек* (2), *хеп чуп тураар уруг* ('девушка, стирающая одежду') (1), *хеп чуп тураар* ('кто-то

стирает одежду’), чугдунар (‘мыть или стирать что-либо’), кидирээш, мама, женщина, таас (‘таз’), мойка, мытьё (2), стирать (5), чугдунуп турар кижги (2), стирать одежду (2), полоскать (1), таз (1), стиралка (1).

Аналогичная тенденция наблюдается у всех глаголов.

Есть и второй способ подсчета значения ПП «Устойчивость номинации» – не по формуле, а в процентном соотношении. На рис. 50 показан процент случаев, когда на предъявленный визуальный коррелят слова от информантов была получена реакция, соответствующая вербальному корреляту картинке. Например, на предъявление визуального стимула, изображающего табун лошадей, от информантов была получена реакция *чылгы* в 50 % случаев.

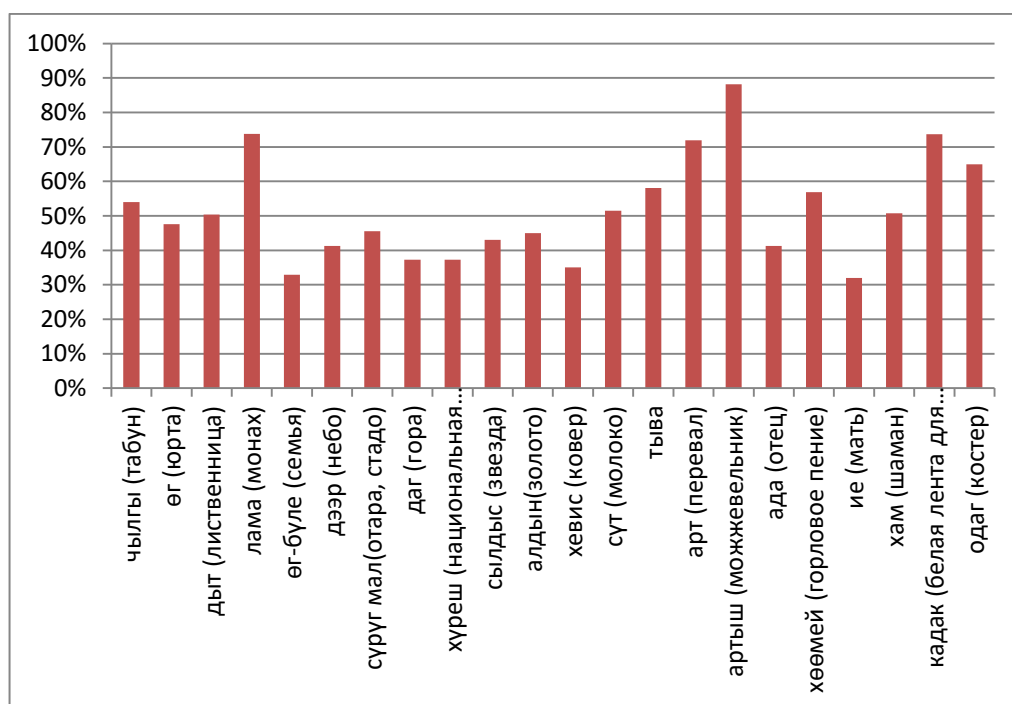

Рисунок 50 – ПП «Устойчивость номинации» у группы тувинских культурно-значимых слов в процентном соотношении

Таким образом, можно сказать, что, несмотря на то, что во всех других ПП группа глаголов лидирует, в данном ПП – она на последнем месте.

Существительные групп бытовой лексики, названий животных и культурно-значимых слов лучше всего подходят по данному ПП в качестве материала для комплекса упражнений для речевой терапии.

2.3. Психолингвистические параметры русских слов, употребляемых в речи тувинцев-билингвов на тувинском языке

Взаимовлияние русского и тувинского языков в процессе формирования двуязычия на территории Республики Тыва является актуальной проблемой, стоящей перед научным сообществом как России, так и самой республики. «Причём это взаимное влияние проявляется не только на уровне языковой системы (уровень выражения и уровень содержания языковых единиц соприкасающихся языков), но и на уровне индивидуального и группового языкового сознания, затрагивая когнитивную систему носителей языка. Проблема, находящаяся в центре нашего исследовательского интереса, связана с тем, что в последние несколько десятилетий в связи с активным формированием двуязычия в Республике Тыва произошёл процесс интеграции русских слов в устную речь тувинцев практически всех возрастных категорий населения» [Натпит, 2022а, с. 152]. Несмотря на то, что русско-тувинские языковые связи начали формироваться не более 100 лет назад [Бавуу-Сюрюн, Ондар, 2013, с. 40], «регулярное общение тувинцев на русском языке приводит к изменениям в тувинском языке. Многие русские слова¹, например, *морковь*, *сковорода*, *ферма*, *стол*, *кабинет*, *рентген*, *сметана*, уже не считаются диалектизмами и не признаются тувинцами как иностранные или инородные – все они прочно вошли в литературный язык и устную речь тувинцев» [Натпит, 2022а, с. 144].

В описанных выше экспериментах мы получили ряд русских слов-стимулов, прозвучавших в ответах респондентов на тувинском языке.

В ходе «интервью, отвечая на вопросы об обычном дне, о школе, работе, доме, респонденты очень часто использовали слова русского языка в своей речи. Например, описывая свой дом или квартиру, каждый из них использовал

---

¹ имеются в виду слова, существующие на данный момент в русском языке и заимствованные тувинским языком именно из русского

следующие слова: *стол, шкаф, телевизор, диван, каша* (пример 1)» [Натпит, 2022а, с. 149]:

«Бистиң бажыңывыста үш өрээл бар: баштай кирип кээрге коридор бар, оон кухня, спальня, зал. Кухняда плита, стол, холодильник, шкаф, сандайлар бар. Оон спальня бар. Ынаар кире бээрге орун, стол, диван, кресло, шкаф бар ('В нашем доме есть 3 комнаты: сначала есть коридор, потом кухня, спальня и гостиная. На кухне есть плита, стол, холодильник, шкаф, стулья. Дальше есть спальня комната. Там стоят кровать, стол, стул, диван, кресло, шкаф'. – перевод автора)» [Натпит, 2022а, с. 149].

Так респонденты описывали свой обычный маршрут до дома: *«Чанарда, маршруткага олурупкаш чанар мен. Оон где-то чартык шак хире боор до дома. Чамдыкта дорт чанмас мен, эштерим-биле центрге гуляем, азы садыг кезип чоруур бис ('Домой еду на маршрутке. Где-то через полчаса уже буду дома. Иногда сразу домой не езжу, гуляем с друзьями в центре, ходим по магазинам'. – перевод автора)»* [Там же].

В другой части эксперимента на вопрос «Кайы чүве адын эң көвей ажыглаар силер хүнде?» («Какое слово существительное вы часто используете в речи?») мы получили следующие русскоязычные реакции: *телефон (15), машина (9), телевизор (5), ноутбук (4), стол (4), стакан (4), ручка (3), туалет (2), бумага (2)*.

Далее «путем скриптования материала интервью были отобраны 10 русских слов, которые часто встречались в речи респондентов: *школа, садик, гараж, машина, печка, газель, шкаф, кухня, общежитие, огород*.

На следующем этапе был проведён ассоциативный эксперимент с целью выявления возможных особенностей ассоциативных значений данных стимульных слов в языковом сознании русских монолингвов и тувинско-русских билингвов. Информантами выступили 10 русских монолингвов, проживавших в других регионах РФ, и 10 тувинско-русских билингвов, проживавших в Республике Тыва. В ходе АЭ респонденты должны были в течение первых 3 секунд ответить на 10 слов-стимулов, выбранных по

результатам интервью. Эксперимент проводился очно, возрастной диапазон респондентов 17–56 лет. Среди тувинско-русских билингвов гендерное распределение было паритетным: мужчин – 5, женщин – 5. Среди русских монолингвов: 1 мужчина, 9 женщин» [Натпит, 2022а, с. 147].

По результатам эксперимента были сделаны следующие выводы:

«Во-первых, для 8 слов у билингвов и монолингвов встретились совпадающие реакции на русском языке: *школа – учитель, учёба; машина – водитель, бензин; садик – дети; гараж – машина, грязь, запчасти; машина – водитель, бензин; печка – кирпич; шкаф – большой; общежитие – друзья; огород – овощи, картошка*. Подавляющее число реакций в этих совпадающих случаях иллюстрируют парадигматический тип связей между словами в ментальном лексиконе. Только одна реакция (*шкаф – большой*) является синтагматической» [Натпит, 2022а, с. 149].

Сравнивая ответы русских монолингвов и тувинско-русских билингвов, можно заметить чёткую тенденцию: «у монолингвов преобладают синтаксические реакции на русском языке (более 70% на каждое слово), а у билингвов преобладают парадигматические ответы на тувинском языке. Чаще всего это слова, называющие характеристики конкретной описательной ситуации (например, *детский сад – еда, сон, дети*). Ниже приведены некоторые примеры:

а) русские монолингвы: *школа – родная, светлая, средняя; садик – с цветочками, рядом, у дома, уютный; гараж – дорого, не нужен; шкаф – чёрный, большой, платяной, вместительный;*

б) тувинско-русские билингвы: *школа – оореникчи ('ученик'), кыдырааш ('тетрадь'), өөренир ('учиться');* *садик – аъи-чем ('еда') (1), уйгу ('сон') (1), чанар ('идти домой');* *гараж – хөмур ('уголь') (1), масло (1), дугуй ('колесо') (1), кылдынар ('ремонтировать');* *шкаф – идик-хеп ('одежда'), идик ('обувь'), бөрт ('головной убор').*

Во-вторых, в реакциях на двух языках есть группы эквивалентной лексики. В среднем таких единиц для каждого слова-стимула насчитывается

около трёх» [Натпит, 2022а, с. 149].

Таблица 1. Реакции на слова-стимулы *кухня, огород* русских монолингвов и тувинско-русских билингвов

Слово-стимул	Реакции тувинских респондентов	Реакции русских респондентов	Общие лексические совпадения	Точные совпадения
Кухня	Стол (3), сковородка (1), буза (позы) (1), улуг (большой) (1), плита (2), просторная (1), светлая (1), вкусная (1), стул (1), холодильник (1), чем (еда) (2), холодильник (2), чем кылыр (готовить еду) (1), шайладыр (угощать) (1), кылдынар (готовить еду) (1), кок (синий) (1), кастрюля (1), ванна (1), зал (1), чемнениир (есть) (1), аяк-сава (посуда) (1), паш (кастрюля) (1).	Маленькая (1), готовить (1), уют (2), дом (1), мебель (1), посуда (1), вкусно (1), уютно (уют, уютная) (3), тепло (2), обед (1), еда (3), комфорт (1), большая (1), приготовление еды (1), я дома (1). уют, уютная	Улуг (1) – большая (1) Вкусная 1 – вкусно 1 Чем (2) – еда (3) Чем кылыр (1) – приготовление еды (1) Кылдынар (1) – готовить (1), аяк-сава (1) – посуда (1)	Полных совпадений нет
Огород	Грядкалар (грядки) (1), хорзун (почва) (1), кара (черный) (1), морковь (2), огурец (5), помидор (4), продукты (1), овощи (1), сугарар (поливать) (1), перец (1), согуна (лук) (1), Ногаа (зелень) (1), катчимис (ягоды) (1), картошка (картофель) (1), земля (1), сад (1), теплица (1)	Большой (2), овощи (4), работа (1), лето (1), грядки (2), воздух (1), труд (2), картошка (2), родители (1), укроп (1), лук (1), цветы (1), дача (1), радость (1)	Грядкалар (1) – грядки (2) Согуна (1) – лук (1)	Овощи (1) – овощи (4) Картошка (1) – картошка (2)

В-третьих, количество реакций, полученных от русских и тувинских респондентов-билингвов на каждое русское слово-стимул, различалось: последняя группа давала значительно больше слов-ответов. Тувинцы реагируют на слова-стимулы в 1,5-2 раза активнее, при этом используя два языка: *Кухня – стол, сковородка, буза* ('позы').

Таким образом, мы видим, с одной стороны, частотность слов русского языка в повседневной речи тувинцев-билингвов на родном языке, а с другой –

результаты АЭ показывают, что слова из русского и тувинского языков имеют разный статус в языковом сознании и когнитивной системе билингвов, поэтому было решено включить в список слов-стимулов 40 слов русского языка из БД Ю.С. Акининой, отобрав их методом систематической выборки (каждые 10 и 11 слова из списка Ю.С. Акининой). В итоге мы получили следующий список существительных конкретной семантики, которые можно отнести преимущественно к группе бытовой лексики: *автобус, аптека, бассейн, батарея, билет, ванная, веранда, кухня, гитара, дурилаг, душ, жалюзи, жвачка, жилет, журнал, завод, зажигалка, зонт, календарь, карандаш, карта, колбаса, коляска, коридор, крыша, куртка, машина, масло, ноутбук, ручка, самолёт, стакан, стол, сумка, телевизор, телефон, флешка, фонарь, хлеб, щётка.*

2.3.1. Психолингвистический параметр «Субъективная частотность» для слов русского языка

Рассмотрим все 7 ПП слов русского языка в языковом сознании тувинцев-билингвов.

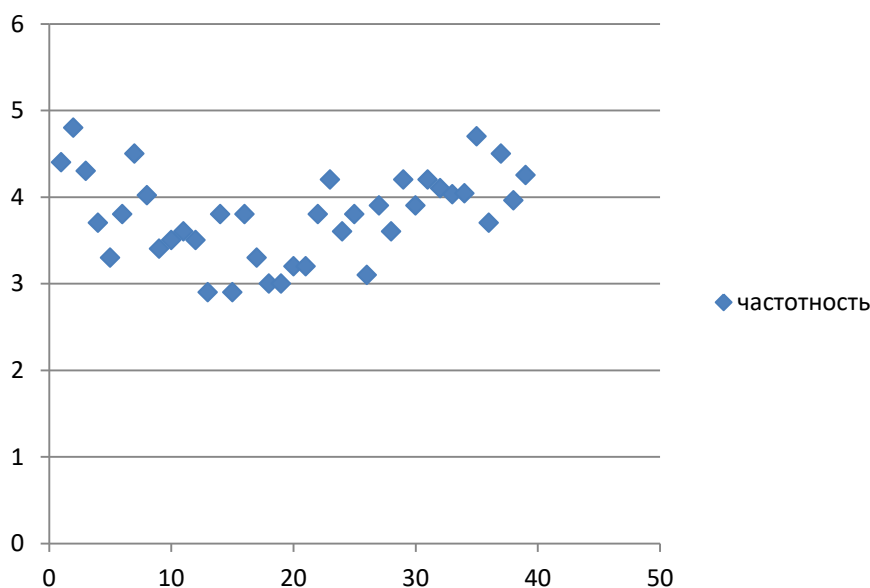
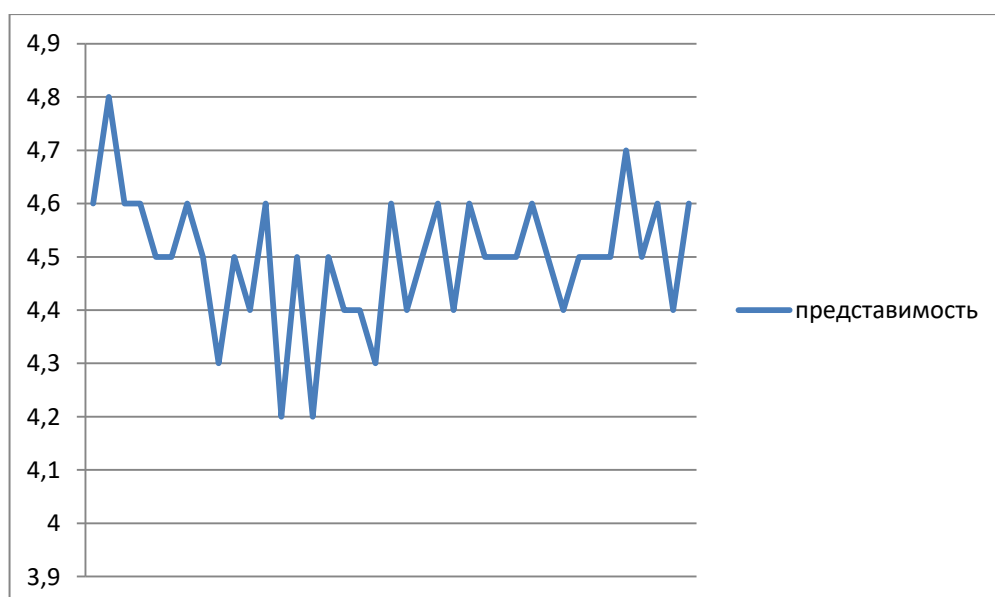

Рисунок 51 – Значения ПП «Субъективная частотность» для слов русского языка

По рис. 51 можно убедиться, что стимулы на русском языке достаточно частотны: значения ПП варьируют от 2,7 до 4,9 по шкале от 1 до 5. Наименьшие значения у слов *дуришлаг* и *жалюзи*. Наибольшие – у стимулов *телефон* и *флешка*. Респонденты, даже если слышали слова *дуришлаг* и *жалюзи*, зачастую не знают, что это, поскольку для обозначения дуршлага используется выражение *суг шүүрер* ('воду пропускать через что-то'). Жалюзи очень редко встречаются в домах у тувинцев, они пользуются шторами. Сегодня почти у каждого жителя Тувы имеется свой личный мобильный телефон, но тувинцы в разговорной речи употребляют лишь слово *телефон*, например: «*Мээң телефонум көрдүң бе?*» ('Ты видел мой мобильный телефон?') или «*Телефонуңче долгантар мен*» ('Позвоню тебе на мобильный телефон'). Высокие показатели стимула *флешка* связаны с тем, что тувинцы до сих пор носят и передают электронные файлы на физическом носителе, многие даже не знают, что такое облачное хранилище файлов, боятся использовать его, тем более платить за это.

2.3.2. Психолингвистический параметр «Представимость» для слов русского языка

Рисунок 52 – ПП «Представимость» для слов русского языка

По графику на рисунке 52 мы видим, что все слова очень легко представимы. Все значения выше показателя 4. Соответственно, выше и средний показатель, который равен 4,5. Такие высокие значения в группе тувинских слов-стимулов мы наблюдаем только у групп глаголов и бытовой лексики. Наименьшие показатели ожидаемо у слов *жалюзи* и *дурилаг*.

2.3.3. Психолингвистический параметр «Возраст усвоения» для слов на русском языке

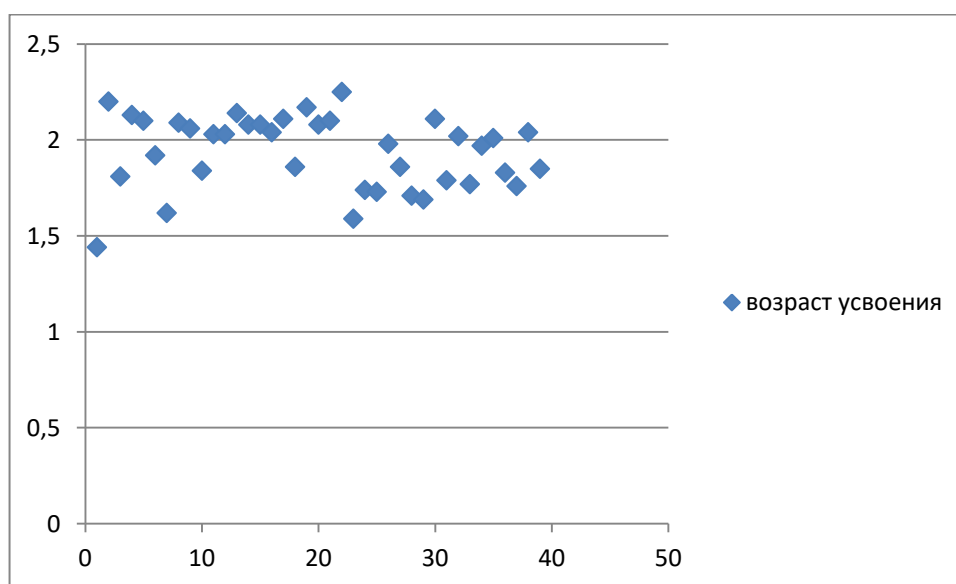

Рисунок 53 – Значения ПП «Возраст усвоения» в группе слов русского языка

Согласно графику, все стимулы усваиваются с 1,5 до 2,5-летнего возраста. Рано усваиваются такие слова как *стол*, *кухня*, *карандаш*. Это в основном первые предметы, с которым знакомится малыш, поскольку их вариантов на тувинском нет, они так и усваиваются на русском языке. Позже были усвоены слова *телефон*, *жалюзи*, *карта*. Как мы уже отмечали, жалюзи в тувинских домах практически нет, вместо них тувинцы всегда используют шторы. Жалюзи для тувинцев – это что-то, что должно быть в офисе, но не

дома. Для многих жителей сёл и деревень жалюзи понятие неизвестное, которое они могли даже не видеть и не знакомы с ним.

2.3.4. Психолингвистический параметр «Сходство образа с рисунком» для слов русского языка

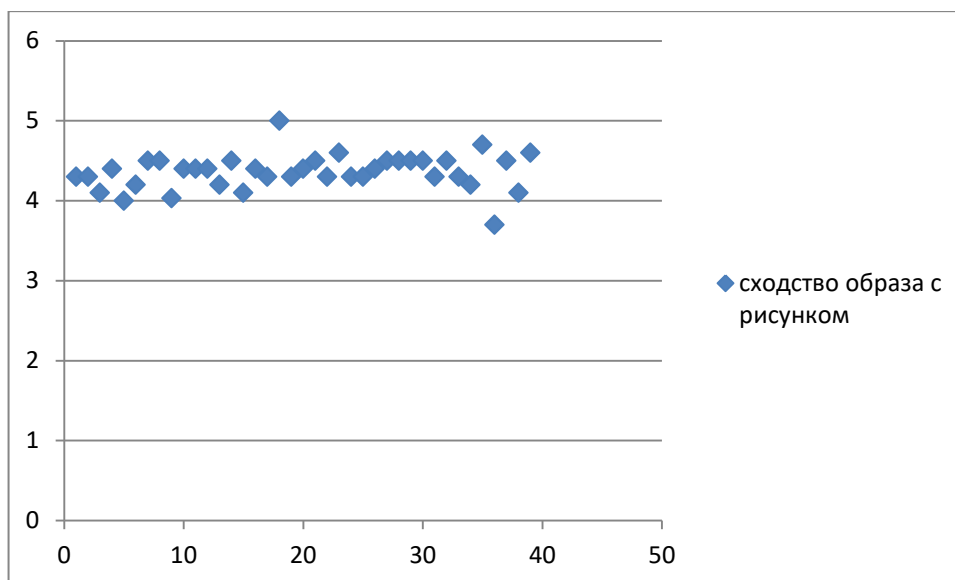

Рисунок 54 – Значения ПП «Сходство образа с рисунком» в группе слов русского языка

То, что респонденты представляют себе, услышав предъявленные стимулы, они оценивают как сильно схожее с визуальным материалом: только у слова *фонарь* низкий показатель (3,7). Возможно, в данной ситуации играет роль языковое сознание тувинцев-билингвов, у которых *фонарь* не тот предмет, который знаком русским монолингвам. У тувинцев слово *фонарь* вызывает образ маленького карманного фонаря. А то, что было изображено на рисунке из стимульного материала, тувинцы на свой лад называют ‘*столб с фонарём*’.

2.3.5. Психолингвистический параметр «Субъективная сложность рисунка» для визуальных коррелятов слов русского языка

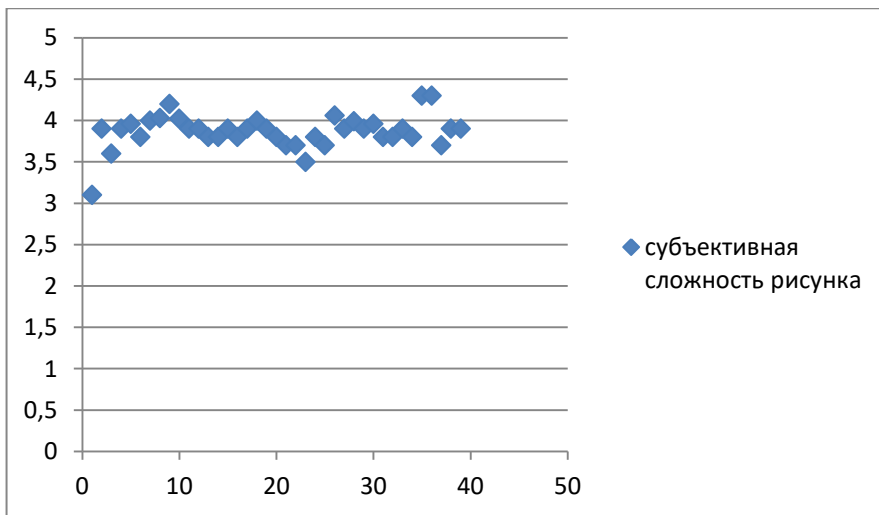

Рисунок 55 – Значения ПП «Субъективная сложность рисунка» для визуальных коррелятов слов русского языка

Все слова-стимулы оцениваются выше значения 3, т.е. респонденты оценивают стимульный материал как достаточно сложный. Однако были и те, кто не соглашался или оценивал рисунки как «нехорошо нарисованные, я бы нарисовал лучше». Например, один информант рисунок для слова-стимула *арын* ('лицо') оценил как неподходящий: «Это злое лицо, лицо недовольного человека. Не подходит для описания простого лица. Можно было лучше нарисовать». Или ещё пример: «Почему у автобуса всего 3 колеса? Как такая машина может ездить? Надо переделать, чтобы всё было правильно». Однако были и те, кто хорошо оценивал предложенные рисунки, в основном на стимулы-глаголы, например, на глагол *муңгарараар* ('грустить'): «Очень хорошо нарисовано. Мне тоже стало грустно». Кто-то совершенно не согласился с тем, что рисунок соответствует образу: например, на глагол *машина мунар* ('ехать на машине'): «Это же просто руль и человек, как тут догадаться, что машина едет?». Или же на глагол *хой кадарар* ('пасты'): «Это кто? Это старик. Но не тувинский *кадарчы* (пастух). Почему он не тувинец, а другой национальности?».

2.3.6. Психолингвистический параметр «Знакомство с концептом» для слов русского языка

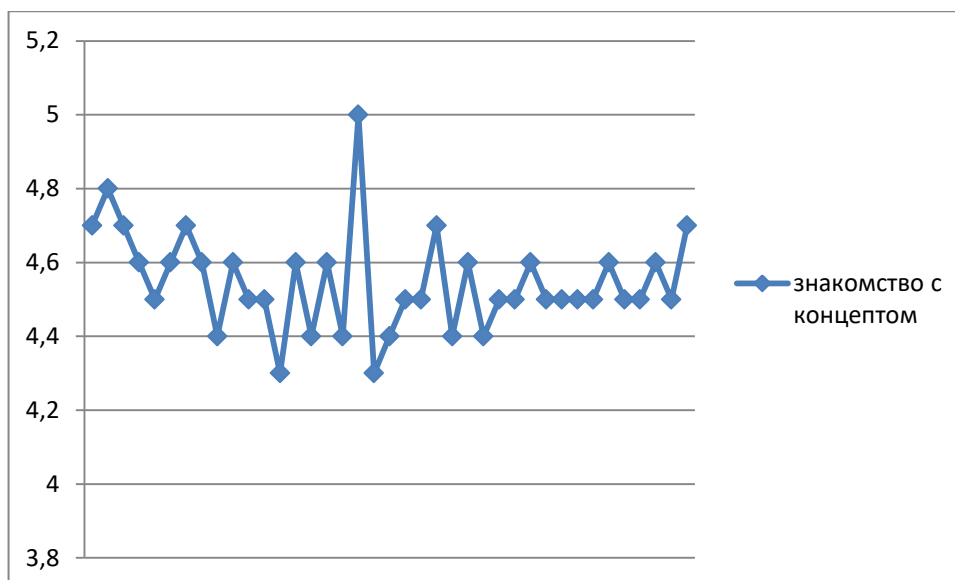

Рисунок 56 – Значения ПП «Знакомство с концептом» для слов русского языка

Все слова-стимулы хорошо знакомы тувинцам. Наименьшие значения ПП у слов: *дурилаг*, *завод* (4,3), а среднее значение по группе равно 4,5. Это достаточно хорошие показатели, если сравнивать с группой тувинских культурно-значимых слов, у которой средний показатель равен 4,3. Если сравнивать самые низкие показатели двух групп, то это 4,3 (слова русского языка) и 3,7 (культурно-значимые слова тувинского языка). Разница, конечно, небольшая, однако то, что возрастная доля респондентов до 25 лет составляет 60%, говорит о том, что идёт процесс вытеснения тувинских слов, обозначающих культуру и быт тувинцев, русскими словами, которые ежедневно используются в связи с процессами модернизации и развития жизни общества.

2.3.7. Психолингвистический параметр «Устойчивость номинации (Н)» для слов русского языка

На рис. 57 показано, что значения данного ПП почти всех русских слов стоят ближе к нулевой отметке. Это говорит о том, что доминирующей номинацией было само слово-стимул. За пределы значения 2 выходит только стимул *аптека*. Здесь многие респонденты давали свои ассоциации со словом *аптека* с тувинским словом *эм* (‘лекарство’).

Если сравнивать данные значения со значениями, визуализированными на рис. 59, то можно сказать, что у слов русского языка значение по данному ПП ближе всего из всех групп к значению 0, что говорит о том, что выбранные нами русскоязычные слова, действительно, отображают те предметы, которые они называют и тувинских вариантов для них нет, либо они вытесняются.

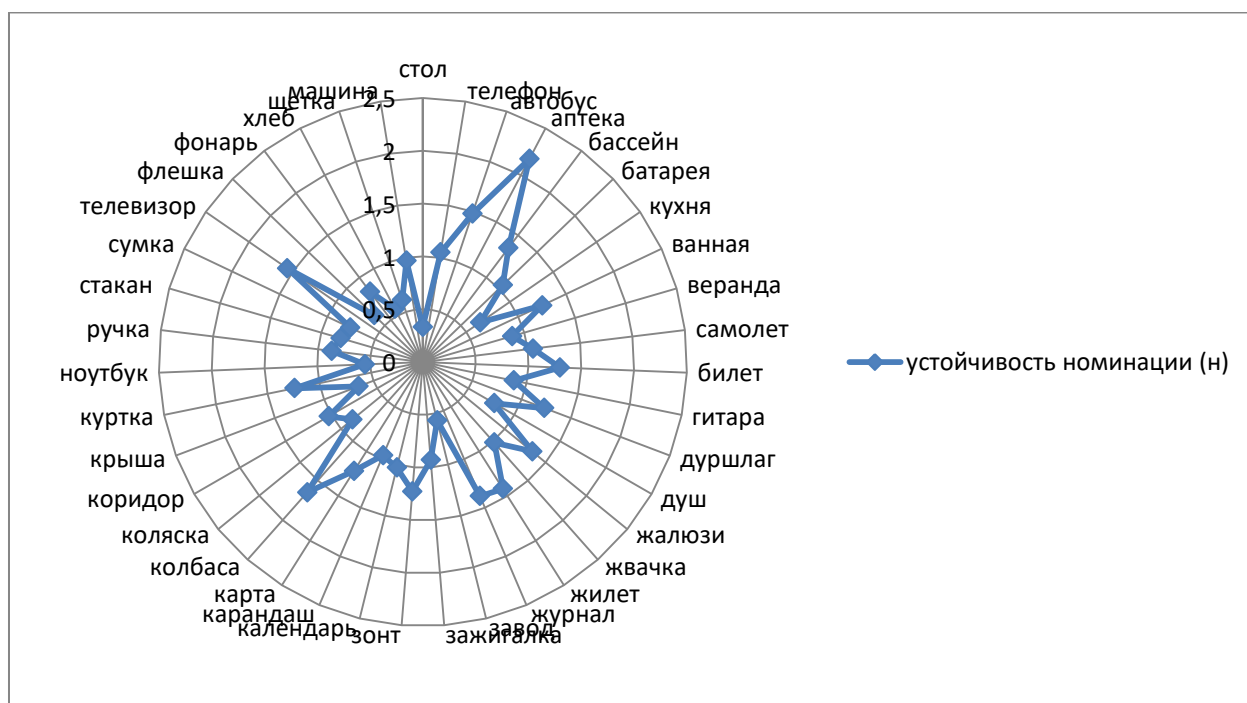

Рисунок 57 – Значения ПП «Устойчивость номинации (H)» для русских слов

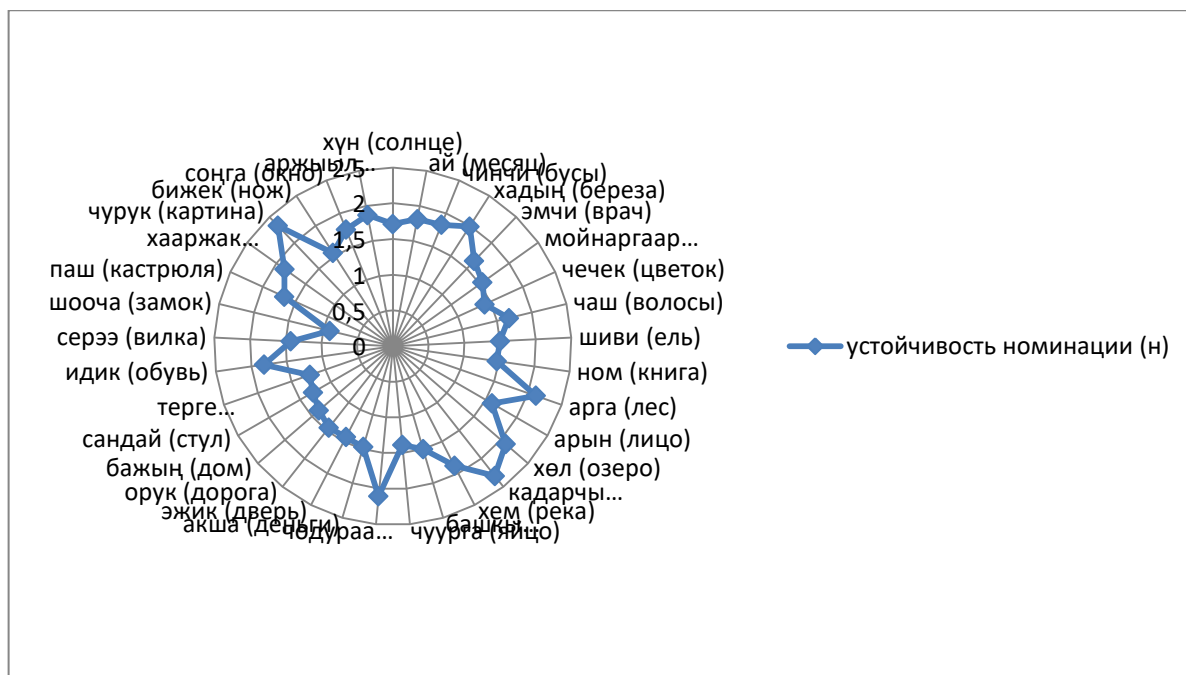

Рисунок 58 – Значения ПП «Устойчивость номинации (Н)» для тувинских слов: бытовая и повседневная лексика

Чтобы сравнить тувинские и русские слова по ПП «Устойчивость номинации», мы выбрали повседневную и бытовую лексику на тувинском языке, поскольку она ближе к словам-стимулам на русском языке. Если проанализировать диаграммы, представленные на рисунках 57 и 58, то можно заметить, что значения ПП у слов русского языка ближе к ядру, что означает, что респонденты чаще всего реагировали самими словами-стимулами, а у тувинских слов в реакциях были русскоязычные эквиваленты. Например, на стимул *паш* – реакция *кастрюля* (его эквивалент) была дана 51 раз.

Рисунок 59 – ПП «Устойчивость номинации (Н)» для всех групп

В процентном соотношении очень хорошо видно, что все доминантные номинации, т.е. слова, для которых, собственно, и подбирались визуальные корреляты, (кроме *стол*) в большинстве: их значения превышают порог в 50%.

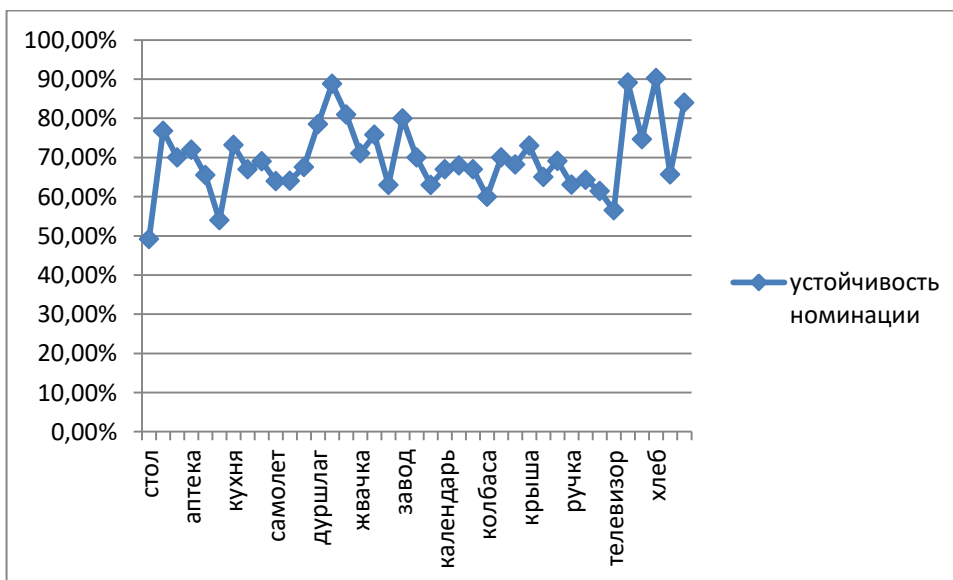

Рисунок 60 – Значения ПП «Устойчивость номинации (Na%)» для слов русского языка

Исходя из анализа значений ПП можно сделать следующий вывод: «русские слова в языковом сознании тувинцев-билингвов играют большую

роль» [Натпит, 2022а, с. 152]. Результаты ассоциативного эксперимента указывают на то, «что русские слова дают доступ сразу к двум ментальным лексиконам – русскому и тувинскому» [Там же]; в обоих этих лексиконах они актуализируют преимущественно парадигматические связи (целое – часть, ситуация – её составляющие); слова русского языка актуализируют в ментальном лексиконе тувинско-русских билингвов больше связей, чем у русских монолингвов; поскольку лишь некоторые ассоциаты с русскими словами-стимулами совпадают у тувинско-русских билингвов и русских монолингвов. Таким образом, можно высказать осторожную гипотезу о различном статусе русских слов в ментальном лексиконе первых и вторых.

Слова русского языка из нашей выборки по значениям ПП «Субъективная частотность» стоят на третьем месте после групп тувинских слов бытовой лексики и тувинских глаголов. Это указывает на то, что они часто встречаются в разговорной речи тувинцев. По ПП «Представимость» они входят в тройку лидеров наряду с этими же группами. По ПП «Устойчивость номинации» слова на русском языке опережают все остальные группы. По ПП «Возраст усвоения» их значения равны значениям в группах культурно-значимых слов, повседневной лексики и названий животных – 1,9. По другим ПП эта группа показывает также стабильно высокие значения.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что слова русского языка в ситуации двуязычия, сложившейся на территории Тувы, вошли в речь тувинцев на родном языке и заняли прочное место, наравне с тувинскими словами, в ментальном лексиконе, структурирующем слова на родном языке. Это происходит по двум основным причинам: во-первых, в исконной лексической подсистеме тувинского языка существуют номинативные лакуны, связанные с появлением новых объектов и реалий, которые заполняются номинациями из русского языка. Во-вторых, русские и тувинские слова в некоторых сферах, как мы постарались это показать выше, находятся в ситуации конкуренции за место в ментальном лексиконе тувинца-билингва.

Иными словами, мы рассматриваем группу слов русского языка,

регулярно выявляемых в устной повседневной речи тувинцев на родном языке (по данным проведённых нами предварительных экспериментов), в качестве интегральной части группы употребительных слов тувинского языка. Достаточно высокие ПП данных слов дают нам основания предполагать, что они также могут быть включены в упражнения для речевой реабилитации тувинско-русских билингвов с нарушениями речи афазического характера.

2.4. Корреляции психолингвистических параметров слов из выборки

Следующим этапом работы был поиск корреляций между ПП в общей выборке. Для каждой пары были определены коэффициент ранговой корреляции Спирмена, а также p-value. Они представлены в таблице 2 (жирным выделены корреляции с $p < 0.05$).

Таблица 2. Корреляции между значениями ПП всей выборки

	Частотность	Возраст усвоения	Представимость	Сходство образа с рисунком	ССР	Знакомство с концептом
Частотность	1	-0,62 $p < 0,05$	0,66 $p < 0,05$	0,48 $p < 0,05$	0,05 $p = 0,6$	0,78 $p < 0,05$
Возраст усвоения	-0,62 $p < 0,05$	1	-0,56 $p < 0,05$	-0,33 $p < 0,05$	0,08 $p = 0,33$	-0,59 $p < 0,05$
Представимость	0,66 $p < 0,05$	-0,56 $p < 0,05$	1	0,54 $p < 0,05$	-0,05 $p = 0,51$	0,77 $p < 0,05$
Сходство образа с рисунком	0,48 $p < 0,05$	-0,33 $p < 0,05$	0,54 $p < 0,05$	1	0,28 $p < 0,05$	0,6 $p < 0,05$
Сложность изображения	0,05 $p = 0,6$	0,08 $p = 0,33$	-0,05 $p = 0,52$	0,28 $p < 0,05$	1	0,06 $p = 0,5$
Знакомство с концептом	0,78 $p < 0,05$	-0,59 $p < 0,05$	0,77 $p < 0,05$	0,6 $p < 0,05$	0,06 $p = 0,5$	1

Из таблицы можно понять, что значимые корреляции удалось обнаружить для многих пар ПП. В то же время, большинство из этих корреляций оказывается слабыми или средними – сильная зависимость наблюдается только между частотностью слова и знакомством с концептом, а также знакомством с концептом и представимостью.

Другим важным наблюдением является тот факт, что для ПП «Субъективная сложность рисунка» была найдена только одна значимая корреляция – она, однако, обладает слабой силой, что позволяет заключить, что этот параметр мало влияет на другие.

Далее рассмотрим корреляции подробнее. Как уже было сказано, субъективная частотность слова сильно коррелирует с параметром «Знакомство с концептом» и в средней степени – с возрастом усвоения и представимостью. Ниже представлены графики для этих пар.

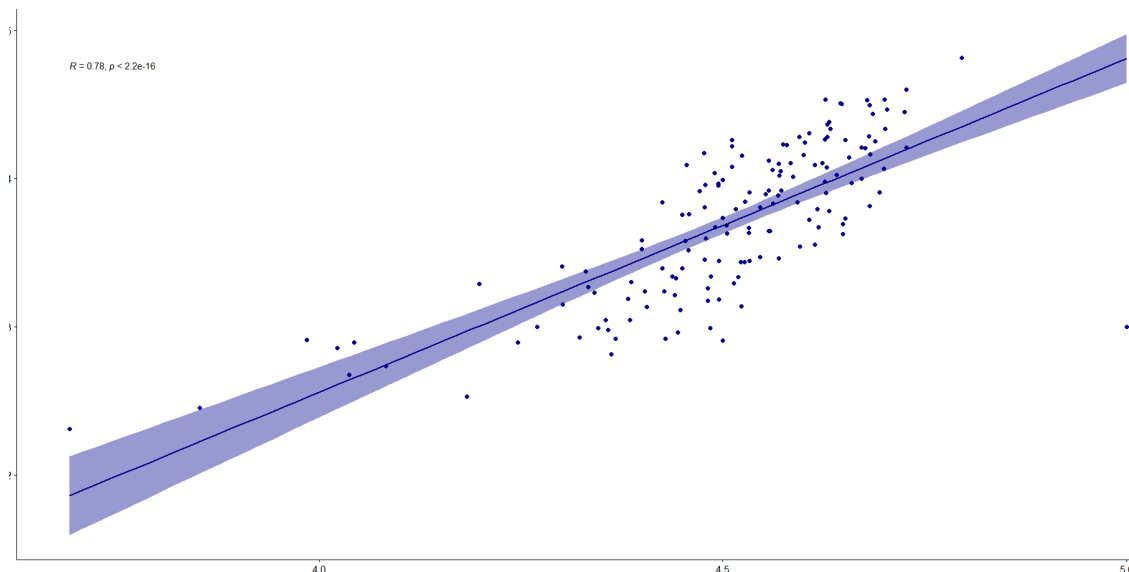

Рисунок 61 – Корреляция ПП «Знакомство с концептом» и «Субъективная частотность»

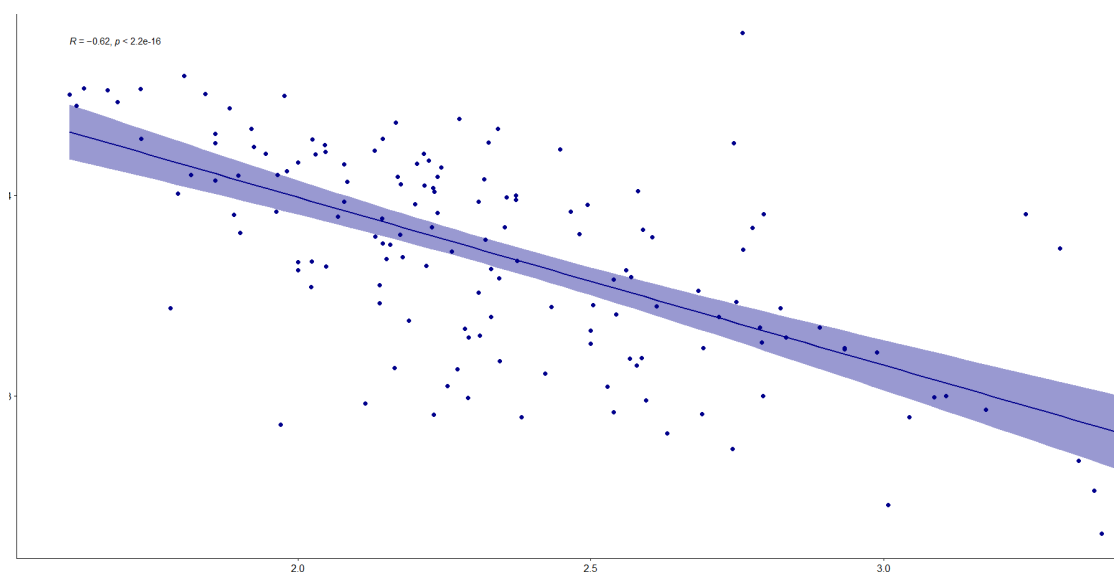

Рисунок 62 – Корреляция ПП «Возраст усвоения» и «Субъективная частотность»

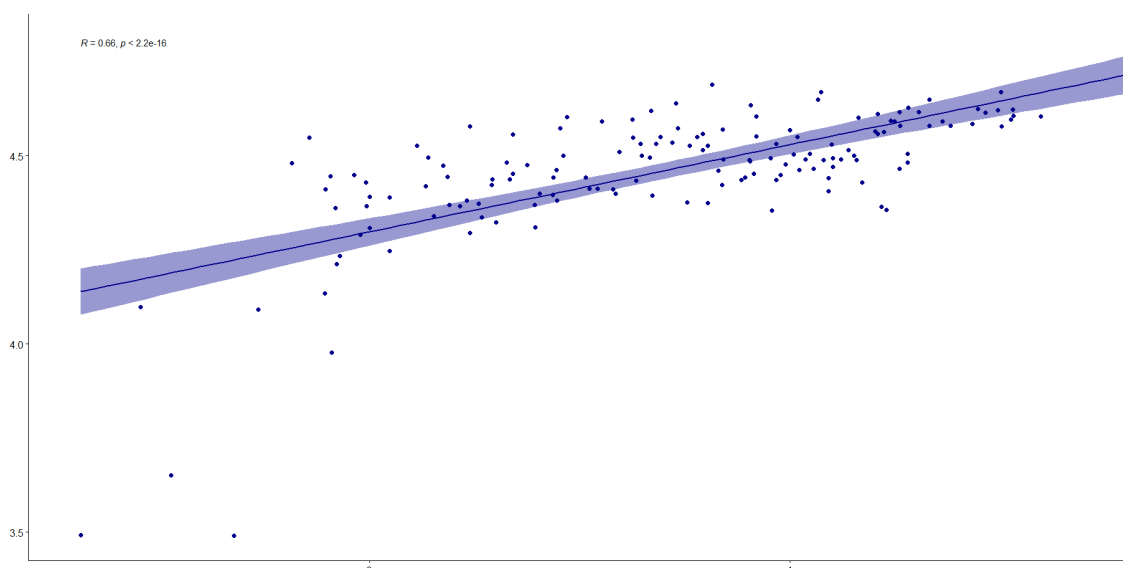

Рисунок 63 – Корреляция ПП «Субъективная частотность» и «Представимость»

Как можно заметить, для вышеуказанных ПП, действительно, можно проследить зависимость (корреляцию): чем более знакомы тувинцам концепты (сами объекты или действия), тем чаще они используют соответствующие слова; помимо этого, слова, обозначающие хорошо знакомые объекты, проще представить. С ПП «Возраст усвоения» наблюдается обратная зависимость – чем раньше было выучено слово, тем чаще оно используется.

«Возраст усвоения» при этом слабо коррелирует с представимостью и знакомством с объектом.

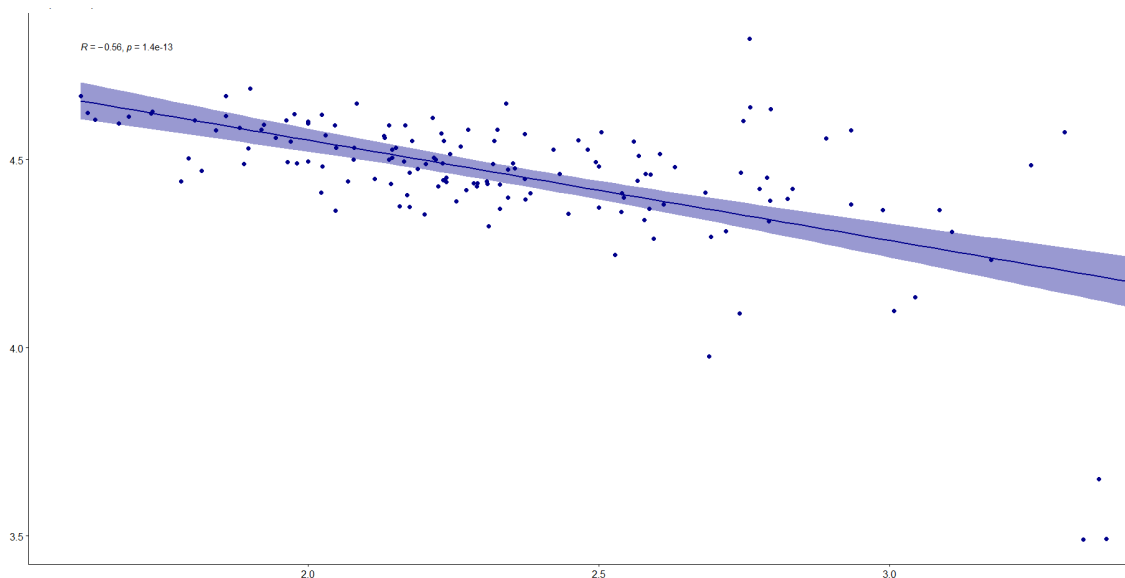

Рисунок 64 – Корреляция ПП «Возраст усвоения» и «Представимость»

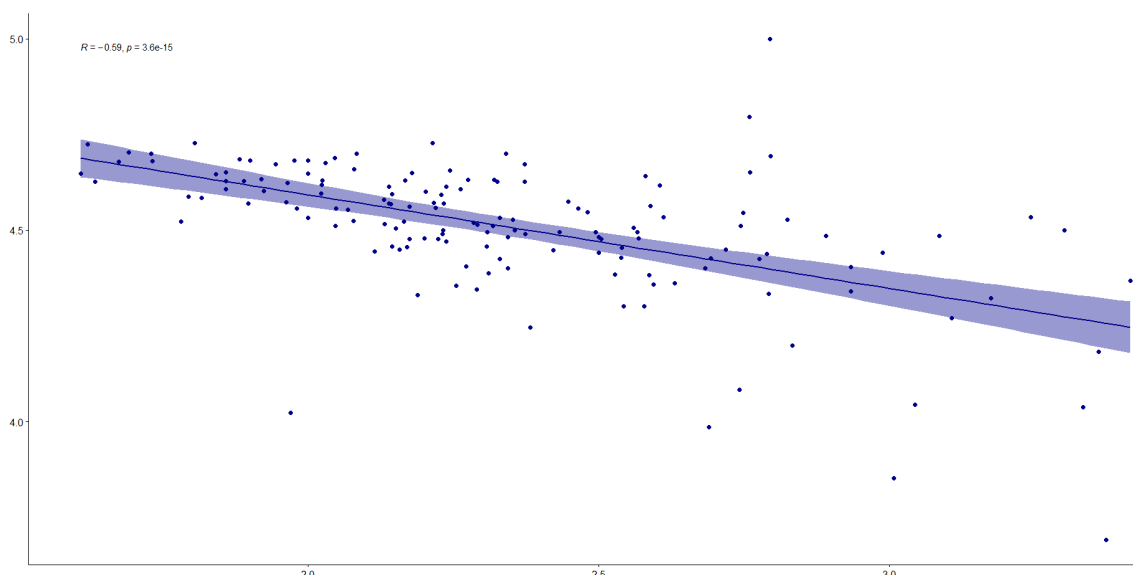

Рисунок 65 – Корреляция ПП «Возраст усвоения» и «Знакомство с концептом»

Как и в случае с частотностью слова, параметры представимости и знакомства с концептом находятся с возрастом усвоения в обратной зависимости – для слов, усвоенных раньше, значения представимости выше; помимо этого, носители лучше знакомы с объектами, обозначаемыми рано усвоенными словами.

Между указанными выше параметрами также существует сильная корреляция, как можно увидеть на графике ниже.

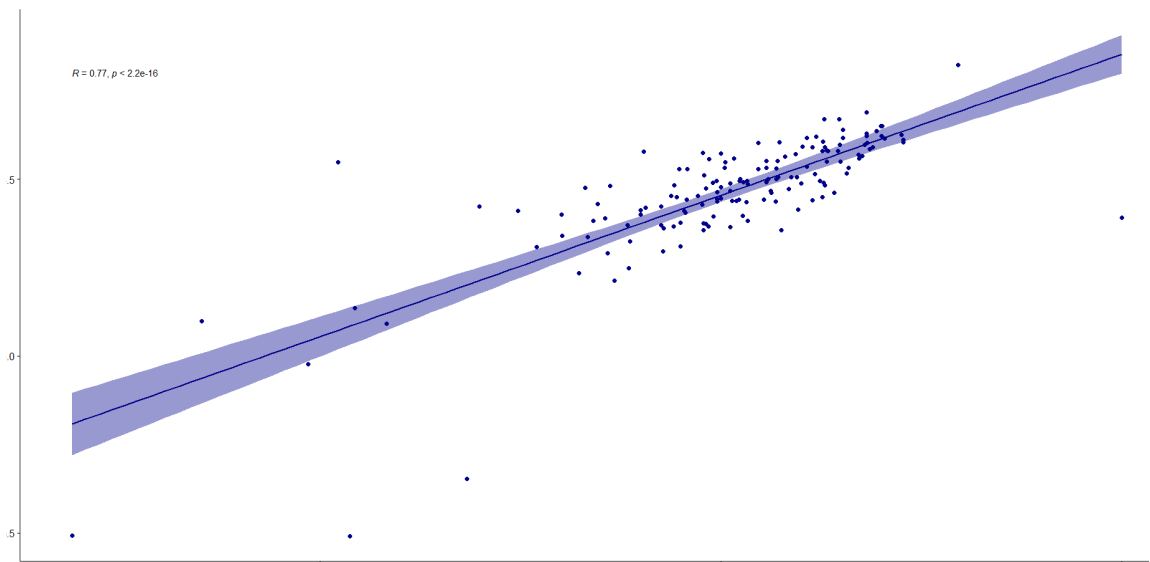

Рисунок 66 – Корреляция ПП «Знакомство с концептом» и «Представимость»

В отличие от корреляций с возрастом усвоения, зависимость между знакомством с концептом и представимостью слова прямая – чем лучше носителю знаком объект, тем проще его представить на основе слова.

Представимость коррелирует и с другим параметром – сходством представленного образа с рисунком.

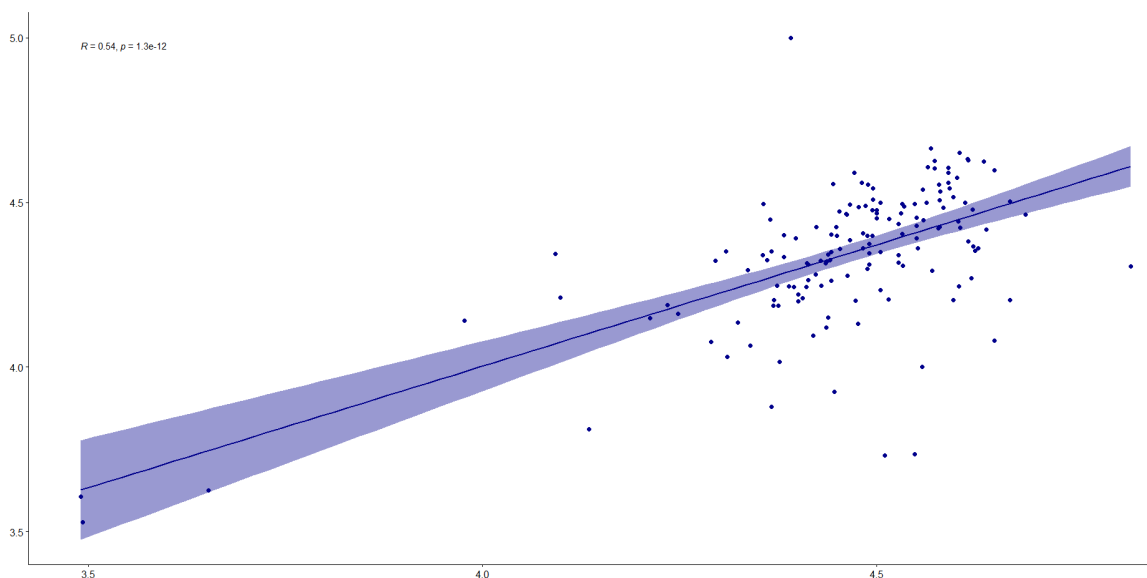

Рисунок 67 – Корреляция ПП «Представимость» и «Сходство образа с рисунком»

Из графика можно сделать вывод, что изображения для объектов, которые легко представить, «оттолкнувшись» от слова, носители,

действительно, оценивали выше. В то же время для этой пары параметров обнаруживается большая рассеянность значений – появляются объекты, изображения которых оцениваются ниже при относительно высокой представимости.

Последней важной корреляцией является корреляция для пары ПП «Знакомство с концептом» – «Сходство образа с рисунком».

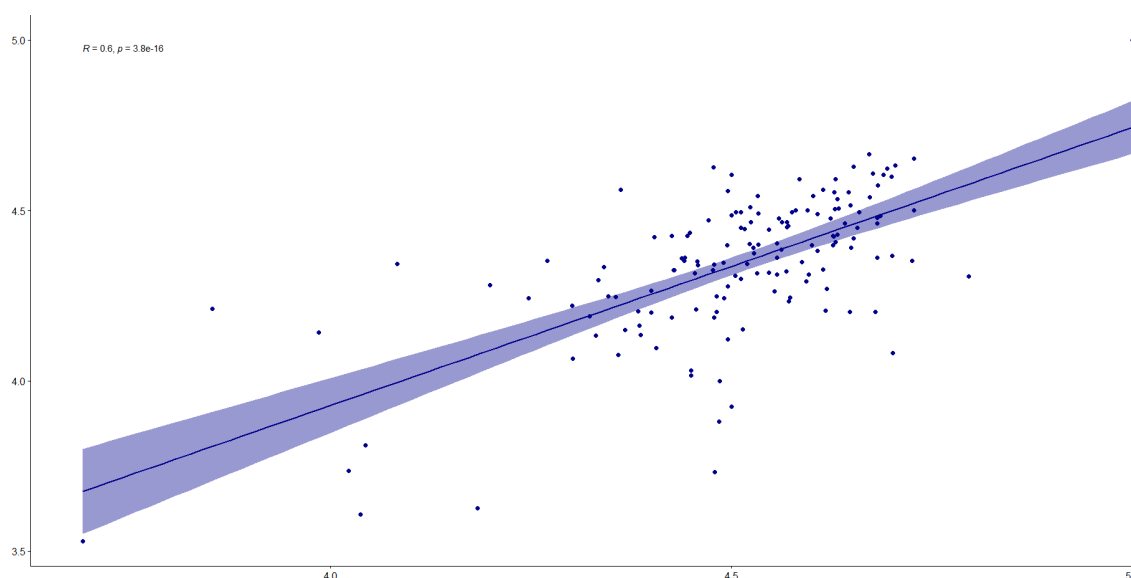

Рисунок 68 – Корреляция ПП «Знакомство с концептом» и «Сходство образа с рисунком»

Между двумя параметрами наблюдается прямая зависимость – носители склонны оценивать изображения объектов, которые им хорошо знакомы, как более похожие на мысленный образ.

Анализ данных на предмет корреляций, таким образом, позволил выявить несколько зависимостей, релевантных для наших данных:

- чем чаще используется слово в речи, тем проще информанту представить образ обозначаемого им объекта;
- слова, усвоенные в более раннем возрасте, чаще используются тувинцами, а обозначаемые такими словами объекты оцениваются как более знакомые и легко представимые;
- тувинцам проще представлять слова, которые обозначают знакомые им объекты; изображения таких объектов также оцениваются как более похожие

на субъективный мысленный образ денотата слова, появляющийся у информанта;

– чем лучше тувинец представляет обозначаемый словом объект, тем выше он оценивает сходство изображения этого объекта с тем субъективным образом денотата, который возникает в его сознании по прочтении соответствующего слова.

Наконец, было выявлено, что параметр субъективной сложности изображения-визуального коррелята слова не имеет достаточно значимых или сильных корреляций с другими параметрами.

Далее рассмотрим средние значения, значения медианы и стандартного отклонения по ПП «Субъективная частотность», «Представимость», «Знакомство с концептом» и «Возраст усвоения» для каждой из групп лексики.

Таблица 3. Средние значения, значения медианы и стандартного отклонения по четырём ПП для каждой из групп лексики²

п/п	Группа лексики	С.частотность			Представимость			Знакомство с концептом			Возраст усвоения		
		me ea n	med iana	st.de viatio n	me an	me dia na	st.d evi ati on	me an	me dia na	st.d evi ati on	me an	me dia na	st.d evi atio n
1	Культурно-значимые слова	3,3	3,4	0,5	4,3	4,4	0,4	4,3	4,4	0,3	2	2,2	0,2
2	Зоонимы	3,1	3,07	0,4	4,4	4,4	0,1	4,4	4,4	0,2	1,9	1,9	0,1
3	Бытовая лексика (тув)	4	4	0,8	4,5	4,5	0,07	4,6	4,6	0,07	1,7	1,6	0,2
4	Бытовая лексика (рус)	3,9	4	0,6	4,5	4,5	0,1	4,6	4,5	0,2	1,9	2	0,2
5	Повседневная лексика	3,7	3,7	0,5	4,5	4,6	0,2	4,5	4,6	0,2	1,9	1,9	0,2

«Сравнение средних значений и медианных значений в каждой группе по каждому параметру показывает, что по ПП “Субъективная частотность” мы наблюдаем наименьшие значения в группах названий животных и культурно-

² Колмогорова, А.В. Нейросемантические характеристики употребительных слов тувинского языка через призму комплексного психолингвистического эксперимента / А.В. Колмогорова, А.А. Натпит // Новые исследования Тувы. – 2023. – № 1. – С. 170–185. – DOI 10.25178/nit.2023.1.10. – EDN BOHWPK.

значимых слов; самые высокие – в группе “бытовая лексика”, а в группе бытовой лексики тувинского языка – наибольшее значение стандартного отклонения для всей измеряемой выборки, т.е. значения частотности этих слов распределены весьма неравномерно.

Значения ПП “Представимость” достаточно высокие во всех группах, но выше всего в группе повседневной лексики. А самые низкие значения имеют культурно-значимые слова, у которых также самые высокие значения стандартного отклонения по этому параметру» [Колмогорова, Натпит, 2023, с. 180].

«Самые высокие средние и медианные значения параметра “Знакомство с концептом” при одновременно низких значениях стандартного отклонения имеют тувинские слова из группы “бытовая лексика”. В то же время в этой же группе самые низкие значения ПП “Возраст усвоения”. Самые высокие значения по ПП “Возраст усвоения” приходятся на культурно-значимые слова» [Колмогорова, Натпит, 2023, с. 181].

«Рассмотрим также корреляции между психолингвистическим параметром “Субъективной частотности” и остальными ПП, а также корреляции представимости и знакомства с концептом, которые существуют в каждой из групп» [Колмогорова, Натпит, 2023, с. 181] (рис.69).

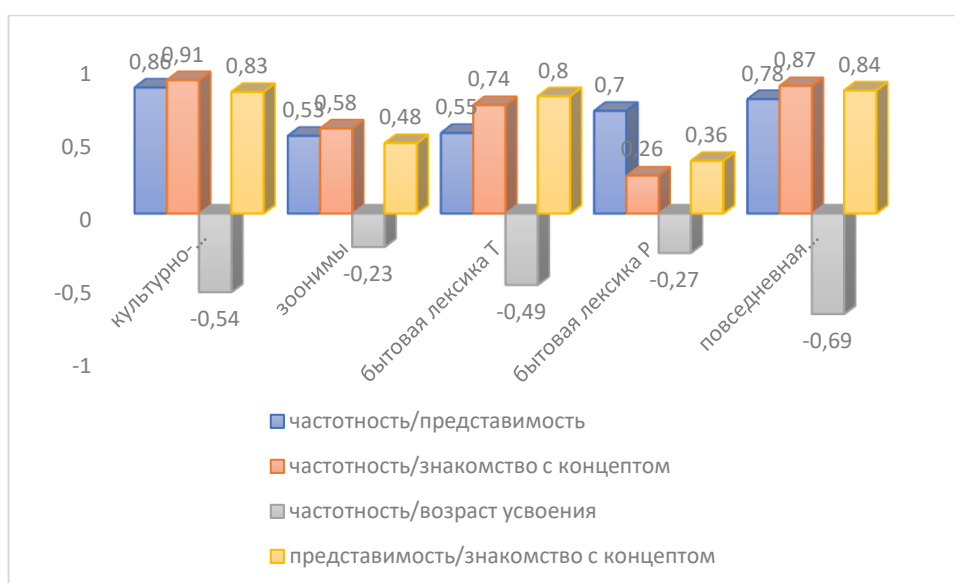

Рисунок 69 – Результаты коррелятивного анализа четырёх параметров в пяти группах существительных

Рассмотрим силу корреляций по шкале Чеддока: «среди обратных корреляций, выявленных между ПП “частотность” и “возраст усвоения”, заметная связь между ПП существует только в группе бытовой лексики (чем раньше усвоено слово, тем оно частотнее).

Что касается прямых корреляций, то многие наши наблюдения, полученные при качественном анализе, подтверждаются статистически.

Таким образом, в группах культурно-значимых слов и повседневной лексики мы видим важную роль ПП “Знакомство с концептом”, который коррелирует как с частотностью, так и представимостью. Как мы уже отмечали, если принять во внимание, что культурно-значимые слова имеют низкую частотность, а повседневная лексика – высокую, то наша гипотеза о безноминальной природе объектов ценностной картины мира, особенно сакрального, подтверждается: они усваиваются через опыт коммуникативных событий, а не через речевые навыки. В этом случае слово служит лишь для “закрепления» опыта. Но в повседневной лексике связь имени (слова) и объекта очень сильна – в традиции нейросемантики такой механизм называется “референциальной семантикой”» [Колмогорова, Натпит, 2023, с. 182].

Внутри группы зоонимов ПП слабо взаимозависимы. Мы считаем, что «причиной этого является опосредованность опыта взаимодействия с конкретными контекстами этих слов через вторичные семиотические коды.

Интересны различия, возникающие в группах названий предметов быта в тувинском и русском языках: если в первом языке мы видим сильную связь между знакомством с концептом, с одной стороны, и представимостью, а также частотностью – с другой, то у русских слов эти корреляции слабые, а связь между частотностью и представимостью видится сильной. Получается, что если для тувинских слов этой группы важен элемент опыта взаимодействия с предметом, то для русских – частотность слова в речи и того, насколько легко/трудно представить себе денотат слова)» [Колмогорова, Натпит, 2023, с. 182].

2.5. Модель фрагмента ментального лексикона тувинско-русского билингва (на основе изученной выборки)

В данном параграфе мы на основе изученной выборки представляем модель фрагмента ментального лексикона тувинско-русского билингва.

С целью выявления слов, находящихся в ядре ментального лексикона, все слова в каждой из тематических подвыборок были ранжированы по критерию значений 5 ПП: субъективная частотность слова, представимость, знакомство с концептом, устойчивость номинации, возраст усвоения. По формуле «максимальное значение 3 ПП (субъективная частотность, представимость, знакомство с концептом) + минимальное значение 2 ПП (устойчивость номинации, возраст усвоения)³ были определены интервалы значений ПП для слов, входящих в ядро ($7.5 \leq 5.1$); околоядерную зону ($5.0 \leq 3.3$), ближнюю ($3.2 \leq 2$), и дальнюю периферию (≤ 1.9).

52 слова, входящие в ядро МЛ: *ноутбук, соңга* ('окно'), *хой* ('баран'), *огурец, хөл* ('озеро'), *кадарчы* ('пастух'), *перец, аржсыыл* ('полотенце'), *помидор, хем* ('река'), *ручка, хаван* ('свинья'), *ыт* ('собака'), *стакан, сумка, телевизор, башкы* ('учитель'), *флешка, фонарь, хлеб, щётка, яблоко, чуурга* ('яйцо'), *тыва, арт* ('перевал'), *артыш* ('можжевельник'), *ада* ('отец'), *хөөмей* ('горловое пение'), *ие* ('мать'), *чодураа* ('черёмуха'), *хам* ('шаман'), *кадак* ('белая лента для подношений'), *акша* ('деньги'), *одаг* ('костёр'), *машина, чемнениир* ('есть'), *кылаштаар* ('идти, ходить'), *боданыыр* ('думать'), *көөр* ('смотреть'), *олураар* ('сидеть'), *ынак болур* ('любить'), *саннаар* ('считать'), *бижиир* ('писать'), *турар* ('стоять'), *бээр* ('давать'), *халыыр-маңнаар* ('бегать'), *ойнаар* ('играть'), *номчуур* ('читать'), *машина мунар* ('водить'), *удуур* ('спать'), *ижер* ('пить').

В околоядерной зоне находится 61 слово: *чинчи* ('бусы'), *кухня, ванная, варенье, терге* ('велосипед'), *веранда, теве* ('верблюд'), *самолёт, идик* ('обувь'),

---

³ 5+5+5+0+0/2

хадың ('берёза'), билет, серээ ('вилка'), эмчи ('врач'), мойнаргаар ('шарф'), хүреш ('национальная борьба'), чечек ('цветок'), бөрү ('волк'), чаш ('волосы'), гитара, эжик ('дверь'), орук ('дорога'), дурилаг, души, шиви ('ель'), жалюзи, жвачка, жилет, журнал, завод, зажигалка, шооча ('замок'), сылдыс ('звезда'), алдын ('золото'), календарь, зонт, капуста, карандаш, карта, паи ('кастрюля'), хевис ('ковёр'), ном ('книга'), өшкү ('коза'), колбаса, коляска, коридор, хааржак ('коробка'), инек ('корова'), дшис ('кот'), койгун ('заяц'), крыша, дагаа ('курица'), куртка, чурук ('рисунок'), арга ('лес'), дилги ('лиса'), арын ('лицо'), масло, адыг ('медведь'), сүт ('молоко'), бижсек ('нож').

В зоне ближайшей периферии находятся слова: аът ('лошадь'), бажың ('дом'), чылгы ('табун'), өг ('юрта'), дьт ('лиственница'), сарлык ('як'), лама, өг-бүле ('семья'), дээр ('небо'), сүрүг мал ('отара'), хүн ('солнце'), ай ('месяц'), даг ('гора'), стол, сандай ('стул'), телефон, автобус, апельсин, аптека, банан, бассейн, батарея.

В зоне дальней периферии находятся: халдыр ('ехать'), тудар ('держать'), ырлаар ('петь'), кыйгырар ('звать'), хүлүмзүрер ('улыбаться'), ыглаар ('плакать'), чугаалажсыыр ('разговаривать'), долгаар ('звонить'), ажыдар ('открывать'), ужар ('летать'), хеп чуур ('стирать'), чем кылыр ('готовить еду'), муңгараар ('грустить'), чурук тыттырар ('фотографировать'), хой кадарар ('пасти'), чоруур ('уходить').

Таким образом, был проведён анализ данных и на его основе подготовлена модель фрагмента МЛ тувинско-русского билингва.

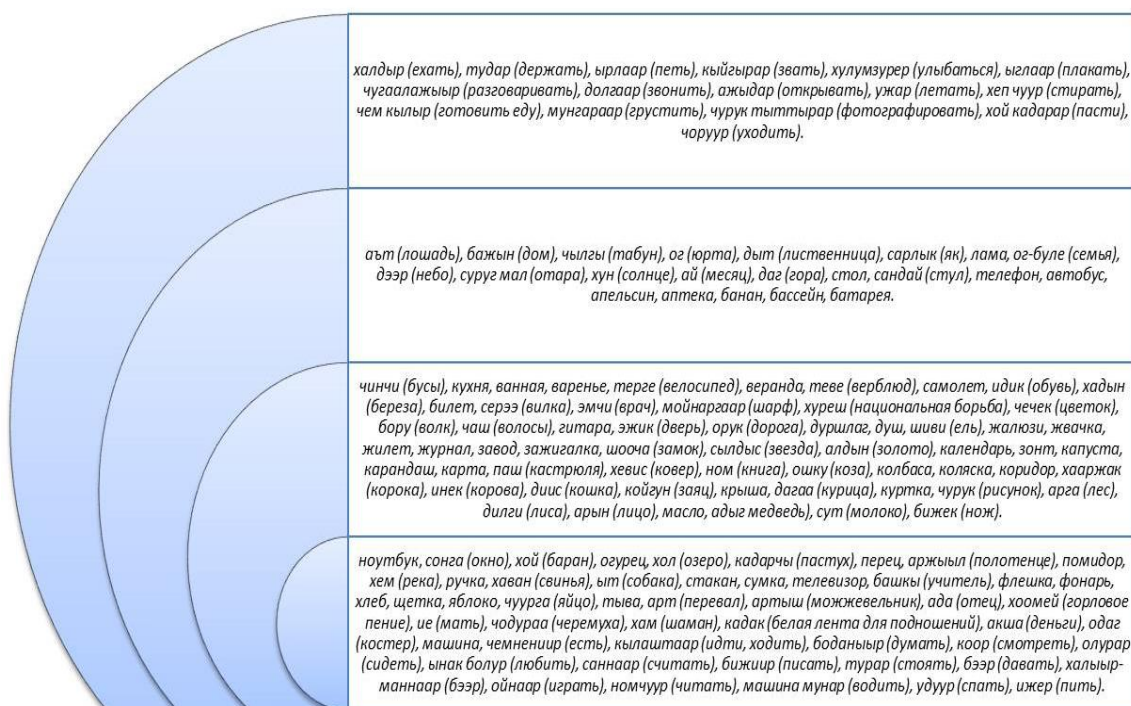

Рисунок 70 – Ядро, околоядерная зона и периферия моделируемого фрагмента ментального лексикона тувинско-русского билингва

На рисунке 70 представлена модель фрагмента ментального лексикона тувинско-русского билингва, средний возраст которого 22.6 года. Слова во внутреннем (самом маленьком) круге представляют собой ядро МЛ. Далее, во втором круге, представлены слова околоядерной зоны. В третьем – ближайшей периферии. В самом большом четвёртом круге представлены слова дальней периферии.

ВЫВОДЫ ПО 2 ГЛАВЕ

Таким образом, проанализировав все ПП тувинских и русских слов в языковом сознании тувинцев-билингвов в практической части нашей работы, мы выявили, что из всех 4 групп употребительных существительных тувинского языка наиболее высокие значения (соответственно самые низкие для таких ПП как «Возраст усвоения» и «Устойчивость номинации (Н)») наблюдаются у группы существительных, обозначающих предметы быта (в пределах дома). Предположительно, это связано с тем, что респонденты в своей повседневной жизни сталкиваются с ними чаще всего.

Наименьшие значения встречаются у культурно-значимых слов. Возможно, это связано с тем, что некоторые из них уже переходят в разряд устаревших, тувинцы уже не так часто встречаются с ними в повседневной жизни. В связи с процессом урбанизации в республике тувинский народ – издревле считавшийся кочевым – осел в деревнях и в городах. Как следствие – из тувинского языка уходят такие слова, как *одаг* ('разведение небольшого костра в открытой местности), *сүрүг мал* ('скот, за которым надо ходить и пасти его), *арт* ('перевал, место для поклонения хозяину местности путниками), что и подтверждается низкими значениями у некоторых существительных.

Значения ПП русских слов, функционирующих в речи билингвов на тувинском языке, очень высокие. По значениям частотности они превышают значения тувинских существительных. В основном, это можно объяснить тем, что русские слова обозначают предметы, наименований которых нет на тувинском языке: *флешка*, *телефон*, *ноутбук*, *стол* (у тувинцев не было понятия стола, появилось после контакта с русскоязычным населением), *батарея*, *бассейн* и др. Некоторые из них даже вытеснили тувинские эквиваленты: *ложка* – *шопулак*, *ручка* – *демир-үжүк*, *машина* – *демир-аът*. Данные наблюдения свидетельствуют о том, что в республике идёт процесс развития активного билингвизма.

У ПП глаголов все значения более высокие (более низкие – в случае с ПП «Возраст усвоения»), по сравнению с существительными, однако эта группа стимулов показывает наименьшие значения по ПП «Устойчивость номинации» – информантам трудно соотнести картинку с одной лексемой, поскольку семантика глагола передаёт, как правило, комплексную денотативную ситуацию.

Следует отметить также, что ПП «Субъективная частотность» всех стимулов сильно коррелирует с ПП «Знакомство с концептом». Между ПП «Возраст усвоения» и «Представимость» отмечена средняя корреляция. Иначе говоря, слова, обозначающие хорошо знакомые носителям языка объекты и явления, а также рано усвоенные, будут чаще использоваться носителями. Кроме того, чем раньше слово усвоено, тем чётче у носителя тувинского языка (билингва) представление о его денотате.

Сильная корреляция отмечается также у ПП «Представимость» и «Сходство образа с рисунком», с одной стороны, и «Знакомство с концептом» и «Сходство образа с рисунком», с другой: носители склонны оценивать как более похожие на мысленный образ изображения объектов, которые им хорошо знакомы и которые легко представить. Однако интересно то, что эта корреляция ослабевает в одной группе – группе повседневной лексики, номинирующей хорошо знакомые объекты повседневной жизни. Здесь оказалось, что в силу того, что такие объекты очень хорошо знакомы респондентам, детализированное представление об экземпляре, хранящееся в памяти, препятствует типизации – респонденты указывают на то, что изображения мало похожи на то, что они себе представляют.

Таким образом, полученные результаты позволяют нам сделать следующие выводы, определяющие направление нашей дальнейшей практической работы: при составлении упражнений для первого этапа речевой терапии при афазии у тувинско-русских билингвов следует отобрать существительные тувинского языка из лексики, обозначающей предметы быта (в пределах дома), а также общеупотребительные русские слова, используемые

тувинцами в процессе общения на родном языке, у которых ПП «Субъективная частотность» выше значения 4,5, поскольку экспериментально доказано, что пациентам будет легче восстановить при речевой реабилитации слова с высокой частотностью в речевой практике. Кроме того, не следует забывать о других ПП, например, «Возраст усвоения». Использование слов, усвоенных пациентами в раннем детстве, увеличит эффективность восстановления речи у тувинцев-билингвов.

Опираясь на полученные результаты, мы разработали фрагмент модели ментального лексикона, локализовав в ней параметризованные слова. В данной модели выделены следующие зоны: ядро, околоядерная зона, ближняя и дальняя периферия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В теоретической части нашей работы были рассмотрены определения понятия «языковая ситуация», её типы, классификации, а также языковая ситуация в Республике Тыва, описаны теоретические основы экспериментального исследования языкового сознания тувинско-русских билингвов.

На основе анализа литературы языковую ситуацию в Республике Тыва мы можем определить как многокомпонентную, для которой характерно активное развитие тувинско-русского билингвизма.

Поскольку процессы взаимодействия двух языков происходят активно как в рамках социума, так и в рамках индивидуального языкового сознания, следует отметить, что несмотря на ряд уже проведённых масштабных экспериментов, психолингвистическая реальность тувинской лексики всё ещё нуждается в описании.

В данной работе нами была дана попытка описать специфику бытования лексических единиц тувинского языка в языковом сознании его носителей-билингвов (на примере сформированной нами выборки): в отсутствие частотного словаря тувинского языка разработана методика отбора стимульного материала из преимущественно тувинских, а также частично – русских слов, частотных в речи тувинцев на родном языке; методика апробирована на значительной когорте информантов; получен своего рода «срез» психолингвистической реальности языкового сознания современных тувинско-русских билингвов молодого поколения (средний возраст – 22.6 года).

Проведена экспериментальная работа по выявлению ПП 102 слов тувинского языка и 40 – русского, из числа слов, активно употребляемых тувинцами в речи на тувинском языке.

Каждая группа существительных проявила свою специфику ПП, что даёт нам косвенную информацию о нейросемантических особенностях слов и о влияющих на них экстралингвистических факторах.

Проведённый статистический анализ распределений значений каждого из ПП показал, что использованный нами метод сбора стимулов оказался эффективным: все значения ПП слов в выборке релевантны.

Кроме того, доказал свою обоснованность применённый нами принцип сегментации стимульного материала: выявлены существенные различия в средних значениях ПП слов разных групп (культурно-значимые слова, зоонимы, повседневная, бытовая лексика), что позволило получить информацию о нейросемантических особенностях слов и экстралингвистических факторах, которые влияют на них. В итоге, полученные результаты указывают на изменения в картине мира молодых тувинцев, происходящие в связи с трансформациями их традиционного уклада жизни, быта, повседневных привычек и моделей поведения, в том числе – языкового.

Так, в группе культурно-значимых слов низкие значения ПП субъективной частотности дают основание полагать, что слова, связанные с традиционным кочевым образом жизни, постепенно теряют когнитивную выделенность в связи с изменениями в образе жизни тувинцев: лексемы, связанные со скотоводческой культурой, имеют наиболее низкие значения ПП. Основу психолингвистического значения данных слов составляет эмоционально подкреплённый сенсомоторный опыт, полученный благодаря участию в социальных практиках, формирующих национальную идентичность, но одновременно обладающих свойством не-номинативности: участие в национальных праздниках, ритуалах, церемониях. Следует также отметить, что высокие значения частотности, представимости, сходства образа с рисунком имеют те культурно-значимые лексемы, которые называют ритуалы, ещё сохранившиеся в семейной жизни.

У группы зоонимов значение ПП «Представимость» оказывается выше, чем у других ПП, поскольку психолингвистическое значение данных слов

фундировано в зрительном восприятии. Однако ПП зоонимов практически не имеют между собой значимых корреляций. По-видимому, это связано с тем, что формирование ПП данных слов происходит с помощью опосредованных вторичных символических кодов – через рисунки, фильмы, мультфильмы, мемы, а не через непосредственное зрительное восприятие.

Повседневная лексика демонстрирует высокие значения ПП субъективной частотности. Данная группа слов показывает также высокую корреляцию с другим ПП – «Возраст усвоения». Наиболее частотны те слова, которые рано усваиваются респондентами в кругу семейного общения, которое преимущественно организуется на родном языке.

В ходе анализа результатов эксперимента также выяснилось, что на ПП повседневной лексики больше всего влияет конкуренция слов родного и неродного языков. Формальным признаком «победы» слов русского языка в этом соревновании являются более низкие значения всех или большей части ПП тувинских слов по сравнению с русским словом-конкурентом, у которого одновременно хорошо заметно увеличение значений ПП «Устойчивость номинации». В целом для русских слов-стимулов значения всех ПП оказались сопоставимы со значениями групп тувинских слов, хотя последние имеют самый ранний возраст усвоения.

Все значения всех ПП в группе глаголов очень высоки, иногда даже опережают значения ПП групп существительных. Однако у глаголов ПП «Устойчивость номинации» ниже, чем у других групп лексики, что целиком связано с семантикой глагольной лексики и грамматическими и морфологическими особенностями тувинского языка (доминируют глаголы-полисеманты).

Анализ корреляций между разными ПП позволяет утверждать, что когнитивный статус слова в ментальном лексиконе тувинцев-билингвов определяется в основном двумя параметрами: знакомством с концептом, номинируемым данным словом, и возрастом усвоения самого слова. Остальные

характеристики – частота употребления в речи, представимость денотата, сходство образа с рисунком – зависят от них.

Таким образом, проведённый психолингвистический эксперимент позволил нам достичь поставленной цели – получить информацию о психолингвистических параметрах пяти групп существительных, используемых в речи на тувинском языке у 145 сбалансированных тувинско-русских билингвов. На основе полученных результатов мы воссоздали фрагмент модели ментального лексикона, локализовав в ней параметризованные слова. В данной модели выделяются следующие зоны: ядро, околоядерная зона, ближняя и дальняя периферия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аврорин, В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка: к вопросу о предмете социолингвистики / В.А. Аврорин; АН СССР. Институт языкознания. – Ленинград: Наука, 1975. – 276 с.

2. Агибалов, А.К. Вероятностная организация внутреннего лексикона человека: специальность 10.02.01 «Русский язык»: автореф. дис. ...канд. филол. наук / Агибалов Анатолий Константинович; С.-Петерб. гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 1995. – 18 с.

3. Акинина, Ю.С. Оценка эффективности терапии названия при афазии как контролируемый лингвистический эксперимент / Ю.С. Акинина, О.В. Драгой. – Текст : электронный // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2013. – № 3. – С. 86–100.

4. Акинина, Ю.С. Библиотека психолингвистических стимулов: новые данные для русского и татарского языков / Ю.С. Акинина, М.А. Грабовская, А.М. Вечкаева [и др.] // Седьмая международная конференция по когнитивной науке: тезисы докладов. Светлогорск, 20–24 июня 2016 года. – Светлогорск: Институт психологии РАН, 2016. – С. 93–95.

5. Акинина, Ю.С. Библиотека стимулов «Существительное и объект»: нормирование психолингвистических параметров / Ю.С. Акинина, Е.В. Искра, М.В. Иванова [и др.] // Шестая международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов. Калининград, 23–27 июня 2014 г. / Под общ. ред. А.А. Кибрика и др. Вып. 6. – Калининград: [б.и.], 2014. – С. 112–114.

6. Арефьев, А.Л. Проблемы билингвизма в системе школьного языкового образования Республики Тыва [Электронный ресурс] / А.Л. Арефьев, У.М. Бахтикиреева, В.П. Синячкин. – Текст : электронный // Новые исследования Тувы. – 2021. – № 1. – С. 255–272.

7. Астаева, А.В. Нейропсихологическая характеристика нарушений речи при острых нарушениях мозгового кровообращения и проблемы их

классификации в отечественной и зарубежной нейропсихологии / А.В. Астаева, Н.В. Епанешникова. – Текст: электронный // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. – 2012. – № 6 (265). – С. 73–79.

8. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: «Советская энциклопедия», 1966. – 605 с.

9. Ахутина, Т.В. Нейролингвистический анализ лексики, семантики и прагматики / Т.В. Ахутина. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 424 с.

10. Бавуу-Сюрюн, М.В. Тувинский язык на современном этапе [Электронный ресурс] / М.В. Бавуу-Сюрюн. – Текст : электронный // Новые исследования Тувы. – 2010 – № 3. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/500> (дата обращения: 9.02.2019).

11. Бавуу-Сюрюн, М.В. Русизмы в диалектах тувинского языка [Электронный ресурс] / М.В. Бавуу-Сюрюн, М.В. Ондар. – Текст : электронный // Новые исследования Тувы. – 2013. – № 4. – С. 39–44.

12. Бавуу-Сюрюн, М.В. Экстралингвистические факторы, обусловившие формирование диалектов и говоров тувинского языка / М.В. Бавуу-Сюрюн // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири: Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции, Абакан, 01–02 октября 2020 года. – Абакан: Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, 2020. – С. 9–14.

13. Багана, Ж. Контактная лингвистика. Взаимодействие языков и билингвизм / Ж. Багана, Е.В. Хапилина. – 2-е изд., стер. – М.: Флинта, 2016. – 126 с.

14. Багироков, Х.З. Билингвизм: теоретические и прикладные аспекты: на материале адыгейского и русского языков: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Багироков Хазрет Заурбечевич; Кубанский государственный университет. – Краснодар, 2005. – 426 с.

15. Байкалова, Е.Д. Обучение грамматике английского языка в условиях тувинско-русского двуязычия / Е.Д. Байкалова, М.К. Артына // Вестник: Педагогические науки. – 2018. – № 4. – С. 82–89.
16. Баринаова, И.А. О некоторых особенностях языковой личности билингва / И.А. Баринаова, О.А. Нестерова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота.– 2015. – № 4-1 (46). – С. 26–29.
17. Баринаова, И.А. Психолингвистические проекты в регионах России: моделирование ментального лексикона в условиях билингвизма / И.А. Баринаова, Т.И. Доценко, И.Г. Овчинникова, Т.Н. Чугаева // Вопросы психолингвистики. – 2019. – № 2 (40). – С. 186–199.
18. Бацанова, С.В. Опрос как метод исследования в технических науках / С.В. Бацанова, Д.А. Кузнецова // Экономика. Общество. Человек: межвузовский сборник научных трудов, Белгород, 01–30 мая 2013 года. – Белгород: Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, 2013. – С. 213–217.
19. Белл, Э. Методы социальных исследований. Группы, организации, бизнес (Business Research Methods) / Э. Белл, А. Браймен. – Харьков: Гуманитарный центр, 2012. – 776 с.
20. Белов, В.А. Семантические исследования организации и функционирования ментального лексикона/ В.А. Белов // Научный диалог. – 2020. – № 8. – С. 29–51.
21. Биче-оол, В.К. Танцевальная культура тувинцев / В.К. Биче-оол. // Официальный портал Республики Тыва: [сайт]. – URL: <https://rtyva.ru/region/culture/1329/> (дата обращения: 29.04.2023).
22. Блажевич, Ю.С. Лексическая интерференция в условиях языкового контакта: на материале языка русских эмигрантов в Португалии: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Блажевич Юлия Сергеевна; Белгород. гос. нац. исслед. ун-т. – Белгород, 2011. – 170 с.

23. Боргоякова, Т.Г. Социолингвистические процессы в республиках Южной Сибири / Т.Г. Боргоякова. – Абакан: Издательство Хакас. гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2002а. – 166 с.
24. Боргоякова, Т.Г. Развитие социальных функций государственных тюркских языков Республик Южной Сибири: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Боргоякова Тамара Герасимовна; Институт языкознания РАН. – Москва, 2002б. – 37 с.
25. Боргоякова, Т.Г. Развитие билингвизма в республиках Тыва и Хакасия [Электронный ресурс] / Т.Г. Боргоякова. – Текст : электронный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 7-1 (25). – С. 36–39.
26. Боргоякова, Т.Г. Тувинский язык в правовом и функциональном измерении [Электронный ресурс] / Т.Г. Боргоякова, А.Н. Биткеева. – Текст : электронный // Новые исследования Тувы. – 2020. – № 1. – С. 50–60. DOI 10.25178/nit.2020.1.4.
27. Буб, А.С. Когнитивная обработка биномиалов русского языка тюркско-русскими билингвами / А.С. Буб, Е.Д. Артёменко. Текст : электронный // Язык и культура. – 2019. – № 48. – С. 32–45.
28. Бурятско-русский билингвизм: психолингвистический аспект / П.П. Дашинамаева, Г.А. Дырхеева, Ж.Б. Жалсанова, Э.В. Хилханова. – Улан-Удэ: Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН, 2010. – 166 с. – ISBN 978-5-7925-0292-5.
29. В Туве разработана программа по развитию яководства. – Текст: электронный // Официальный портал Республики Тыва: [сайт]. – URL: https://rtyva.ru/press_center/news/agriculture/10866/ (дата обращения: 2.12.2022).
30. Вахтин, Н.Б. Условия языкового сдвига (к описанию современной языковой ситуации на Крайнем Севере) / Н.Б. Вахтин // Вестник молодых учёных. Серия: Филологические науки. – 2001а. – № 1. – С. 11–16.

31. Вахтин, Н.Б. Языки народов Севера в XX веке: очерки языкового сдвига / Н.Б. Вахтин. – Санкт-Петербург: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2001b. – 338 с.
32. Вахтин, Н.Б. Социоллингвистика и социология языка / Н.Б. Вахтин, Е.В. Головкин. – СПб.: Издательский центр «Гуманитарная академия», Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2004. – 336 с.
33. Верещагин, Е.М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма) / Е.М. Верещагин. – М.: Изд-во Московского университета, 1969. – 160 с.
34. Верещагин, Е.М. Язык и культура / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Индрик, 2005. – 1040 с.
35. Виноградов, В.А. Социоллингвистическая типология (Западная Африка) / В.А. Виноградов, А.И. Коваль, В.Я. Порхомовский. – 1-е изд. – М.: Наука, 1984. – 136 с.
36. Воронцов, К.А. Влияние психоллингвистических характеристик слов на протекание ассоциативных процессов / К.А. Воронцов, А.А. Григорьев. – Текст : электронный // Экспериментальная психология. – 2019. – Т. 12, № 1. – С. 119–125.
37. Выготский, Л.С. Мышление и речь / Л.С. Выготский. – 1-е изд. – М.: Лабиринт, 1934. – 590 с.
38. Глаголы и существительные [Электронный ресурс] // Библиотека стимулов: [сайт]. – URL: <http://stimdb.ru/> (дата обращения: 01.02.2019).
39. Голикова, Т.А. Алтайско-русский ассоциативный словарь = Алтай-орус ассоциативный сөзлик / Т.А. Голикова. – М.: ООО «Директмедиа Паблишинг», 2019. – 886 с.
40. Гольдин, В.Е. К типологии ассоциативных словарей русского языка / В.Е. Гольдин, А.П. Сдобнова // Вопросы психоллингвистики. – 2008а. – № 7. – С. 118–122.
41. Гольдин, В.Е. Русская ассоциативная лексикография / В.Е. Гольдин, А.П. Сдобнова. – Саратов: Научная книга, 2008b. – 77 с.

42. Горошко, Е.И. Языковое сознание: Ассоциативная парадигма: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Горошко Елена Игоревна; Ин-т языкознания РАН. – М., 2001. – 287 с.
43. Горячева, М.А. Типология языковых ситуаций: Российская Федерация: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Горячева Мария Александровна; Российская Академия Наук, Институт Языкознания РАН. – Москва, 2003. – 210 с.
44. Государственная программа Республики Тыва «Развитие русского языка на 2014–2020 годы» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [сайт]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/424074858> (дата обращения: 13.01.2023).
45. Государственная программа Республики Тыва «Развитие тувинского языка на 2017–2020 годы» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/446197328> (дата обращения: 13.01.2023).
46. Государственная программа Республики Тыва «Развитие государственных языков 2021–2024 годы» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [сайт]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/446197328> (дата обращения: 15.01.2023).
47. Гридина, Т.А. Методы психолингвистических исследований: теория, практикум, тренинги / Т.А. Гридина, Н.И. Коновалова. – 2-е изд. – М.: Флинта, 2021. – 360 с.
48. Даминова, Р.А. Ассоциативная структура значения и фонетическая значимость слова: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Даминова Розалия Ахметовна; Башкир. гос. ун-т. – Уфа, 2010. – 200 с.
49. Дырхеева, Г.А. Бурятский язык: современное состояние (социолингвистический аспект): коллективная монография / Г.А. Дырхеева, Б.Ж. Будаев, Т.П. Бажеева; Отв. ред. В.И. Рассадин. – Улан-Удэ: Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН, 1999. – 143 с. – ISBN 5-7925-0043-6.

50. Дырхеева, Г.А. Языковые установки и языковая лояльность носителей малых языков в условиях национально-русского двуязычия (на примере бурят и тувинцев) [Электронный ресурс] / Г.А. Дырхеева, Ч.С. Цыбенова // Новые исследования Тувы. – 2020а. – № 1. – С. 5. DOI 10.25178/nit.2020.1.5.
51. Дырхеева, Г.А. Бурятский язык в условиях двуязычия: особенности трансформации языкового сознания (по результатам ассоциативного эксперимента) / Дырхеева, Г.А. – Улан-Удэ: Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН, 2020б. – 236 с.
52. Дырхеева, Г.А. Бурятский язык: современное состояние, проблемы и перспективы / Г.А. Дырхеева. – Текст: электронный // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2021. – № 1 (34). – С. 44–56. – DOI 10.25693/SVGV.2021.34.1.005.
53. Журавель, Т.Н. Этноязыковая ситуация в Усинской долине Красноярского края: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Журавель Тамара Николаевна; Сибирский федеральный университет. – Красноярск, 2016. – 171 с.
54. Залевская, А.А. Слово в лексиконе человека: психолингвистическое исследование / А. А. Залевская. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1990. – 208 с.
55. Залевская, А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст. Избранные труды. / А.А. Залевская. – М.: Гнозис, 2005. – 543 с.
56. Заморщикова, Л.С. Якутский ассоциативный словарь / Л.С. Заморщикова. [Электронный ресурс] // Ассоциативный якутский словарь [сайт]. – URL: <http://adictsakha.nsu.ru/dictback#> (дата обращения: 05.07.2019).
57. Зекиева, П.М. Модели ментального лексикона и особенности ментального лексикона билингва / П.М. Зекиева. Текст : электронный // Язык и литература в образовательном и культурном пространстве юга России и Кавказа: Материалы Второй международной научно-практической конференции, Грозный, 22–24 ноября 2019 года / Чеченский государственный

педагогический университет. Том 2. – Грозный: Изд-во ЧГПУ, 2019. – С. 498–502.

58. Золотова, Н.О. Специфика ядра лексикона носителя английского языка (на материале «Ассоциатив. тезауруса англ. яз.»): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Золотова Наталия Октябревна; Одесский государственный университет. – Одесса, 1989. – 16 с.

59. Золотова, Н.О. Ядро ментального лексикона человека как естественный метаязык: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Золотова Наталия Октябревна; Тверской государственный университет. – Тверь, 2005. – 306 с.

60. Золотова, Н.О. Синергетика в когнитивном поле: деятельность сознания и поведение ментального лексикона [Электронный ресурс] / Н.О. Золотова // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. – 2009. – № 9. – С. 136–141.

61. Иванова, Н.И. Языковая ситуация в Республике (Саха) Якутия: якутский язык в условиях языковой неоднородности (этносоциопсихолингвистический аспект): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Иванова Нина Иннокентьевна; ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет». – Якутск, 2021. – 375 с.

62. Исаев, М.И. Языковое строительство в СССР: процессы создания письменности народов СССР / М.И. Исаев. – М.: Наука, 1979. – 353 с.

63. Калиновская, Е.А. Эрративный компонент ментального лексикона искусственного билингва / Е.А. Калиновская, А.С. Кобышева // Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 2-х ч. – Тамбов: Грамота. Ч. I. – 2014. – № 9 (39). – С. 72–75.

64. Кан, В.С. Тувинский язык и письменность в общественном мнении кызылчан [Электронный ресурс] / В.С. Кан // Плюс Информ: [сайт]. URL: <http://plusinform.ru/main/1669-sotsiologicheskie-issledovaniya.html> (дата обращения: 12.12.2019).

65. Катанов, Н.Ф. Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам

тюркского корня. Т. 1. / Н.Ф. Катанов. – Казань: Типо-литография Императорского университета, 1903. – 832 с.

66. Катунин, Д.А. Статус языков в региональном законодательстве Сибирского федерального округа / Д.А. Катунин. – Текст : электронный // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2010. – № 3 (11). – С. 137–151.

67. Колмогорова, А.В. Функции русского и тувинского языков в общении матери с ребенком в билингвальных семьях / А.В. Колмогорова, О.О. Чыпсымаа // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2019а. – Т. 17, № 2. – С. 115–123.

68. Колмогорова, А.В. Объективные и субъективные параметры слова и успешность его продуцирования в речи пациентов-афатиков / А.В. Колмогорова. Текст : электронный // Вопросы психолингвистики. – 2019б. – № 2 (40). – С. 82–91.

69. Колмогорова, А.В. Место культурно-значимых смыслов в языковом сознании тувинцев-билингвов / А.В. Колмогорова, М.К. Мжельских // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции, Абакан, 01–02 октября 2020 года. – Абакан: Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, 2020. – С. 49–52.

70. Колмогорова, А.В. Психолингвистические параметры русских слов и их визуальных коррелятов в языковом сознании тувинско-русских билингвов: опыт экспериментального исследования [Электронный ресурс] / А.В. Колмогорова. – Текст : электронный // Новые исследования Тувы. – 2021. – № 2. – С. 197–210.

71. Колмогорова, А.В. Нейросемантические характеристики употребительных слов тувинского языка через призму комплексного психолингвистического эксперимента / А.В. Колмогорова, А.А. Натпит. – Текст : электронный // Новые исследования Тувы. – 2023. – № 1. – С. 170–185.

72. Конституция Республики Тыва [Электронный ресурс] // О языках Республики Тыва [сайт]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/802019672> (дата обращения: 13.01.2023).
73. Корниевская, С.И. Доступ к слову при устном продуцировании речи на иностранном языке в ситуации учебного двуязычия: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Корниевская Светлана Игоревна; Тверской государственный университет. – Тверь, 2012. – 19 с.
74. Красных, В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации / В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2001. – 269 с.
75. Кубрякова, Е.С. Язык и знание / Е.С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 556 с.
76. Кубрякова, Е.С. О ментальном лексиконе: лексикон как компонент речевой способности человека / Е.С. Кубрякова // Актуальные проблемы современной лингвистики / Под ред. Л.Н. Чуриловой. – М.: Флинта; Наука, 2011. – С. 327–343.
77. Курилович, О.Ф. Актуальные модели ментального лексикона / О. Ф. Курилович. // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1: Филология. – 2020. – № 1(104). – С. 21–27.
78. Лакофф, Дж. Когнитивная семантика / Дж. Лакофф // Язык и интеллект / Пер. с англ. и нем; сост. В.В. Петров. – М.: Прогресс, 1995. – С. 143–184.
79. Ламажаа, Ч.К. Тува как лимитрофная зона: язык, религия и идентификация населения [Электронный ресурс] / Ч.К. Ламажаа // Новые исследования Тувы. – 2021. – № 3. – С. 178–194.
80. Леонтьев, А.А. Основы психолингвистики / А. А. Леонтьев. – М.: Смысл; СПб.: Лань, 2003. – 84 с.
81. Леонтьев, А.Н. Понятие отражения и его значение для психологии / А.Н. Леонтьев // Вопросы философии. – 1996. – № 12. – С. 48.

82. Леонтьев, А.Н. К теории развития психики ребенка / А.Н. Леонтьев // Вестник практической психологии образования. Т. 9. – 2012. – № 4. – С. 44.
83. Леонтьев, Д.А. Алексей Алексеевич Леонтьев: научная биография / Д.А. Леонтьев, А.А. Леонтьева, Е.Ф. Тарасов. – Текст : электронный // Вопросы психолингвистики. – 2016. – № 1 (27). – С. 10–17. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aleksey-alekseevich-leontiev-nauchnaya-biografiya> (дата обращения: 06.05.2023).
84. Лещенко, Ю.Е. Полевой принцип организации ментального лексикона и сценарии активации полей / Ю.Е. Лещенко // Вопросы психолингвистики. – 2018. – № 1 (35). – С. 39–53.
85. Лопсан, А.П. Лексикографическая и психолингвистическая репрезентация образа матери в разных лингвокультурах / А.П. Лопсан // Мир науки, культуры, образования. – 2018. – № 5(72). – С. 449–451.
86. Лямзина, С.А. Метод моделирования ментального лексикона пациентов с афазией (экспериментальное исследование): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Лямзина Светлана Алексеевна; ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет». – Красноярск, 2022. – 158 с.
87. Ляшевская, О.Н. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка) / О.Н. Ляшевская, С.А. Шаров. – М.: Азбуковник, 2009. – 1087 с.
88. Мечковская, Н.Б. Социальная лингвистика: Пособие для студентов гуманитар. вузов / Н.Б. Мечковская. – 2-е изд., испр. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 207 с.
89. Миклашевский, А.А. Перцептивная и пространственная семантика русских существительных: экспериментальное исследование: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Миклашевский Алексей Алексеевич; Кемеровский государственный университет. – Кемерово, 2018. – 173 с.
90. Мкртычева, Н.С. Билингвизм как тенденция развития современного общества [Электронный ресурс] / Н.С. Мкртычева,

Е.А. Мильцева. – Текст : электронный // Молодой учёный. – 2017. – № 15 (149). – С. 712–714. – URL: <https://moluch.ru/archive/149/42226/> (дата обращения: 08.09.2021).

91. Монгуш, А.Д. Проблемы изучения функционирования русского языка в Туве / А.Д. Монгуш, И.Б. Татаринцев // Русский язык в Туве. – Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1985. – С. 3–15.

92. Монгуш, Б.М. Зоотехническая оценка тувинских лошадей – участников дистанционных пробегов и их совершенствование по рабочим качествам: дис. ... канд. сельскохоз. наук: 06.02.10 / Монгуш Буян Михайлович; Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева. – М., 2010а. – 117 с.

93. Монгуш, Б.М. Клинико-гематологические показатели местных групп лошадей Тывы / Б.М. Монгуш, А.Н. Монгуш, Ю.А. Юлдашбаев // Доклады ТСХА: Сборник статей. Москва, 01 января – 31 января 2010в года. Выпуск 282. Часть I. – М.: РГАУ, 2010. – С. 858–862.

94. Монгуш, Б.М. Некоторые особенности экстерьера тувинских лошадей, выступающих в национальных видах конного спорта Республики Тыва / Б.М. Монгуш, Ю.А. Юлдашбаев // Вестник КрасГАУ. – 2016. – № 5(116). – С. 181–186.

95. Нагель, О.В. Влияние возраста усвоения языковых единиц на обработку морфологически сложных слов (на материале русского языка) / О.В. Нагель, И.Г. Темникова, А.С. Буб // Когнитивные исследования / Отв. ред. Д.В. Ушаков, А.А. Медынцеv. Вып. 7. – М.: Институт психологии РАН, 2017. – С. 39–49.

96. Натпит, А.А. Понятие объективного и субъективного параметров слова / А.А. Натпит // Вестник Тувинского государственного университета. Вып. 1. Социальные и гуманитарные науки. – 2019. – № 2(44). – С. 56–63.

97. Натпит, А.А. Параметр представимости слова в контексте теории прототипов / А.А. Натпит // Современные исследования социальных проблем. – 2020. – Т. 12. – № 4. – С. 155–165.

98. Натпит, А.А. Статус и сферы функционирования тувинского языка на материале научных исследований / А.А. Натпит // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: Сборник материалов VIII (XXII) Международной научно-практической конференции молодых учёных, Томск, 15–17 апреля 2021 года / Отв. ред. А.Г. Кожевникова. Вып. 22. – Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2021а. – С. 108–112.

99. Натпит, А.А. Возраст усвоения русскоязычных слов тувинскими билингвами / А.А. Натпит // Вестник Тувинского государственного университета. Вып. 1. Социальные и гуманитарные науки. – 2021б. – № 4 (84). – С. 67–73.

100. Натпит, А.А. Ассоциативное значение русских слов-стимулов в языковом сознании тувинско-русских билингвов / А.А. Натпит // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. – 2022а. – №3. – С. 142–153.

101. Натпит, А.А. Ментальный лексикон: научный обзор развития и становления понятия / А.А. Натпит // Вестник Тувинского государственного университета. Вып. 1. Социальные и гуманитарные науки. – 2022б. – № 4 (100). – С. 71–79.

102. Натпит, А.А. Психолингвистические параметры «представимости» и «сходства образа с рисунком» тувинских слов: опыт экспериментального исследования / А. А. Натпит // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири: материалы V Международной научной конференции, посвящённой 160-летию со дня рождения выдающегося востоковеда, тюрколога Н.Ф. Катанова, Абакан, 19–20 мая 2022 года. – Абакан: Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, 2022с. – С. 121–122.

103. Натпит, А.А. Специфика психолингвистических параметров «представимость» и «сходство образа с рисунком» тувинских слов в языковом сознании тувинско-русских билингвов / А.А. Натпит // Культура и текст. – 2022d. – № 2 (49). – С. 196–206.

104. Натпит, А.А. Этноязыковая ситуация в республике Тыва / А.А. Натпит // Актуальные проблемы исследования этноэкологических и этнокультурных традиций народов Саяно-Алтая: материалы VII Международной научно-практической конференции, Кызыл, 22–25 июня 2022 года. – Кызыл: ФГБОУ ВО «Тувинский государственный университет», 2022e. – С. 34–36.

105. Натпит, А.А. Языковая ситуация в Республике Тыва: перспективы развития и сохранения тувинского языка / А.А. Натпит // История – язык – литература – культура коренных народов: материалы X Межвузовской конференции молодых исследователей, Москва, 24 мая 2022 года. – М.: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2022f. – С. 98–103.

106. Никольский, Л.Б. Синхронная социолингвистика: теория и проблемы / Л.Б. Никольский. – М.: Наука, 1976. – 168 с.

107. Новиков, Н.В. Специфика и проблемы интервью как техники исследования / Н.В. Новиков // Социальные исследования. Теория и методы. – 1970. – № 5. – С. 138–150.

108. Новицкий, Н.Ю. Особенности функционирования мозга билингов при выполнении речевых и общих когнитивных задач / Н.Ю. Новицкий // Современная зарубежная психология. Т. 5. – 2016. – № 4. – С. 77–84.

109. Огдонова, Ц.Ц. Социолингвистическая и лингвокультурологическая парадигмы интерпретации концепта «Языковая ситуация» / Ц.Ц. Огдонова // Вестник ЧитГУ. – 2009. – № 3 (54). – С. 166–171.

110. Пищальникова, В.А. История и теория психолингвистики. Ч.1. / В.А. Пищальникова. – М.: Ин-т языкознания РАН, Моск. гос. лингв. ун-т., 2005. – 296 с.

111. Пищальникова, В.А. Экспериментальные методики верификации данных ассоциативного поля / В.А. Пищальникова, А.И. Хлопова // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. – 2019. – № 4 (820). – С. 38–50.

112. Пищальникова, В.А. Экспериментальное психолингвистическое исследование значения слова: нерешённые проблемы / В.А. Пищальникова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. – 2020. – Т. 10, № 1. – С. 17–29.

113. Покоякова, К.А. Этнокультурный и гендерный аспекты репрезентации бинарной оппозиции мужчина/женщина в языковом сознании носителей хакасского, русского и английского языков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Покоякова Карина Александровна; Сибирский федеральный университет. – Красноярск, 2017. – 211 с.

114. Резанова, З.И. Моделирование образно-перцептивного компонента языковой семантики при помощи психолингвистической базы данных / З.И. Резанова, А.А. Миклашевский // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2016. – № 5 (43). – С. 71–92. DOI 10.17223/19986645/43/6.

115. Резанова, З.И. Исследование психолингвистических и когнитивных аспектов языкового контактирования в проекте «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур» / З.И. Резанова, Е.Д. Некрасова, А. А. Миклашевский // Русин. – 2018. – № 2 (52). – С. 107–117. – DOI 10.17223/18572685/52/8.

116. Резанова, З.И. Перцептивный компонент семантики существительных, прилагательных, глаголов русского языка в билингвальной перспективе (психолингвистическая база данных RuWordPerception) / З.И. Резанова, Т.Е. Машанло, А.А. Степаненко // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 450. – С. 49–57. DOI 10.17223/15617793/450/6.

117. Резанова, З.И. Влияние билингвизма на восприятие перцептивного компонента семантики имён существительных (на основе психолингвистической базы данных RuWordPerception) / З.И. Резанова, А.А. Степаненко // Первый Национальный конгресс по когнитивным исследованиям,

искусственному интеллекту и нейроинформатике. Девятая международная конференция по когнитивной науке: Сборник научных трудов. В двух частях, Москва, 10–16 октября 2020 года. Ч. 1. – М.: Национальный исследовательский ядерный университет “МИФИ”, 2021. – С. 851–854.

118. Российская психолингвистика: итоги и перспективы (1966–2021): Коллективная монография / Науч. ред. И.А. Стернин, Н.В. Уфимцева, Е.Ю. Мягкова. – М.: Институт языкознания–ММА, 2021. – 626 с.

119. Сайтбатталов, И.Р. Языковая и культурная интерференция в русском языке Башкортостана / И.Р. Сайтбатталов, Д.К. Саяхова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 12 (66). – Ч.2. – С. 163–165.

120. Саломатина, М.С. Психолингвистическое описание значения слова как средство доступа к ментальному лексикону носителя языка / М.С. Саломатина, Г.А. Садик // Язык и национальное сознание: труды теоретико-лингвистической школы в области общего и русского языкознания / Воронежский государственный университет, кафедра общего языкознания и стилистики, Центр коммуникативных исследований, Центрально-Чернозёмное региональное отделение НМС по иностранным языкам. – Вып. 23. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2017. – С. 99–100.

121. Салчак, А.Я. Создание русско-тувинского параллельного подкорпуса электронного корпуса тувинского языка: первые итоги [Электронный ресурс] / А.Я. Салчак, В.С. Ондар // Новые исследования Тувы. – 2020. – № 1. – С. 6.

122. Самдан, З.Б. Устное народное творчество тувинцев – художественная основа тувинской литературы / З.Б. Самдан // История тувинской литературы / Тувинский институт гуманитарных исследований. – Т. 1: Истоки. Литература Тувинской Народной Республики (1921–1944). – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2013. – С. 11–51.

123. Саркисова, Э.В. Модели ментального лексикона билингва / Э.В. Саркисова. – Текст : электронный // Вестник ТвГУ. Серия Филология. – 2012. – №10. Вып. 2. – С. 200–207.
124. Сат, Ш.Ч. Формирование и развитие тувинского национального литературного языка / Ш.Ч. Сат. – Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1973. – 193 с.
125. Свенцицкий, А.Л. Социальная психология / А.Л. Свенцицкий. – М.: Проспект: Велби, 2004. – 336 с.
126. Секерина, И.А. Психоллингвистика (Морфологическая организация и ментальный лексикон) / И.А. Секерина. – Текст : электронный // Фундаментальные направления современной американской лингвистики: сб. обзоров / Под ред. А.А. Кибрика, И.М. Кобозевой, И.А. Секериной. М.: Едиториал УРСС. – 2002. – С. 231–260.
127. Серээдар, Н.М. Тувинский язык как средство общения тувинцев: проблемы и перспективы [Электронный ресурс] / Н.М. Серээдар. – Текст : электронный // Новые исследования Тувы. – 2018, № 1. : [сайт]. – URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/752> (дата обращения: 12.10.2019.). DOI: 10.25178/nit.2018.1.1.
128. Словарь социоллингвистических терминов / Под ред. В.Ю. Михальченко. – М.: 2006. – 312 с.
129. Солоухина, О.А. Психоллингвистические параметры, влияющие на название объектов и действий / О.А. Солоухина, С.И. Щеголева, Е.В. Искра, Ю.С. Акинина, Т.В. Ахутина, М.В. Иванова. – Текст : электронный // Тезисы докладов Седьмой международной конференции по когнитивной науке. Калининград. – 2016. – С. 557–559.
130. Стернин, И.А. Российская психоллингвистика: итоги и перспективы (1966–2021): коллективная монография / И.А. Стернин, Н.В. Уфимцева, Е.Ю. Мягкова и др. – М.: Институт языкознания – ММА, 2021. – 626 с.

131. Тарасов, Е.Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания / Е.Ф. Тарасов // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М.: ИЯ РАН, 1996. – С. 7–22.
132. Тундума, Э.Э. Ассоциативная репрезентация гражданской и этнорегиональной идентичности жителей Республики Тыва / Э.Э. Тундумай // Мир науки, культуры, образования. – 2019. – № 1. – С. 419–420.
133. Уфимцева, А.А. Лексическое значение / А.А. Уфимцева. – М.: Наука, 1986. – 240 с.
134. Федосюткина, Н.С. Психолингвистический подход к изучению ценностных представлений / Н.С. Федосюткина // Вопросы психолингвистики. – 2006. – № 3. – С. 114–127.
135. Фельде, О.В. Тувинский язык в Красноярском крае: опыт социопсихолингвистического исследования / О.В. Фельде, Т.Н. Журавель // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2012. – № 10 (125). – С. 159–163.
136. Фрумкина, Р.М. Психолингвистика / Р.М. Фрумкина. – М.: Академия, 2001. – 320 с.
137. Ханазаров, К.Х. Критерии двуязычия и его причины / К.Х. Ханазаров // Проблемы двуязычия и многоязычия. – М.: Наука, 1972. – С. 119–124.
138. Хачак, Ф.Д. Этноспецифические вкрапления как средство реализации полилингвальной языковой личности (на материале публицистических текстов Рамазана Трахо): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Хачак Фатима Долегчиеревна; Адыгейский государственный университет. – Майкоп, 2019. – 187 с.
139. Хуснутдинова, А.А. Причины и процессы методики обучения билингвизма и инофонии / А.А. Хуснутдинова // Экономика и социум. – 2021. – №11-2 (90). – С. 1118–1129.

140. Цыбенова, Ч.С. Ассоциативный эксперимент в контексте исследования языковой ситуации: на примере Республики Тыва / Ч.С. Цыбенова // Вопросы психолингвистики. – 2013а. – Вып. 17. – С. 180–193.
141. Цыбенова, Ч.С. Современная языковая ситуация в Республике Тыва: социопсихолингвистический аспект: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Цыбенова Чечек Сергеевна; Бурятский государственный университет. – Улан-Удэ, 2013б. – 240 с.
142. Цыбенова, Ч.С. Социальная характеристика языковой ситуации в Республике Тыва / Ч.С. Цыбенова // Oriental Studies. – 2019. – № 3. – С. 460–477.
143. Чажытмаа, А.Б. Синкретизм буддизма и шаманизма в Туве / А.Б. Чажытмаа. – Текст: непосредственный // Новые исследования Тувы. – 2012. – № 2. – С. 129–132.
144. Чиршева, Г.Н. Возрастная билингвология: учебник и практикум для вузов / Г.Н. Чиршева. – 2-е изд. – М.: Изд-во Юрайт, 2019. – 166 с.
145. Шадрина, А.А. Экспериментальное изучение параметров значения слова в условиях учебного билингвизма (на примере лексем Чехия, чех, Россия, русский) / А.А. Шадрина // Омский научный вестник. – 2014. – № 2 (126). – С. 122–125.
146. Швейцер, А.Д. Современная социалингвистика: Теория, проблемы, методы / А.Д. Швейцер. – М.: Наука, 1976. – 174 с.
147. Швейцер, А.Д. Введение в социалингвистику / А.Д. Швейцер, Л. Б. Никольский. – М.: Высшая школа, 1978. – 216 с.
148. Щеглова, И.В. Национально–русское двуязычие в коммуникативном поведении естественных билингвов: характеристики, типы, тенденции: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Щеглова Инна Владимировна; Адыгейский государственный университет. – Майкоп, 2019. – 313 с.
149. Щеголева, С.И. Разработка, апробация и стандартизация психолингвистического теста на название действий и объектов: данные нормы и пациентов с афазией / С.И. Щеголева, Е.В. Искра, Ю.С. Акинина [и

др.] // Когнитивная наука в Москве: новые исследования: материалы конференции, Москва, 16 июня 2015 года / Под ред. Е.В. Печенковой, М.В. Фаликман. – М.: Институт практической психологии и психоанализа, 2015. – С. 498–503.

150. Щерба, Л.В. Языковая система и речевая деятельность / Л.В. Щерба. – Ленинград: Наука, 1974. – 427 с.

151. Ярцева, В.Н. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая рос. энцикл., 1998. – 685 с.

152. Aitchison, J. Words in the Mind: An Introduction to the Mental Lexicon / J. Aitchison. – 3th ed. – Oxford, UK: Blackwell, 2003. – 352 p.

153. Aitchison, J. Words in the Mind: An Introduction to the Mental Lexicon / J. Aitchison. – 4th ed. – Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell, 2012. – 352 p.

154. Aphasic naming in Spanish: predictors and errors / F. Cuetos , G. Aguado, C. Izura, A. W. Ellis // Brain and Language. – 2002. –Vol. 82, Issue 3. – P. 344–365.

155. Begg, I. Concreteness and imagery in sentence meaning / I. Begg, A. Paivio // Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior. – 1969. – № 8 (6). – P. 821–827.

156. Carroll, D. Cognitive, dispositional, and psychophysiological correlates of dependent slot machine gambling in young people. / D. Carroll, J. Huxley // Journal of Applied Social Psychology. – 1994. – №. 24. – P. 1070–1083.

157. Carroll, J.B. Word frequency and age of acquisition as determiners of picture-naming latency / J.B. Carroll, M.N. White // Quarterly Journal of Experimental Psychology. – 1973. – № 25 (1). – P. 85–95.

158. Coltheart, M. The mrc psycholinguistic database / M. Coltheart // Quarterly Journal of Experimental Psychology. – 1981. – № 33 (4). – Pp. 497–505.

159. Connell, L. Strength of perceptual experience predicts word processing performance better than concreteness or imageability / L. Connell, D. Lynott // Cognition. – 2012. – № 125 (3). – P. 452–465. Режим доступа: [Doi.org/10.1016/j.cognition.2012.07.010](https://doi.org/10.1016/j.cognition.2012.07.010)

160. Deese, J. The Structure of Associations in Language and Thought / J. Deese. – Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1965. – 216 p.
161. Dong, Y. Shared and separate meanings in the bilingual mental lexicon / Y. Dong, S. Gui, B. Macwhinney // *Bilingualism: Language and Cognition*. 2005. – 8(3). – P. 221–238. – Doi:10.1017/S1366728905002270
162. Elman, J.L. An alternative view of the mental lexicon / J.L. Elman // *Trends in Cognitive Sciences*, Vol. 8. – 2004. – № 7. – P. 301–306.
163. Ferguson, C.A. Language structure and language use: Essays by Charles Ferguson / C.A. Ferguson. – Stanford: Stanford University Press, 1971. – 328 p.
164. Ferguson, C.A. The Ethiopian Language Area. / C.A. Ferguson // *Language In Ethiopia* / ed. by M.L. Bender, J. D. Bowen, R.L. Cooper, C / A. Ferguson. – Oxford: Oxford University Press, 1976. – P. 63–76.
165. Forster, K.I. Accessing the mental lexicon / K.I. Forster // *New approaches to language mechanisms* / eds. R. Wales, E. Walker (Eds.). – Amsterdam: North-Holland Publ., 1976. – P. 257–287.
166. Gow, D.W. The cortical organization of lexical knowledge: a dual lexicon model of spoken language processing / D.W. Gow // *Brain & Language*. – 2012. – Vol. 121. – P. 273–288.
167. Grigoriev, A. Objective age of acquisition norms for a set of 286 words in Russian: Relationships with other psycholinguistic variables / A. Grigoriev, I. Oshhepkov // *Behavior research methods*. – 2013. – № 45. – P. 1208–1217.
168. Groot, A.M.B. de. Word-Type Effects in Bilingual Processing Tasks: Support for a Mixed Representational System // *The Bilingual Lexicon* / ed. Robert Schreuder and Bert Weltens / *Studies in Bilingualism (SIBIL)* / eds. Kees de Bot & Thom Huebner. Vol. 6. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. – 1993. P. 27–52.
169. Grosjean, F. Neurolinguists, beware! The bilingual is not two monolinguals in one person / F. Grosjean // *Brain and Language*. – 1989. – № 36. – P. 3–15.

170. Hooper, P.L. Quantitative description of the pastoral economy of western Tuvan nomads // Новые исследования Тувы. – 2020. – № 4. – С. 19–27. – DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2020.4.2>
171. Kent, G.H. A Study of Association in Insanity / G.H. Kent, A.J. Rosanoff // American Journal of Insanity. – 1910. – № 67. – P. 37–96, 317–390.
172. Kolers, P.A. Interlingual word associations / P.A. Kolers. – Текст : непосредственный // Journal of Verbal Learning & Verbal Behavior. – 1963. – № 2 (4). – P. 291–300.
173. Kroll, J. Category interference in translation and picture naming: Evidence for asymmetric connections between bilingual memory representations / J. Kroll, E. Stewart // Journal of Memory and Language. – 1994. – P. 149–174.
174. Miklashevsky, A. Perceptual experience norms for 506 Russian nouns: Modality rating, spatial localization, manipulability, imageability and other variables / A. Miklashevsky // Journal of Psycholinguistic Research. – Vol. 47. – 2018. – № 3. – P. 641–661.
175. Miller, G.A. Language and communication / G.A. Miller. – 1-е изд. – New-York: McGraw-Hill, 1951. – 298 p.
176. Nickels, L. Words fail me: Symptoms and causes of naming breakdown in aphasia // Handbook of Neuropsychology / L. Nickels. – Second Edition. – Amsterdam: Elsevier Science BV, 2001. – P. 113–136.
177. Paetzold, G. Inferring psycholinguistic properties of words / G. Paetzold, L. Specia // In: Proceedings of the 2016 Conference of the North American Chapter of the Association for Computational Linguistics: Human Language Technologies (NAACLHLT). – 2016. – P. 435–440.
178. Paivio, A. Concreteness, imagery, and meaningfulness values for 925 nouns / A. Paivio, J.C. Yuille, S. Madigan // Journal of Experimental Psychology Monograph Supplement. – 1968. – 76. – P. 1–25.
179. Paradis, M. Contributions of Neurolinguistics to the Theory of Bilingualism / M. Paradis. – Michigan State University: Applications of Linguistic

Theory in the Human Sciences. East Lansing: Department of Linguistics, 1980. – 216 p.

180. Pavlenko, A. The Bilingual Mental Lexicon. Interdisciplinary Approaches / A. Pavlenko. – Multilingual Matters, 2009. – 250 p.

181. Predictors of picture naming speed / F.X. Alario, L. Ferrand, M. Laganaro [et al.]– // Behavior Research Methods, Instruments & Computers. – 2004. – № 36. – P. 125–131.

182. Russian normative data for 375 action pictures and verbs / Y. Akinina, M. Ivanova, E. Iskra [et al.] – Текст электронный // Behavior Research Methods. – 2015. – Vol. 47, No.3. – P. 691–707. – DOI 10.3758/s13428-014-0492-9.

183. Skills, division of labour and economies of scale among Amazonian hunters and South Indian honey collectors / P.L. Hooper // Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences: [сайт]. – URL: <https://royalsocietypublishing.org/doi/10.1098/rstb.2015.0008> (дата обращения: 18.04.2022).

184. Snodgrass, J. Standardized set of 260 pictures: Norms for name agreement, familiarity and visual complexity / J. Snodgrass, M.A. Vanderwart // Journal of Experimental Psychology: Human Learning & Memory. – 1980. – № 6. – P. 174–215.

185. Specia, L. Multi-level Translation Quality Prediction with QuEst++ / L. Specia, G. Paetzold, C. Scarton // Proceedings of the ACL-IJCNLP 2015 System Demonstration, Beijing, 26–31 July 2015. – Beijing, 2015. – P. 115–120.

186. Tsaparina, D. Russian norms for name agreement, image agreement for the colorized version of the Snodgrass and Vanderwart pictures and age of acquisition, conceptual familiarity, and imageability scores for modal object names / D. Tsaparina, P. Bonin, A. Méot // Behavior research methods. – 2011. – № 43 (4). – P. 1085–1099.

187. Zevin, J.D. Age-of-acquisition effects in reading and other tasks / J. D. Zevin, M. S. Seidenberg // Journal of Memory & Language. – 2002. – № 47. – P. 1–29.

188. Zevin, J. Word Recognition / J. Zevin. – Текст: непосредственный // Encyclopedia of Neuroscience. – New-York: Academic Press, 2009. – P. 517–522.